

зала

шкафъ

полка

227

4 № 12

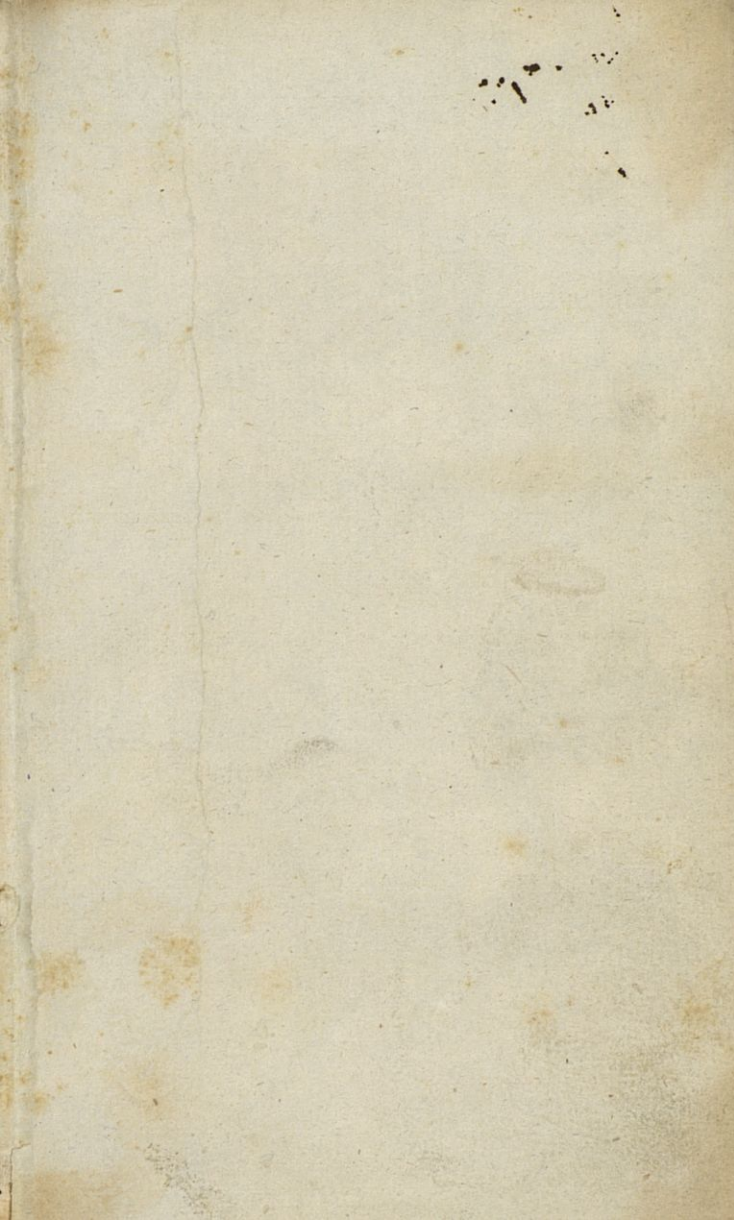
ЗАЛА 18.

ШКАФЪ 227.

ПОЛКА 4.

№ 12.

12

Им. Северный.

Спас. Паракминскъ.

И П Р Е Д К Ѳ П О Т О М К Ѳ .

СОЧИНЕНІЯ

Ѡ А Д Д Е Я

БУЛГАРИНА.

Смѣяшся, право, не грѣшно,

Надъ всѣмъ, что кажешся смѣшно,

Карализинъ.

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комишешъ при экземплярѣ.
Санкшешербургъ, 14 Окшлября 1830 года.

Ценсоръ, О. Сенковскій.

ИСТОРИЯ и ПРАВЫ.

— N^o I. —

ПРЕДОКЪ и ПОТОМКИ.

(Сатирическая повесть.)

ГЛАВА I.

ГРОЗА НА СВЪЗЖЕМЪ ДВОРѢ. ПИСАРЬ МИХЪИЧЪ. ДОБЫЧА.

Одинъ изъ Часпныхъ Присавовъ Сакшннепербургской Полиціи, получивъ выговоръ отъ Оберъ-Полиціймейспера, и узнавъ въ Управѣ Благочинія, что при дѣла, представленные имъ въ сіе присушсшвенное мѣсто, рѣшены иначе, нежели онъ надѣялся, возвратился домой въ величайшемъ гнѣвѣ. Нѣсколько дворниковъ, обвиненныхъ Квар-

шальными Надзирашелями въ неисправности, были первыми жертвами гнѣва Часнаго Пришава; потомъ нѣсколько несчастныхъ пьяницъ, подиавшихъ ночью на улицахъ, подверглись той же участи, и по дѣломъ. Собравшіеся въ Канцеляріи Кваршальные Надзирашели и писцы предчувствовали для себя худыя послѣдствія отъ гнѣва начальника, и съ шрепешомъ слышали, въ отдаленіи, грозныя его рѣчи; а нѣкошорые просипели заблагоразсудили возвратишься домой, и выждашь благопріятнѣйшее время для объясненія своихъ дѣлъ. Наконецъ, Часный Пришавъ взбѣжалъ, запыхавшись, на лѣспиницу; толкнулъ ногою дверь въ канцелярію, бросилъ шинель на столъ, прикрывъ ею шрепешущаго лица и его бумаги, и скорыми шагами пошелъ въ свои комнаты. Супруга его, получивъ новый чепецъ, въ подарокъ, отъ модной шорговки, недавно перѣхавшей въ часпъ, выбѣжала къ мужу, чшобъ обрадовать его обновкой, кошорая была ей весьма къ лицу, по увѣренію кухарки; по увидѣвъ, чшо супругъ ея былъ

весь въ попу и бросалъ вокругъ себя огненные взоры, она побѣжала назадъ. «Куда, сударыня!» воскликнулъ грозно Частный Приспавъ: «подай водки!» и съ сими словами снялъ шапку, бросилъ шляпу и распянулся на канаве, бормоча: «Поспой же, я имъ дамъ! я ихъ проучу! Чорпъ ихъ всѣхъ побери! Вымещу я на другихъ! Никому ни копейки болѣе!»

Между тѣмъ жена внесла графинъ съ паспойкою гуспаго шемнокоричневаго цвѣта, рюмку величиной въ полчешверши, и нѣсколько шонкихъ ломшиковъ чернаго хлѣба, крѣпко напертыхъ солью. Частный Приспавъ влилъ въ горло при рюмки водки, одну за другою, закусилъ, прошелся нѣсколько разъ по комнашѣ, и грозно завопилъ: «гей, кто шамъ! шрубку!» Тотчасъ явился сынъ его, мальчикъ лѣтъ чешырнадцати, копорый воспитывался дома, подъ надзоромъ нѣжныхъ родителей, учился грамошѣ у главнаго частнаго писаря, а свѣшскому обращенію и ловкости у Надзирашелей, бравшихъ его съ собою въ Теашры, въ

пракширы и въ другія публичныя заведе-
нія. Главная обязанность сына состояла
въ томъ, чтобъ набивать трубку папенькѣ
и ходишь къ главнымъ жителямъ часни съ
изуспными его порученіями. Сынокъ, въ изо-
дражномъ нанковомъ серпукѣ, безъ галсшу-
ка, предсидѣлъ съ большою деревянною труб-
кой, копорую самъ раскуривалъ, и подавалъ
ее опцу. Но опецъ грозно посмопрѣлъ на
сына, и схвативъ за включенные волосы, вы-
шкнулъ его за двери, промолвивъ: «Негодяй,
перяха!» Если бъ съѣзжій дворъ могъ ко-
лебаться, какъ некогда колебался Олимпъ
опъ гнѣва Юпитера, по вѣрно въ эту по-
ру не оспалось бы камня на камнѣ въ семь
средоточіи порядка и расправы, опъ гнѣва
Частнаго Присава. Сынъ его, поперявъ
клокъ волосъ, пробѣжалъ по всемъ корридо-
рамъ съ визгомъ, возвѣщая грозу, а супру-
га серднаго начальника скрылась въ кухню.

Но люди сердяшся, веселяшся, хвора-
ющъ, прыгающъ, умирающъ, а бумажныя
дѣла шекущъ, шекущъ, какъ вода въ море!
Человѣческія глупости безконечны и без-

оспановочны! Не взирая ни на гнѣвъ, ни на веселость Часнаго Пристава, чернила лились рѣкою въ его канцелярїи, и чудесною силою превращаясь въ хлѣбъ и вино, упучняли полдюжины писцовъ, украшая ихъ лица багровымъ цвѣтомъ. Ударилъ роковой часъ, и главный писецъ долженъ былъ явиться съ кипюю бумагъ къ своему начальнику. Писецъ эпопъ, узнавъ на съѣзжемъ дворѣ всю суешу міра сего, сдѣлался философомъ Цинической секпы. Хотя онъ имѣлъ уголь для своего ночлега, но, подобно Діогену, любилъ проводить время, если не въ бочкѣ, то возлѣ бочки, и часно опдыхалъ, по шрудахъ, за нею. Весь гардеробъ его соспавляли панковый серпукъ, неизвѣстно какого цвѣща, и фризовая шинель, имѣвшая нѣкогда цвѣщъ гороховый. Онъ такъ рѣдко брился, что знакомые не узнавали его, когда онъ являлся на улицѣ выбришый. Однажды въ годъ онъ ходилъ на Апраксинъ дворъ, въ лавки, гдѣ продается гошова одежда, и шамъ, подобно улишкѣ, сбрасывалъ съ себя старую оболочку, и паряжался въ новую. Но

эпошъ день былъ приспа шестидесящый
опъ того, въ кошорый писецъ перемѣнилъ
свою оболочку на Толкучемъ рынкѣ, и де-
вявшый съ пѣхъ поръ, какъ чугунная бриш-
ва съ звономъ прошла по щепинисной его
бородѣ, а опъ того она была шеперь какъ
сапожная щетка, а нанковый серпукъ по-
хожъ былъ на рогожку изъ сальнаго буяна.
«Есть *дѣлишки* къ подписанію и ареспан-
пы къ выслушанію, Ваше Высокоблагоро-
діе!» сказала писарь.

— «Провались пы съ дѣлами! Ареспан-
повъ допросить — да и въ преисподнюю, а
завира въ Управу... Чоршъ васъ всѣхъ по-
бери!...»

— «Есть одно дѣльцо *казусное*, Ваше
Высокоблагородіе. Изъ впората кваршала до-
спавленъ безпаспоршный человекъ...»

— «Въ Управу!» закричалъ Часшный
Приспавъ, прервавъ рѣчь писца.

— «Жаль опослашь его въ Управу,
Ваше Высокоблагородіе! Человекъ эпошъ,
какъ кажешся, безумшый, сирѣчь сумасшед-
шій...»

— «Ну, такъ къ Обухову моспу...»

— «Позвольте высказаться, Ваше Высокоблагородіе! При немъ найденъ цѣлый боченокъ съ новенькими Голландскими червончиками, да бумажникъ, полный новенькихъ бѣленькихъ бумажекъ, только что съ иглолочки...»

— «Гдѣ онъ, гдѣ онъ?...»

— «Деньги отданы на сохраненіе почтеннѣйшей супругъ Вашего Высокоблагородія, Акулинѣ Машвѣевнѣ, а человекъ въ арестантской.»

— «Ахъ, ты окаянный! ты, безумный, а не онъ!... Ко мнѣ его, сей часъ перевести въ мою комнату! А кто допрашивалъ его?»

— «Надзирашеля впрочемъ кваршала — и я.»

— «Бѣги и приведи поспѣшь арестанта: я самъ допрошу его, а Кваршальному скажи, чтобъ пришелъ чрезъ кухню, въ заднюю комнату, и подождаль меня.»

— «Просипели дожидаются...»

— «Пусть выслушаютъ ихъ дежур-

ный... мнѣ нѣкогда... я имѣю порученіе... скорѣй приведи арестанта!» —

Писецъ побѣжалъ опромешью за двери, а Часпный Приславъ закричалъ: «Акулька, Кулинька, Акулина Машвѣевна!» Жена явилась изъ кухни, въ спрахѣ и препенсѣ.

— «Куда ты припрятала деньги, которыя далъ тебѣ Кваршальный?»

— «Какія деньги, бапюшка, Никиша Игнашьевичъ?»

— «Червонцы и бумажки!»

— «Знашь не знаю и вѣдашь не вѣдаю, бапюшка, Никиша Игнашьевичъ!»

— «Какъ, что! ты не знаешь, гдѣ дѣвался боченокъ съ червонцами и бумажникъ съ ассигнаціями?»

— «А, боченокъ и узелокъ! Такъ это червонцы и бумажки? У меня, у меня! Вѣдь Кваршальный не сказалъ мнѣ что это шапокос, а проспо внесъ съ писаремъ, да велѣлъ беречь до своего прихода. Вотъ здѣсь, подъ кровашью!» —

Часпный Приславъ пошелъ въ спальню, поемопрѣлъ съ улыбкой на боченокъ,

поднял узелокъ и положилъ въ комодъ, пошомъ перевелъ духъ изъ всей силы, какъ будто для того, чшобъ изгнать изъ сердца всю злоспъ и досаду, и наконецъ поцѣловалъ жену и сказалъ: «Охъ, тяжела служба, любезная жена! Если бъ удалось... по увидимъ! Вопъ уже пришли... оспапья здѣсь!» —

Часпный Приспавъ возвратился въ первую комнату, куда писецъ ввелъ человека среднихъ лѣтъ, въ Рускомъ кафтанѣ, съ русою окладистою бородою, высокаго, широкоплечаго и краснощекаго. Часпный Приспавъ смотрѣлъ приспально въ глаза ареспанпу, но не замѣнилъ въ нихъ ни мушности, ни другихъ примѣпъ сумасшества. Ареспанпъ поклонился Приспаву и сказалъ: „Прошу шбя, кормилецъ, скажи мнѣ, за что меня заперли въ шюръму, и опняли мои деньги? Я ни въ чемъ не провинился, и не заслужилъ на то, чшобъ меня вспрѣмили шюръмою въ моемъ опечешствѣ, на святой Руси!“ —

Часпный Приспавъ не опвѣчалъ ни

слова, и не сводилъ глазъ съ незнакомца; на-
конецъ сѣлъ, и кивнувъ головою писарю,
сказалъ: „Садись и пиши, Михѣичъ! — Изволь
опвѣчать на мои вопросы.“

Г Л А В А П.

Допросъ и сказочные отвѣты.

„Какъ тебя зовушь?“ спросилъ Часпный Приставъ арешанпа.

— „Сергѣй Сергѣевъ Свиспушкинъ,“ отвѣчалъ незнакомецъ.

— „Гошово!“ сказалъ писарь, опрягнувъ перо и обтерши его объ рукавъ безцвѣтнаго серпука.

— „Молчи и пиши, Михѣичъ!“ возразилъ Приставъ. „Откуда ты родомъ?“

— „Изъ Москвы.“

— „Изъ какого званія?“

— „Изъ дворянъ Московскихъ, Сшольникъ Его Царской милости.“

— „Чино какое? придворный споляръ и изъ дворянъ!“ сказалъ Приставъ въ недоумѣніи, и снова посмотрѣлъ быстро въ глаза незнакомцу.

— „Прикажете записать, Ваше Высокоблагородіе?“ спросилъ писарь.

— „Нѣшь, поспой! Чшо шы несешь околесную!“ промолвилъ Приспавъ, обращаясь къ незнакомцу. „Какъ можешь бышь, чшобъ дворянинъ былъ споляромъ? Какой шы дворянинъ въ Рускомъ кафшанѣ и съ бородой?“

— „Я, башюшка, не споляръ, а Спольникъ Его Царской милости, Царя, Государя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи,“ опвѣчалъ важно незнакомецъ. „Ношу я кафшанъ, въ какомъ ходили предки мои и всѣ Рускіе Князья и Бояре. Бороды не брью, пошому, чшо ни одинъ изъ предковъ моихъ не брилъ ее, и чшо я Рускій, а не Нѣмецъ.“

— „И я, брашець, не Нѣмецъ, а природный Рускій, изъ города Чухломы,“ сказалъ Приспавъ: „но если бъ явился съ бородой къ начальнику, шо меня выгнали бы въ полчки. Объ какомъ шы Царѣ шолкуешь? Унасъ Царь, Его Императорское Величество Александръ Павловичъ, а не Алексѣй Михайловичъ . . . Михѣичъ, не знаю, пишашь ли эшо? Ощъ несешь ахипею!“ При

сихъ словахъ Приславъ провелъ пальцомъ возлѣ своего лба, чшобъ дашь знашь, чшо у незнакомца вершился въ головѣ. Пошомъ, обращаясь къ незнакомцу, сказалъ:

— „Послушай - ка, Сергѣй Свистушкинъ, не говори о Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ! Въдь за эшо, брашъ, попадешъ въ бѣду: я не врагъ тебѣ, и хочу тебѣ помочь какъ нибудь. Гдѣ твой паспортъ?“

— „А чшо такое паспортъ?“

— „Какъ, шы не знаешь, чшо такое паспортъ! О, эшо ужъ слишкомъ! Ты хочешь шушишь со мной; шакъ я же тебѣя проучу! Въ кандалы!“

— „Помилуй, ошець родной, сжался надо мной и выслушай, ради Бога! — Мнѣ говоряшь, чшо я въ Россіи, а я, Рускій человекъ, ничега не понимаю здѣсь, и меня ничшо не понимаетъ. Ради Бога, скажи мнѣ, гдѣ я? Ужели естъ другое царство Русское? Все, чшо я здѣсь вижу, не похоже на Руское, шолько въ рѣчахъ узнаю Рускія слова. Ради Бога, объяснише мнѣ, гдѣ я и чшо со мною дѣлается!“ —

Частный Приставъ вспаль со спула, подозваль къ себѣ писца и сказалъ: „Михѣичъ! что ты думаешь объ этомъ? Надобно ли написати весь вздоръ, что говоришь сумасшедшій?“

— „Разумѣеся, Ваше Высокоблагородіе: это послужишь доказательствомъ, что онъ сумасшедшій, и тогда» (промолвилъ онъ въ полголоса), «не повѣряшь, когда онъ скажешъ, что у него были деньги.»

— „Правда швоя, Михѣичъ! Послушай-ка, господинъ придворный споляръ, изъ дворянъ, небывалаго Царя Алексѣя Михайловича! рассказывай, что тебѣ угодно. Пока тебѣ заспавяшь признашься, намъ надобно знашь, что ты говоришь о себѣ. Начинай, какъ ты вышелъ изъ Москвы, гдѣ былъ, что дѣлалъ и какъ попалъ сюда, безъ паспорша. Прежде выслушай, Михѣичъ, а послѣ напиши своими словами и вели подписашъ ему, если онъ знаетъ грамошъ.“

— „Какъ мнѣ не знашь грамошъ!“ возразилъ незнакомецъ.

— „И шакъ говори! мы слушаемъ.“

— „Въ 7... году, въ Апрель мѣсяцъ, Царь, Государь и Милоспивецъ нашъ, Алексѣй Михайловичъ, призвалъ меня къ себѣ, въ свои Царскія Кремлевскія палаты, въ Москвѣ бѣлокаменной, и сказалъ: „Серѣжка! поѣзжай къ городу Архангельску, да выѣзжи порядочно Воеводу и его Дьяковъ, да подьячихъ, за то, что сдираюшъ лишнія подаши и берутъ взятки съ православныхъ и Нѣмецкихъ купцовъ, а чшобъ плушы не разжирѣли чужимъ добромъ, имѣнье ихъ опиши въ мою казну, Государеву. Послѣ того сядь на ладью, да съѣзди на Соловки, и ошдай Архимандриту церковную ушварь и ризы, копорыя я обѣщаль на церковь. Всѣмъ чернецамъ дай опъ меня по пяши алпынѣ, чшобъ молили Бога за меня, за дѣпокъ моихъ и за всѣхъ православныхъ монаховъ поданныхъ. На обратномъ пути заѣзжай въ Лопь, да выѣзжи Приспава, чшобъ не кралъ муки, копорую я посылаю Лопарямъ изъ Архангельска. Потомъ возвратись въ Москву, и предстань предъ свѣшлыя очи мои, Государевы...“

Часпный Приспавъ прервалъ рѣчь незнакомца:— „Помилуй, брашець, да эшо сказка! Начашь бы тебѣ: въ нѣкопоромъ царствѣ, въ нѣкопоромъ государствѣ!...“

— „Мнѣ извѣстно Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича,“ сказалъ писецъ: „и я вычиталъ въ Зерцалѣ Россійскихъ Государей... Позвольте! полезная книжница сія имѣется у сына Вашего Высокоблагородія, Паншелеймона Никишича: мы поничасъ увидимъ!“ Писецъ пошелъ въ другую комнату и возвратился съ книгою: „Опшъ смерти Царя Алексѣя Михайловича спо..... лѣшъ. Сколько тебѣ было лѣшъ опшъ роду, когда тебя выслалъ Царь въ Архангельскъ?“

— „Тридцашъ шесшъ,“ отвѣчалъ незнакомецъ.

— „Дважды два, семь и семь... слѣдовашельно тебѣ должно бышъ шеперь спо... лѣшъ,“ сказалъ писецъ, посмошрѣвъ насмѣшливо на незнакомца.

— „И шакъ Царь, Государь и Милоспивецъ нашъ, Алексѣй Михайловичъ, преспавился,“ сказалъ незнакомецъ. „Вѣчная

ему память и царство небесное! Воля ваша, честные господа, но вы шумите надмною, несчастнымъ, говоря, что мнѣ спольшь слишкомъ!“

— „Не ты ли шумишь надъ нами, брашець,“ сказалъ Честный Приславъ. „Смотри только, чтобъ не поплашишься за шумки! Впрочемъ, ври что угодно: это не наше дѣло. Только говори скорѣе.“

— „Прѣхавъ въ Архангельскъ, я исполнилъ Царское повелѣніе, высккъ башогами взяточниковъ, и отправился съ богомольцами на Соловки. Къ вечеру настала жестокая буря, и насъ понесло, Богъ знаетъ куда! Хлѣба и воды у насъ было только на шестеро сутокъ, а насъ несло въпромя ровнехонько двѣ недѣли. Умирая отъ голоду и жажды, мы каждый мигъ ожидали гибели, и уже переспали править ладьею, какъ вдругъ возспалъ еще сильнѣйшій въспрь и пригналъ насъ къ ледянымъ горамъ. Мы, было, подумали сперва, что это земля, и обрадовались, но вскорѣ надежда наша исчезла. Между шѣмъ, волненіе нанесло ладью на

льдины, и она разбилась въ дребезги. Я не помню, что со мною было, что я дѣлалъ, гдѣ былъ; долго ли, коротко ли, только проспавшись, почувствовалъ, что я лежу во льду. Надо мною была ледяная кора, не полще полу-аршина. Солнечные лучи проникали ледъ насквозь, онъ шаялъ постепенно сверху, и допускалъ теплому ко мнѣ. Мнѣ спало какъ хорошо, когда я почувствовалъ, что въ жилахъ моихъ переливается теплая кровь, и что ошвердѣвшіе члены снова принимаютъ свою гибкость! Я спалъ дыша теплымъ паромъ, и вскоре ледяное пространство, въ которомъ я былъ заключенъ какъ въ гробу, сдѣлалось обширнѣе, и наконецъ верхняя льдина лопнула, отъ удара моихъ ногъ. Я вылезъ изъ льда, какъ бабочка изъ мѣшечка, и вздохнувъ свѣжимъ воздухомъ, чуть не умеръ отъ радости и ослабленія. Солнце сильно пекло, и со льду текли ручьи прѣсной воды. Я утолил жажду и укрѣпился. Лишь только я вышелъ изъ своего ледянаго започенія, одежда моя поспѣху свалилась съ меня, и рассыпалась въ прахъ. Это ме-

ня нѣсколько обезпокоило, по Провидѣнію угодно было спасти меня чудомъ и довершишь избавленіе чудомъ же. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, я увидѣлъ прехъ мершвыхъ бѣлыхъ медвѣдей, какъ будто околѣвшихъ отъ ранъ, панесенныхъ клыками какихъ-то живошныхъ. Я, опыскавъ свой ножъ, уцѣлѣвшій отъ неплѣнія, и содравъ шкуру съ одного медвѣдя, прикрылся ею, а изъ другихъ шкуръ едѣмалъ для себя поспель во льду. Впрочемъ я такъ закалился, что мало чувспивовалъ дѣйствіе холоду. На берегу ледянаго этого острова было много мершвой рыбы и разныхъ улишокъ, я пишался ими и проводалъ время, смотря въ открытое морѣ. Ночи не было въ этомъ мѣстѣ, и я тогда только ложился спать, когда совершенно рыбивался изъ силъ. Спрахъ, бышь съѣдену бѣлыми медвѣдями или другими живошными, не давалъ мнѣ покоя: но они не осмѣливались приближашься ко мнѣ, и лишъ только я начиналъ кричашь, что они бѣжали отъ меня опромешью. Другихъ звѣрей я не видѣлъ, кромѣ киповъ: одного мершваго кипа выбросило бурею на

ледь, что доставило мнѣ не только обильную пищу, но даже оружіе изъ костей эшого живошного.

„Не знаю, сколько времени провелъ я такимъ образомъ, думаю мѣсяца два, какъ вдругъ поднялась жестокая буря, о какой я и въ сказкахъ не слыхивалъ! Ледяной островъ качало, какъ щепку, и я ожидалъ, что его или разобьешь, или что онъ канешь на дно. На противоположномъ берегу я слышалъ страшный шумъ и грохотъ, и думалъ, что ледяныя горы уже разрушаются. Сопровивъ молитву, я прилежъ на льду, и ожидалъ смерти. Но вскорѣ громъ и шумъ исчезли; а чрезъ нѣсколько времени буря утихла. Я взлѣзъ на возвышенность льда, и увидѣлъ, что часть моего ледяного острова опломало, и что на берегу лежатъ обломки корабля. Надѣясь найши челоуѣка, спасагося опъ кораблекрушенія, я побѣжалъ шуда, но обманулся въ ожиданіи. На льду лежало нѣсколько бочекъ и боченковъ, куски дерева, канашы, а не было ни одной живой души. Со слезами бросился я обни-

машь куски дерева, давно невиданнаго мною, и лобызалъ ихъ какъ земляка, какъ вѣшника съ земли, съ копорою я бѣмъ разлученъ и опдаленъ моремъ и льдами! Въ бочкахъ нашель я сухари и сельди. Я не пишался, но лакомился ими, зная, что это послѣднее средство къ моему спасенію, если море откажется выбрасывать мнѣ гнилую рыбу, и звѣри найдуть другое мѣсто для пожирания своей добычи. Въ боченкахъ были червонцы; съ презрѣніемъ смопрѣлъ я на золото, которое не могло мнѣ принести никакой пользы, и употребилъ боченки на то только, чтобы сложить изъ нихъ родъ сѣтѣны, которую прикрылъ досками. Положеніе мое улучшилось, но я боялся наступленія зимы и недоспашка въ пищу. Страхъ будущаго превозилъ меня въ настоящее. Все время проводилъ я въ молитвѣ, приговорясь къ смерти.

„Однажды я увидѣлъ вдали, въ открытомъ морѣ движущееся бѣлое пятнышко; я думалъ сперва, что это спадъ кнцовъ, но вскорѣ могъ разсмопрѣшь, что

это корабль на всѣхъ парусахъ. Не могу рассказать, что я тогда чувствовалъ! Сначала я бросился на колѣна, и поблагодарилъ Бога, а послѣ взбѣжалъ на высокую льдину, и спалъ махалъ моею медвѣжьей шкурой, кричалъ и прыгалъ отъ радости. Вѣшеръ былъ боковой, съ корабля увидѣли меня въ подзорную трубку, а наконецъ и услышали мой крикъ. Вскорѣ я увидѣлъ, что корабль направилъ путь къ моему лдяному острову. Наконецъ онъ бросилъ якорь на маломъ разстояніи, и выслалъ за мной шлюбку. На берегъ вышли Нѣмцы. Они осмошрѣли меня съ ногъ до головы, и подумали, что я дикій человекъ. Наконецъ мнѣ удалось располковать ихъ, что я Рускій. На кораблѣ находился одинъ мажросъ, бывший въ Россіи; за нимъ поспѣлъ послали, чтобъ онъ служилъ переводчикомъ. Я рассказалъ мое приключеніе и замѣнилъ, что мнѣ не вѣрили, когда дошла очередь до моего сна внутри льда. Корабельщикъ и мажросы думали, что я помѣшался въ умъ; но когда я имъ указалъ на бочки

съ золопомъ, по они признали, что я въ полномъ умѣ и даже очень уменъ. Боченки и меня взяли на корабль, и не занимаясь болѣе киповою ловлею, отправились въ Голландскую землю, въ городъ Амстердамъ. Тамъ взялъ меня къ себѣ въ домъ хозяинъ корабля, и при раздѣлѣ червонцевъ далъ мнѣ два боченка; одинъ боченокъ хозяинъ промѣнялъ мнѣ на какія-то бумаги, за копорыя я долженъ былъ получить деньги отъ здѣшнихъ Нѣмецкихъ купцевъ, а другой боченокъ я взялъ пераскупоренный, и съ первымъ кораблемъ отправился въ Россію. Третьяго дня я прибылъ въ какой-то городъ, на островѣ, въ тридцати верстахъ отсюда, и мнѣ сказали, что я въ Россіи. Я думалъ, что надо мной издѣваются, потому, что я едва увидѣлъ шамъ нѣсколько Рускихъ людей, а все прочее шамъ Нѣмецкое. Пробывъ шамъ нѣсколько часовъ, корабельщикъ повезъ меня съ собой на большой лодкѣ, какъ онъ говорилъ, въ столицу Рускаго Государства, привезъ въ эпопъ большой городъ, и помѣстилъ въ

Нѣмецкомъ поспояломъ дворѣ. Я спалъ распрашивашъ людей, въ какомъ я царствѣ? и мнѣ говоряшъ, что я въ Россіи. Не знаю, чему вѣришь; только я вижу здѣсь мало Рускаго. Вѣроятно, что Нѣмцы поселили здѣсь Рускихъ плѣнныхъ, ибо кромѣ чернаго Рускаго народа, здѣсь нѣтъ вовсе никого изъ Рускихъ. Нѣмцы разъѣзжаютъ въ дорогихъ колымагахъ, а Рускіе развозятъ ихъ. Нѣмцы живутъ въ высокихъ каменныхъ палахахъ, а Рускіе сидятъ въ лавкахъ и лабазахъ. Рускіе шаскаютъ воду и дрова, чистятъ улицы, спроятъ хоромы, а Нѣмцы только расхаживаютъ, да разгуливаютъ. Я не вѣрю и не могу вѣрить, что я въ Россіи, и мнѣ все кажется, что надо мной смѣются. Наконецъ, дѣло это кончилось шѣмъ, что у меня опняли мои червонцы и посадили въ тюрьму, ни за что, ни про что! Я, право, въ самомъ дѣлѣ сойду съ ума, отъ всего, что я здѣсь вижу и слышу!...

Пока арестантъ рассказывалъ, Частный Приставъ выкушалъ раза при водоч-

ки, и обернувшись спиною къ раскащику, задремалъ. Писецъ воспользовался эшимъ случаемъ, и выпилъ оспашки, ш. е. половину графина. Наконецъ, когда ареспаншъ умолкъ, писецъ громко сказалъ: „Конечъ и Богу слава! Чшо прикажете, Ваше Высокоблагородіе?“ —

Часный Присавъ проснулся на громгласное призваніе писца, а онъ повпорилъ: „Допросъ конченъ; чшо прикажете, Ваше Высокоблагородіе?“

— „Въ шюръму!“ сказалъ сквозь зубы Присавъ, проширая глаза.

— „Помилуйше, сжалъшесть надо мною!“ воскликнулъ ареспаншъ.

Присавъ посмопрѣлъ на него, и вспоминая дѣло, сказалъ: — „Въ домъ сумасшедшихъ, къ Обухову мосту! Михѣичъ, напиши отношеніе въ больницу.“ —

Ареспаншъ хопѣлъ чшо-шо говорить, но замолчалъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ началъ сомнѣваться, почно ли онъ въ здоровомъ умѣ; а наконецъ рѣшился, лучше бытъ въ рукахъ Докшоровъ, нежели шѣхъ, копорые

его допрашивали. Онъ, въ безмолвіи, послѣ-
довалъ за писцемъ, который поспѣлъ из-
готовить отношеніе, а дежурный Квар-
тальный Надзиратель отвезъ несчастнаго
въ больницу.

Г Л А В А Ш.

ПЕРЕМѢНА УЧАСТИ АРЕСТАНТА. НИКИТА
ИГНАТЬЕВИЧЪ КОГТЕВЪ И ЕГО СУПРУГА.
Слѣдствія откровенности.

Часпный Приспавъ, Никиша Игнашьевичъ Когшевъ, будучи еще Брандмейстеромъ, женился, для пріобрѣшенія покровительсва, или, какъ онъ говоритъ, *изъ протекціи*, на пенсѣ своего начальника, Часпнаго Приспава. Чрезъ чешыре года Брандмейстеръ, узнавъ, чрезъ жену свою, многія шайны Часпнаго Приспава, по часпи карманной, по врожденной опкровенности объявилъ эшо начальсву. А какъ начальсво знало Брандмейстера съ хорошей спороны, по рекомендаціи обвиненнаго Приспава, шо обратило на опкровеннаго чиновника особенное вниманіе, и чрезъ годъ онъ получилъ мѣсно прежняго своего покровителя. До сихъ поръ Акулина Машвѣвна имѣла первенсво въ домѣ, но когда зяпъ ея пере-

спалъ бытъ начальникомъ мужа, Ники-
та Игнашьевичъ далъ ей почувствовать, что
онъ женился на ней *изъ протекціи*, и что
ей сорокъ пять лѣтъ отъ рожденія. Изъ
полной хозяйки, она сдѣлалась первою слу-
жанкою въ домѣ, и хотя мужъ позволялъ
ей принимать подарки, но только самыя
бездѣлицы; а наконецъ дошелъ до того, что
первые порывы своего гнѣва всегда у-
спремлялъ на жену, и даже нѣсколько разъ
осмѣливался прикасаться дерзкою ладонью
къ ея ланитамъ, гдѣ прежде ничего не бы-
вало, кромѣ румянъ и поцѣлуевъ. Однимъ
словомъ, жена безъ протекціи, красоты и
денегъ, была въ шягоспѣ Никитѣ Игнашье-
вичу, а Акулинѣ Машвѣевнѣ былъ несносенъ
мужъ грубіянъ и деспотъ. Они оба желали
избавиться другъ отъ друга, но не знали
какъ. Наконецъ Акулинѣ Машвѣевнѣ при-
шло въ голову употребить то же средство,
какимъ избавился мужъ ея отъ своего по-
кровителя, *ш. е.* опкровенностью предъ на-
чальствомъ. Она переговорила съ Кваршаль-
нымъ Надзирашелемъ, принесшимъ боченокъ

съ червонцами и узелокъ съ ассигнаціями; Надзирашеля посовѣшовався съ писаремъ Михѣичемъ, и какъ уже прошло полпоры недѣли, а Часпный Приспавъ не говорилъ ни слова о деньгахъ ни женѣ, ни Надзирашелю, ниже писарю, шо однажды вечеромъ пошребовали его къ начальнику переговоровъ о семъ пріятномъ предметѣ, и разговоръ кончился шѣмъ, что Никишу Игнашьевича посадили подъ арестъ, деньги запечатали и опдали на сохраненіе въ Приказъ Общеспвеннаго Призрѣнія, а несчастнаго Сергья Свиспушкина пошребовали для объясненія.

Лекаръ, пользовавшій его въ больницу, почель его лишеннымъ ума. Сергый Свиспушкинъ безпреспанно ушверждалъ, что онъ Спольникъ Двора Его Царской милоспи Царя, Государя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича; не признавалъ Руски ми безбородыхъ коропкокафшаниковъ; ушверждалъ, что надъ нимъ издѣваюшся, говоря съ нимъ языкомъ полу-Рускимъ и полу-Нѣмецкимъ, и просиль, ради Бога, оппустишь его на свяшую Русь, въ Москву бѣ-

локаменную, къ Царю, Государю. Но Полиція судила иначе, нежели Докпоръ. Она предполагала (и весьма умно), что Сергѣй Свиспушкинъ вѣроятно какой нибудь плушъ или воръ, который похитилъ деньги, и будучи пойманъ, спарается увернуться ошъ распросовъ и наказанія пришворнымъ сумасшествіемъ. Иначе и нельзя было предполагать, и попому Сергѣя Свиспушкина перевели изъ больницы въ шорьму. Тогда Лекаръ, пользовавшій его, сжалился надъ его участью (при мысли о боченкѣ), и представилъ въ Полицію ученую диссертацію, въ которой доказывалъ возможность прожить спо лѣтъ во льду. Онъ подкрѣплялъ свои предположенія всѣми извѣстными случаями, а именно, найденными въ границѣ живыми лягушками и змѣями, и мухами въ яншарѣ. Хотя Лекаръ причислялъ подобные случаи къ чудесамъ напуры, однако жъ предполагалъ возможность оныхъ, и указывалъ на ласпочекъ, кочующихъ зимою (яко бы) въ водѣ! — Одинъ Аншикварій доказалъ, что въ помѣ именно годѣ, былъ посланъ Спольникъ

Сергѣй Свиспушкинъ въ Архангельскѣ, при блаженной памяти, Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и въ Дворцовыхъ Запискахъ (разумѣется, рукописныхъ) показанъ погибшимъ, въ переездѣ на Соловки. Между бумагами Сергѣя Свиспушкина отысканъ паспортъ изъ Голландіи и свидѣтельство, что онъ найденъ на плавающихъ ледяныхъ горахъ, возлѣ Шпицбергена. Объ этихъ бумагахъ ничего не зналъ Свиспушкинъ и не понималъ ихъ содержанія, такъ же, какъ не зналъ достоинства ассигнацій. Всѣ сіи доводы послужили одному знаменитому спрятанному удовлетворительными, для освобожденія Сергѣя Свиспушкина, съ его деньгами, изъ тюрьмы, что наконецъ и воспользовало. „*Слушали и приказали:* Сергѣя Свиспушкина, освободивъ, отдать на руки родственникамъ, буде таковыя имѣются, и оставить въ сильномъ подозрѣніи.“ Въ чемъ подозрѣвали его, въ сумасшествіи или въ похищеніи денегъ, о томъ не упомянуто въ рѣшеніи. Спрятаній называлъ это *лазейкою*.

Г Л А В А IV.

ПЕРЕБОРЪ РОДИИ.

Освободители Сергѣя Свиспушкина: Лесарь, Антикварій и Спряпчій, собрались для совѣща, къ кошорому изъ родшвенниковъ долженъ онъ опправиться, и въ какія войши съ родными сношенія. Всѣ шть, о кошорыхъ говорилъ Сергѣй Свиспушкинъ, какъ о живыхъ, давно уже поконились на лонѣ Авраама. И такъ надлежало имѣшь дѣло съ ихъ попомками, кошорыхъ вовсе не зналъ Сергѣй Свиспушкинъ. Антикварій сидѣлъ за споломъ съ адресъ-календаремъ, Спряпчій со справками, а Докпоръ съ сигарой во рпу, и всѣ они, выпивъ по спакаву вина, кошорое бывший Спольникъ называлъ романеєю, опкрыли застѣданіе.

Антикварій. Плапонъ Осиповичъ Свиспушкинъ, Кригсъ-Комиссаріапскій чиновникъ. Чшо вы скажете о немъ, господа?

С. Свистушкинъ. Ахъ, бапюшка, боюсь! Эпо вѣрно не изъ нашего рода, а изъ Нѣмцевъ. Да я не выговорю его прозванія крысь, косе “

Лекарь. Эпопѣ чловѣкъ мнѣ не нравился. Я былъ однажды въ тѣхъ справахъ, гдѣ онъ закупалъ вещи для казны; а если онъ такъ же будетъ соблюдать выгоды Сергѣя Сергѣевича, какъ казенныя, то боченокъ скоро превратится въ наперспекъ. Нѣтъ ли другаго?

Антикварій. Павелъ Пепровичъ Свистушкинъ, Оберъ-Гишенфервалшеръ.

С. Свистушкинъ. Опять Нѣмецъ! Не зналъ я, что въ Нѣмчинѣ у меня столько родни! Видно, бабы наши перебѣсились, да всѣ вышли за Нѣмцевъ. Богъ съ ними! пощи-ка между Рускими.“

Собсѣдники улыбнулись, а Спряпчій сказалъ: „Эпопѣ Оберъ-Гишенфервалшеръ былъ добрый чловѣкъ; но уже два года, какъ онъ умеръ!

Антикварій. (перебиралъ адресъ-календарь) Опъ шого-шо и вписанъ въ адресъ-

календарь, пошому, чшо въ немъ именно не помѣщаюшъ живущихъ, въ два и три года, послѣ опредѣленія въ службу, а на нѣсколь-ко лѣшъ оспавляюшъ умершихъ. Но вопшь порядочный человекъ: Иванъ Ивановичъ Сви-спушкинъ, Унперъ - Шпалмейсперъ.

С. Свистушкинъ. Да опвяжись шы, съ своими Нѣмцами! Не хочу, рѣшительно не хочу!

Стряпчий. И я шакже. Иванъ Ивано-вичъ, сколько мнѣ извѣсно, нуждается всегда въ деньгахъ, проживая, шридцашъ лѣшъ сряду, болѣе, нежели сколько позво-ляюшъ ему доходы. Червончики могли бы ускакашъ въ галопъ изъ боченка, подѣ ру-ководшвомъ Г. Унперъ-Шпалмейспера. Но зачѣмъ спало дѣло: я предлагаю Кузь-му Пешровича Свиспушкина, Оберъ-Про-курора, чиновника спепеннаго, порядочнаго.

С. Свистушкинъ. Опяшъ Нѣмецъ! Вы, право, ребяша, стоворились, чшо ли, свесши меня съ ума! Не хочу, да и шолько!

Антикварій. Кузьма Пешровичъ по-ѣхалъ къ водамъ, въ чужіе краи.

С. Свистушкинъ. Вишь какого басурмана хошѣли навязашь мнѣ! Коли бѣ онѣ былѣ Рускій, шо покинулѣ ли бы свящую Русь, чшобѣ иппи въ чужую землю за водою? Куда же бы онѣ залешѣлъ за хлѣбомѣ? Хорошѣ гусь!“ Собесѣдники разсмѣялись, и Антикварій сказалѣ:

— „Знаете ли чшо, господа! пошлемѣ Сергѣя Сергѣевича къ Никандру Семеновичу Свистушкину. Онѣ поэтѣ и припомѣ разгульная головушка. Если ему и перепадешѣ червончикѣ, другой, шо право не жаль!

Стрѣльцкій. Дѣльно! когда поэтѣ будешѣ управляшѣ дѣлами, шо вѣроятно безѣ насѣ не обойдешѣ, а мы изѣ дружбы къ Сергѣю Сергѣевичу будемѣ наблюдашѣ за порядкомѣ.

С. Свистушкинъ. Чшо шакое, попомокѣ мой поешѣ? Гдѣ? вѣрно на клиросѣ!

Антикварій. Попомокѣ вашѣ не поешѣ, но пишешѣ, а между прочимѣ и пѣсенки, кошорыя поюшѣ другіе, попомоу чшо у него самого козлиный голосѣ. Онѣ сочинилѣ, сирѣчь человѣкѣ, кошорый для забавы дру-

гихъ слагаетъ вирши, сочиняетъ сказки и
разныя другія побасенки.

С. Свистушкинъ. Понимаю! эпо дол-
женъ быть веселый человекъ, словно нашъ
Кирша Даниловъ. Не правда ли, ты умная
голова!

Антикварій. Да, онъ будетъ веселъ
до шѣхъ поръ, пока вы спанете хвалишь
его вирши, а чуть намѣкнете, что не хо-
роши, такъ и укусишь

С. Свистушкинъ. Такъ зачѣмъ же не
посадить его на цѣпь, когда онъ кусается?

Антикварій. Сорвется! — Но я шучу,
почтенный Сергѣй Сергѣевичъ! Въ излиш-
ней щекошливости и въ спроси къ по-
хваламъ, нельзя обвинять одного вашего по-
помка. Въдъ всѣ почши спихотворцы на
однѣхъ покроехъ, до шѣхъ поръ хороши, пока
ихъ похваливаешь, а за каждое словцо, — пош-
часъ гоповы въ драку. Я думаю, и вашъ
Кирша Даниловъ былъ шаковъ.

С. Свистушкинъ. Точнехонько! Быва-
ло, какъ напьется пьль, окаянный, такъ
на всѣхъ брешетъ, аки песъ, ни за что,

ни про что; а какъ похвалишь его пѣсенку, шакъ, лижешся и смиренъ какъ овечка.

Антикварій. Ну вопъ видише! Впрочемъ ^{постомокъ?} вашъ предокъ, право, малый добрый, а если бъ у него было сполько ума, сколько кудрявыхъ словъ и складныхъ рѣчей, и сполько чувства, сколько щеславія, то онъ далеко бы ушелъ.

С. Свистушкинъ. Вы меня шакъ наспращали своими Нѣмцами, что я боюсь выбирать, а пойду къ этому весельчаку. Пускай наспароситъ, утѣшаетъ меня сказками и прибаутками, да складываетъ пѣсенки. Все это лучше, чѣмъ обдираешь безвинныхъ людей и запираешь въ домъ сумасшедшихъ!“

Лекарь и Спряпчій согласились на выборъ Антикварія, и Свистушкинъ отправился съ нимъ къ своему попомку.

Г Л А В А V.

Старое и новое мнѣніе о Россіи.

Бывшій Спольникъ не хопѣлъ сѣсть въ карсшу, сказавъ, что полько женщинамъ прилично ѣздить въ закрытыхъ колымагахъ. На дрожки онъ взглянулъ и засмѣялся во все горло, ибо въ это самое время проѣхалъ въ этомъ экипажѣ мужчина съ женщиной, въ самомъ спраннымъ положеніи. Верховой лошади не было, и такъ Спольникъ вознамѣрился иппи пѣшкомъ.

— „Ты мнѣ кажешься человекъ умнымъ,“ сказалъ Сергѣй Свиспушкинъ Аншикварію: „и пошому я намѣренъ опкрышь шебѣ, что я думаю обо всемъ, что здѣсь вижу и слышу, а вмѣстѣ съ этимъ прошу сказать мнѣ всю правду. Я читалъ въ Хропографахъ, что когда Варяги пришли въ Новгородъ и завладѣли Славянскою землею, что въ народѣ была великая смута, опъ что, что дружина Рюрикова хопѣла господ-

спвовашь и вводилъ свои обычаи, а Славяне желали оспашься при своемъ, и принудилъ Варягъ жить по своему. Чшо я вижу здѣсь, походишь на эпо. Всѣ вы называешесь Рускими, а вы шакъ же похожи на Рускихъ, какъ я на кипа или на бѣлаго медвѣдя. Посмотри на себя, умная голова! вѣдь ты одѣшь шупомъ! Твой кургузый кафтанъ ни грѣешъ шебя, ни прикрываешъ. Безбородое лице швое походишь, просиши Господи, на окорокъ. На головѣ у шебя хохоль, какъ у Индѣйскаго пѣшуха, грудь прикрыва лохмошьями, шея лохмошьями — срамъ да и шолько! Гдѣ я ни былъ съ шобой, иконы не доищешься, а спѣны испещрены всякими погаными изображеніями: собаками, голыми людьми да идолами! Въ пещицу и въ Филиповъ посидѣ въ Рускихъ харчевняхъ ѣдятъ мясо и пьютъ шабачище, люди, называющіеся Рускими! Ты самъ, умная голова, ѣлъ, на мой счетъ, поганья яшвы: раковины, раковъ, угрей, какъ будшо съ голоду, на ледяномъ оспровѣ. Рѣдкій изъ васъ крестился передъ церковью и передъ

иконою на улицѣ, а въ избѣ такъ вы и не думаете о молитвѣ! Въ языкъ Рускій напустили вы какихъ-то Чухонскихъ словъ, и говорите между собою такой вздоръ, что уши вянутъ! Всѣхъ Рускихъ купцевъ заперли вы въ госпитальный дворъ, а въ домахъ своихъ открыли лавки, и посадили туда Нѣмецкихъ бабъ да дѣвокъ. Господи, прости и помилуй! Сущій Содомъ и Гомора! Скажи, пожалуй-ска, откуда вы взяли это?”

— „Вы смотрите на предметы съ одной точки зрѣнія. Сынъ, блаженной памяти, Царя Алексѣя Михайловича, Петръ Алексѣевичъ, справедливо названный Великимъ, поѣхалъ въ чужія страны, посмотрѣлъ, какъ живутъ на свѣтѣ другіе народы, которые присылали къ намъ свои товары, своихъ мастеровъ и всякихъ искусниковъ. Петръ Алексѣевичъ убѣдился, что если Россія будетъ ославаться въ своемъ невѣжественномъ положеніи, т. е. не станеть учиться тому, что знаютъ иностранцы, то кончится тѣмъ, что ее покорятъ, раздѣлятъ и Рускихъ сделаютъ рабами ино-

племенниковъ, ибо умъ и искусство торжешвуюющъ всегда надъ силою, и покоряющъ ее, такъ точно, какъ человекъ умомъ и искусствомъ ловитъ слона, льва и кита. Тапарты покорили Россію, отъ того, что были искуснее насъ въ военномъ дѣлѣ, а Поляки, при Самозванцахъ, не спрашивались дѣсятками нападавъ на наши сопки, пошому, что лучше насъ знали военное ремесло. Чшобъ не покупать въ при-дорога нужнаго для насъ у иноспранцевъ, надобно было учиться у нихъ выдѣлывать разные повары дома, и для этого надобно было знать разные науки, равно и для того, чшобъ умъ пользоваться дарами нашей земли Руской, управлявъ ею для блага всѣхъ, по волю добрыхъ нашихъ Царей, и защищая Престоль, Церковь и опечество умомъ и оружіемъ отъ лукаваго и сильнаго врага. Плоды этихъ начинаній мудраго Петра удостоновирили насъ въ испинь, что просвѣщеніе есть первое благо для Царей и народовъ. Во сто лѣтъ, мы побили всѣхъ сосѣдей, опшили древнія наши области, по-

корили цѣлыя царства и имѣемъ, или по крайней мѣрѣ знаемъ, что можемъ имѣть все то, что имѣютъ иностранцы. Всѣмъ эшимъ обязаны мы Наукамъ и Искусствамъ! Въ эти сто лѣтъ, обращаясь непрерывно съ иностранцами, мы переняли многіе ихъ обычаи, ввели въ употребленіе много новыхъ словъ, перешедшихъ къ намъ съ новыми вещами и новыми понятіями, и переодѣлись по иностранному, чтобы не оплечаться опять другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составляющихъ одно Еврейское семейство. Вопь вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ, объясненіе той перемѣны, которую вы нашли по прошествіи ста лѣтъ. Но върше, что мы въ душѣ оспались тѣ же Рускіе, любимъ Царей нашихъ, знаемъ православную нашу Вѣру, слѣдуемъ Святымъ ея уставамъ, и преданы отечеству.“

— „Дай Богъ, чтобы все это была правда, что ты говоришь, умная голова!“ сказалъ бывший Спольникъ; „только едва ли не лукавый опушалъ васъ. Дастъ Богъ, проживемъ, — увидимъ!“

Г Л А В А VI.

НОВЫЕ ОБЫЧАИ И СТАРЫЕ ГРѢХИ.

— „Скажи, пожалуй-спа, зачѣмъ все эти дома испачканы надписями на ино-спранномъ языкѣ?“ спросилъ Сергѣй Сви-сшущкинъ Аншикварія, проходя съ нимъ по улицамъ Пешербурга.

— „Эпо вывѣски, указаніе мѣста, гдѣ живущъ разные ремесленники, и гдѣ нахо-дящя лавки, или складка шоваровъ на про-дажу.“

— „Зачѣмъ же эпо написано не по-Руски, въ Рускомъ городѣ? Поспой, по-спой! понимаю! Въроящю, Рускіе хошящъ, чшобъ пріѣзжающіе сюда иносспранцы зна-ли, гдѣ чшо можно сыскащъ и купищъ, и для шого наши пишущъ по-Нѣмецки. Не правда ли?“

— „Нѣшъ, эпо не шакъ. Напрошивъ шо-го, эпо надписывающъ иносспранцы, чшобъ Рускіе знали, гдѣ сыскащъ ихъ лавку или масшерскую.“

— „Помилуй, брашъ! Какъ эпо? Для Рускихъ, въ Рускомъ городѣ пишупъ по-Нѣмецки! Да въ эпомъ нѣшъ полку.“

— „Голку мало, по шаковъ обычай. Рускіе покупаюшъ охопше въ шой лавкѣ, гдѣ надпись на иностранномъ языкѣ, и въ копорой торговецъ не знаетъ по-Руски. Равномѣрно мы иностранныхъ масперовыхъ предпочишаемъ своимъ.“

— „Такъ гдѣ же ваше просвѣщеніе, копорымъ ты хвасалъ передо мною! Изъ эпого видно, что иностранцы лучше работаюшъ и шоргуюшъ лучшими шоварами.“

— „Совсѣмъ нѣшъ. Иностранцы шоргуюшъ шоварами, сдѣланными въ Россіи, Рускими людьми, а шолько лавку свою называюшъ Нѣмецкою, Голландскою или Англійскою. У Нѣмецкаго маспероваго работаюшъ Рускіе, а онъ покуриваетъ шабакъ, да побираетъ денежки. Но къ иностранцамъ идупъ всѣ опъ шого . . . я, право, не умѣю сказаць опъ чего . . . ну, вопъ такъ, за шѣмъ, что они иностранцы!“

— „Спасибо за такое просвѣщеніе!“

— „Эпо ошашокъ спараго предразсудка. Сначала все лучше дѣлали у насъ иносстранцы, такъ и теперь осталась мысль, что они умѣе Рускихъ. По несчастію, покупатели рѣдко заглядываютъ въ масперскія, а не многіе знаютъ, что лучшіе товары изготавляются Рускими.“

— „А просвѣщеніе-то на что? Я думалъ на то, чтобъ разсуждать, соображать, мыслить.“

— „Такъ бытъ должно, но какъ эпо спяжеленько, то бѣольшая часть заспавляетъ другихъ думать за себя, а сами пользуются господнымъ. Точно такъ, какъ баринъ вслилъ повару господинъ лепвы, а самъ только кушаетъ во здравіе.“

— „А если поваръ окормитъ его мухоморами?“

— „Туда и дорога!“

— „А если, вмѣсто рябчика, поподуетъ воронимъ мясомъ?“

— „Подсласнитъ, такъ и не узнаетъ, что за мясо!“

— „Такъ вы живете, зажмуря глаза, и позволяете водить себя за носъ иностранцамъ!“

— „Да, пошому, что эпо находящъ очень пріятнымъ. Достоинство вещи зависить отъ мнѣнія, которое объ ней имѣюшъ. Какая нужда, что мой кафтанъ сшилъ Рускимъ, если я воображаю, что его сшилъ Французъ, и вѣрю, что онъ лучше, когда его сшилъ Французъ!“

— „Мороченье, обманъ! Смѣшны вы мнѣ, съ вашимъ просвѣщеніемъ! Прочпикампъ хошъ одну изъ этихъ надписей.“

— „Я не могу вамъ перевести этого буквально, пошому, что въ этой иностранной надписи вовсе нѣтъ смысла. Догадываюся только, что здѣсь продаюшъ шелковые повары.“

— „Ну, брашъ, мудреные вы, люди, когда для васъ пишушъ на иностранномъ языкѣ, да еще и безъ смысла. А я думалъ, что къ вамъ заѣзжаетъ все народъ умный!“

— „И пошю не глупый, но не ученый. Припомъ же не всякой обязанъ знать

попѣ лзыкѣ, на копоромѣ пишешъ свою вывѣску. У насъ и Чухны слывущъ Парижанами, какъ заведущъ Французскаго подмасперья или сидѣльца, да напишущъ свое имя по-Французски. Даже Рускіе надписывающъ по-Французски надъ своими заведеніями.“

— „Да, эшо, брашъ, сущя умора! И вы хошѣли заперешъ меня въ домъ ума лишешныхъ? Не перенесли ли надписи изъ шой больницы, гдѣ я былъ, къ городскимъ ворошамъ?“ —

— „Другія времена, другіе нравы!“

— „Ну, а эши иносшранные шорговцы и масперовые навсегда поселились въ Россіи, чшо ли? присягнули на подданство?“

— „Весьма не многіе. Сюда пріѣзжаютъ полько за шѣмъ, чшобъ сосшавишь капиталъ, а какъ кармашъ полонъ, шакъ они ѣдушъ домой, въ свою землю, да и брашишъ еще Рускихъ.“

— „А Рускіе вѣрно ѣздяшъ за шѣмъ же за границу?“

— „Я не слыхамъ ни про одного Рус-

каго купца, копорый бы разбогатѣлъ за границей; не знаю ни одного, копорый бы имѣлъ порговое заведеніе въ чужихъ краяхъ. Объ мастеровыхъ даже и говорить нечего! Даже Рускіе купцы, живущіе здѣсь, не торгуютъ прямо съ чужими краями, а дѣлають эпо здѣшніе иносранцы.“

— „Посмотри-ка мнѣ въ глаза! Нѣтъ, воля твоя, а мнѣ кажется, что на васъ пошло какимъ-то въпрямъ, копорый вѣтъ вамъ вскружилъ головы! Вѣдь во всемъ, что ты мнѣ говоришь, нѣтъ ни здраваго смысла, ни полку! Право, сумасшедшіе лучше знаютъ свои выгоды.“

— „Опчасни правда! Но что дѣлаешь, обычай!“

— „Скажи: дурачество, сумасшествіе!“
Въ эпо время встрѣтились съ ними при мальчика, весьма чисто одѣтые, въ сопровожденіи насавника. Анпикварій оспановился, и поговорилъ съ дѣтьми и съ насавникомъ на иносранномъ языкѣ.

— „Эпо, вѣрно, также иносранный купецъ, копорый собираешь въ Россіи на-

слѣдство для своихъ дѣпокъ?“ спросилъ Сергѣй Свиспушкинъ.

— „Нѣшъ. Эпо дѣши Рускаго Князя, съ наспавникомъ своимъ.“

— „Зачѣмъ же ты не поговорилъ съ ними по-Руски?“

— „Они не умѣюшъ говоришь по-Руски,“ ошвѣчалъ Аншикварій, съ улыбною.

— „Шушишь, что ли?“

— „Клянусь чешью, что эпо дѣши природнаго Рускаго Князя, Рускіе по опцу и по мапери, и что они не знаюшъ ни словечка по-Руски!“

— „Какъ же эпо случилось?—Вѣрно, оспались сиротами въ чужой землѣ?“

— „Эпо дѣло не случая и не сиротства, но обычая. У насъ знашныя господа не говоряшъ между собою по-Руски, и часто вспупаюшъ въ службу по шакой чашпи, гдѣ даже не пужно имъ ни писашъ, ни чшашъ по-Руски. А какъ произношеніе Французскаго языка довольно шрудно, по дѣшей учашъ опъ колыбели Французскому языку, даюшъ имъ сперва няньку, а попомъ

дядьку изъ Французовъ, и до вступленія въ службу держашъ при нихъ иностранцевъ“

С. Свиспушкинъ прервалъ рѣчь Анпикварія:— „На какомъ же языкѣ они моляпся, эши Рускіе?“

— „По-Французски!“ —

Сергѣй Свиспушкинъ оспановился, воздѣлъ руки къ небу, попомъ перекрестился, и слезы градомъ полились изъ глазъ его. — „Боже мой! для шого ли Ты избавилъ меня отъ смерши, чпобъ я былъ свидѣтелемъ поношенія моихъ попомковъ? Рускіе не говорятъ между собою по-Руски! Рускіе моляпся не по-Руски Рускому Богу! Рускіе опдаюшъ дѣшей своихъ на восшпаніе иностранцамъ! Послушай, брашъ, правду ли шы говоришь?“

— „Клянусь Богомъ, чшо правду! Но вы должны знашь, чшо не всѣ Рускіе шакъ дѣлаюшъ, а шолько нѣкошорые изъ знашныхъ и богашыхъ.“

— „О, зачѣмъ я не умеръ, зачѣмъ не лишился ума!“ воскликнулъ Сергѣй Сви-

спушкинъ: „мнѣ было бы легче, если бы я нашелъ Россію покоренную инопземцами: тогда, по крайней мѣрѣ, была бы надежда свергнуть съ себя иго, подобно тому, какъ мы свергнули иго Тапарское и Самозванцевъ. Но это добровольное порабоженіе, это поспыдное сознаніе своего ничтожества, это желаніе казаться не шѣмъ, чѣмъ Богъ насъ создалъ, это опреченіе ошъ языка предковъ ешъ верхъ униженія, и поспыдно не только для Рускаго народа, но для всего человечества! О, зачѣмъ я не умеръ, зачѣмъ не лишился ума!“ —

Это случилось съ ними возлѣ одной церкви. Поровнявшись съ нею, С. Свиспушкинъ вошелъ въ церковь, распросперся на помосгѣ храма, и громко рыдая, взывалъ къ Богу Рускому, ишобъ Онъ просвѣшилъ потомковъ его, и избавилъ ихъ ошъ ига чужеземныхъ, бесполезныхъ обычаевъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ ошъ посрамленія.

Г Л А В А VII.

Рускій книжный магазинъ.

Молитва облегчила грусть Сергѣя Сви-
спушкина, и онъ вздохнулъ свободнѣе. Вы-
шедъ на улицу, Аншикварій сказалъ ему :
„Не угодно ли завернуть въ лавку, гдѣ про-
даются книги? Тамъ мы узнаемъ, гдѣ жили-
ще вашего внука.“

— „Пожалуй ! любопытно посмо-
трѣть на книги. Я, бывало, любилъ про-
водить время въ монастырскихъ книгохра-
нилищахъ. Посмотримъ, что-то написано
о нашихъ временахъ!“ —

Они вошли въ лавку или въ магазинъ.
Уже было около 6 часовъ вечера, и запахъ
рому слышанъ былъ въ лавкѣ, вѣроятно для
предупрежденія гнилости и для употребле-
нія непріятнаго запаху опъ сырой бумаги.
Въ лавкѣ было два торговца, изъ коихъ
одинъ казался хозяиномъ, а другой слугою,
хотя между ими было что-то общее.

Топть, который казался слугою, беспре-
спанно смѣирѣлъ на своего шоварища (въ
родѣ господина), и передразнивалъ всѣ его
ухвапки. Если первый улыбался, то и дру-
гой дѣлалъ поже; первый кланялся, и другой
гнулся; первый бѣжалъ за книгами, и другой
снѣшилъ шуда же. Это припоминало нѣсколь-
ко Донъ-Кихота съ его Санхо-Пансой.

— „Сядыше и опдохныше, Сергѣй Сер-
гѣевичъ,“ сказалъ Аншикварій: „вы успали,
и я шакже.“ —

Хозяинъ лавки, почиая Свиспушки-
на богатымъ иногороднымъ кушомъ, при-
шедшимъ покупать книги для пожертвова-
нiя какому нибудь училищу, чшобъ прiоб-
рѣсть медаль, поспѣшилъ податъ ему спуль.
Товарищъ его хошѣлъ предупредишь его, и
они шакъ жестоко спукнулись лбами, чшо
раздался спукъ, какъ опъ удара двухъ спѣ-
лыхъ арбузовъ. Сергѣй Свиспушкинъ охнулъ
и примолвилъ: „Видно крѣпколобаго десяшка!“

— „Есть ли у васъ сочишенiя Никаи-
дра Семеновича Свиспушкина?“ спросилъ
Аншикварій.

— „Какъ не бышь! ешь-сь,“ отвѣчалъ хозяинъ.

— „Ешь-сь!“ примолвилъ его поварышъ, бросился къ подкамъ, и принесъ цѣлую кипу попенликихъ книженокъ.

Сергѣй Свиспушкинъ взялъ въ руки одну книжонку, развернулъ ее и ошаровался: „Что это? Развѣ это по-Руски напечатано?“ спросилъ онъ у Аншикварія.

— „Это гражданскія буквы, изобрѣшенные при Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,“ отвѣчалъ Аншикварій. „Сшаришныя буквы упошребляюшся только для печашанія церковныхъ книгъ.“

При сихъ словахъ, книгопродавцы, думая, что Сергѣй Свиспушкинъ безграмотный, но богатый купецъ, удвоили къ нему вниманіе, ибо книгопродавцы весьма уважаютъ безграмотныхъ покупателей, кошорымъ могутъ сбывать съ рукъ залежалыя книги своего изданія, писанныя на заказъ по рублю за листъ, а продаваемыя по десяти и болѣе рублей. Хозяинъ сдѣлалъ гримасу, означающую улыбку, и съ поклономъ ска-

залъ : „Прекраснѣйшая книга-съ! славнаго, знаменистаго и моднаго сочинителя-съ!“

— „Прекраснѣйшая книга-съ!“ повпоришь его поварищъ, шакже кланяясь и улыбаясь.

— „Прочши-ка заглавіе, разумная голова!“ сказалъ С. Свиспушкинъ, подавая книгу Аншикварію.

— „*Воры*, поэма; сочиненіе Никандра Свиспушкина, въ стихахъ.“ —

— „Что ты говоришь? Мой попомокъ пишетъ о ворахъ! Развѣ онъ служилъ въ Сыскномъ Приказѣ?“

Книжники посмопрѣли другъ на друга въ недоумѣніи, и не знали, что опвѣчаютъ.

— „Это выдумка, сказка,“ сказалъ Аншикварій.

— „Въ наше время шакъ няньки, дядьки и холопи слагали сказки, а нынѣ видно дворянскимъ сынамъ нѣчего дѣлать, когда они взялись за это ремесло. Я никогда не воображалъ, чтобъ мой попомокъ попалъ въ сказочники!“

— „Сказки не равны, Сергій Сергѣ-

евичъ!“ возразилъ Апшикварій: „Опть старинныхъ сказокъ ничего не требовалось, кромѣ того, чшобъ связать кое-какъ выдуманное происшествіе. А нынѣ опть сказки, называемой по-Гречески поэмой, требуются гладкихъ стиховъ, силы воображенія, каршинъ списанныхъ съ природы, познанія человѣческаго сердца, глубокой нравственности, философіи.“

— „Переспань, умная голова!“ сказалъ Сергій Свиспушкинъ: „зачѣмъ столько мудрости, чшобъ описывать жинье-бынье *Воровъ?* Спѣишь ли умному человѣку ломать себѣ голову, чшобъ узнать по, что извѣстно каждому шоремщику! Ты морочишь меня.“

— „Нѣпть, я говорю правду, Сергій Сергѣевичъ. Здѣсь дѣло не о ворахъ, а объ искусствѣ въ разсказѣ. Одинъ знаменитый Нѣмецкій стихотворецъ, по имени Шиллеръ, прославился, написавъ трагедію, или какъ въ ваше время называли, *Комедь, о разбойникахъ*, такъ и наши успѣли съ тѣмъ же шумемъ. Это мода, обычай вѣка, чшобъ

описывашь и выводилъ на показъ все, что естъ худшаго въ мѣрѣ: воровъ, убійцъ, бездушныхъ измѣнниковъ, бѣшеныхъ, словомъ всякаго рода злодѣевъ.“

— „Хорошъ обычай! Ужъ лучше бы описывашь какихъ нибудь выпязей, хоть вымышленныхъ, каковы напримѣръ Полканъ богатырь, Бова Королевичъ и тому подобныя.“

— „Вотъ другое сочиненіе вашего попомка, подъ заглавіемъ *Жидвъ*“ сказалъ Аншикарій, развертывая книгу.

— „Ну ихъ къ чорпу!“ возразилъ Сергѣй Свистушкинъ. „Эпачкой проказникъ, мой попомокъ! Я думаю, что онъ скоро доберется до чершей.“

— „Вотъ-съ, прекраснѣйшіе-съ спихи-съ, споль же знаменитаго поэта-съ, какъ и Никандръ Семеновичъ Свистушкинъ-съ,“ сказалъ книгопродавецъ съ улыбкою, подавая нѣсколько томовъ. „Здѣсь болѣе чершей-съ, нежели въ самомъ аду-съ, и сполько мертвецовъ-съ, что не помѣспяшся на всѣхъ нашихъ кладбищахъ-съ! Прекраснѣйшія книги-съ!“

— „Прекрасная книга-сь!“ примолвилъ поварищъ хозяина, шакже улыбался.

— „Опьянишесь вы опть меня, грѣх-проводники!“ сказалъ съ гнѣвомъ Сергѣй Свиспушкинъ и вспаль со спула.

— „Вы не любите-сь черповищны-сь,“ сказалъ книгопродавецъ. „Жаль, а это и въ модѣ и доспавляетъ великую славу и уваженіе-сь. Не угодно ли-сь?“

— „Черповищина доспавляетъ славу и уваженіе! — Да вы съ ума сошли!“ сказалъ С. Свиспушкинъ.

— „Вошь Идиліи, Эклоги, Спансы-сь“ сказалъ книжникъ.

— „Вошь Идиліи, Эклоги, Спансы-сь,“ примолвилъ поварищъ хозяина. „Сочини-шель пишешь въ древнемъ вкусь-сь.“ —

Сергѣй Свиспушкинъ не удоспоилъ опвѣщомъ книжниковъ, и посмапривая на полки, спросилъ: „Неужели все это Рускія книги?“

— „Никакъ нѣшь-сь. Рускихъ книгъ ешь гораздо болѣе, нежели сколько ихъ

здѣсь виднѣе-сь,“ ошвѣчалъ хозяинъ. „Но если что прикажете, то я попчасъ пошлю въ другія лавки.“ —

Товарищъ хозяина, попчасъ бросился къ дверямъ, и держась за ручку замка, сказалъ: „что прикажете? сей часъ принесу!“

— „А ты самъ пишешь ли книги?“ спросилъ Сергѣй Свиспушкинъ.

— „Это не наше дѣло,“ сказалъ книжникъ.

— „И пакъ, ты поргуешь чужимъ умомъ, чужимъ прудомъ и чужимъ добромъ!“ примолвилъ Сергѣй Свиспушкинъ „Видно, за то не много и барыша!“

— „Очень-сь немного! за чужой поваръ я получаю *только* по двадцати копѣекъ съ рубля.“

— „Только! за это *только*, надобно было бы поддержать тебя на правезъ! Ты, брашъ, какъ я вижу, ни жпешь ни съешь, а хлѣбець собираешь! — Это что за книжѣнки?“

— „Дѣпскія, въ пользу воспитанія ипошешства, не прикажете-ль?“ —

— „А кто ихъ пишеть? Вѣрно, опцы семействъ, люди занимавшіеся воспитаніемъ юношества!“

— „Никакъ нѣтъ-съ. Опцы семействъ и наставники покупають-съ, а сочиняють кто-попало, большею частью молодые люди, на заказъ.“

— „Посъчь бы этихъ ребятъ, за то, что пишутъ для дѣшей, едва вышедъ изъ дѣшева, и пѣхъ, которые заказываютъ!“ сказалъ Сергѣй Свистушкннъ. „Это что за кипы поненькихъ книженокъ и листовъ?“

— „Журналы и газеты-съ. Не угодно ли подписаться-съ?“

— „А что такое... какъ бишь ихъ? журчалы, что ли, и газеты?“ —

Книгопродавцы и Аншикварій улыбнулись, и сей послѣдній сказалъ: „Журналы, суть книжки, выходящія въ извѣстные сроки. Издатели ихъ обязуются помѣщать новыя, небольшія сочиненія и разбирають, то есть оцѣнять по достоинству, отдѣльно выходящія книги.“

— „Такъ спало бышь, эти издатели

умиѣе и опытиѣе другихъ въ книжномъ дѣлѣ?“ спросилъ Сергѣй Свиспушкинъ.

— „Такъ бытъ должно, но по несчастію, по бѣльшей части дѣло идетъ напрошивъ. Судящъ и рядящъ шѣ, которые сами не могутъ и не умѣютъ написашъ прехъ спрокъ порядочно, а осуждающъ шѣхъ, которые ихъ умѣе.“

— „У васъ, какъ я вижу, все идетъ на оборощъ! — А *газеты*, что такое?“

— „Въ нихъ извѣщающъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся въ цѣломъ мірѣ,“ отвѣчалъ Аншикварій.

— „Вощъ это славно! И что жъ, обо всемъ пишущъ правду?“

— „Не всегда. Иногда умалчивающъ о томъ, что знашъ всѣмъ должно, а извѣщающъ о томъ, чего знашъ вовсе не нужно, и предсавляющъ вещи не такъ, какъ онѣ есшъ, а какъ надобно, чтобы было. Иногда и выдумывающъ небылицы. . . .“

— „Что за чудеса, все идетъ на переборъ здравому смыслу! Это что за книги?“

— „Исторія Россійская-съ! Превосходнѣйшая-съ! не угодно ли-съ?“

— „То есть мѣшописен и хронографы, пересказанные другими словами, украшенные вымыслами, разсужденіями, или распространенные по волю сочинителя, по надобности и по духу времени,“ сказалъ Анпикварій.

— „Такъ, спало бышь, шѣ же сказки!“ примолвилъ Сергѣй Свиспушкннѣ. „Ну, а эшо чшо за книги?“

— „Землеописаніе Россійскаго Государства-съ! Не угодно ли-съ? прекраснѣйшая-съ книга-съ!“

— „А справедливо ли все описано?“

— „Въ эшомъ нельзя поручишься,“ отвѣчалъ Анпикварій. „Сочинители, описывая страну, сами не ѣздяшъ по ней, не мѣряшъ, не считающъ, не повѣряющъ, не наблюдающъ, а извлекающъ извѣстія изъ разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ, составленныхъ также по слухамъ, и прибавляющъ все, чшо имъ кажется справедливымъ. Опъ того выходишъ, чшо часшо жишели какого ни-

будь города чинаюшъ, что про нихъ пишущъ, да посмѣиваюшся, находя совсѣмъ прошивное на бумагѣ шому, что естъ на дѣлѣ!“

— „Такъ какая же изъ этого польза? шѣ же сказки!“ примолвилъ Сергѣй Свиспушкинъ. „Ну, брашъ, охошники вы до сказокъ, и не мудрено, что вы мои похождения назвали сказкою! Спранное дѣло, ваше просвѣщеніе! Намъреваешесь дѣлашъ одно, а дѣлаеше другое; знаете сами, что пишеше ложь, а принимаеше за правду, и вмѣсто шого, дѣлошъ прославляшъ великихъ мужей, описываеше воровъ и негодяевъ! — Пойдемъ, брашъ, отсюда; здѣсь пошеряеш умъ, а не научишесь ничему доброму. Однако жъ я зайду къ шебъ на досугъ, и выберу кое-что для себя, чтошбъ посмѣяшся.“ . . .

— „Милоспи просимъ-сь!“ сказала книгопродавецъ, съ поклономъ и улыбкою.

— „Милоспи просимъ-сь!“ повшорилъ его поварищъ, шакже кланяясь и улыбаясь.

— „А гдѣ живешъ Никандръ Семеновичъ Свиспушкинъ!“ спросилъ Анпикварій.

— „Не далеко отсюда. Но вы его не найдёте теперь дома; теперь такое время, что он сидит где нибудь, в кругу своих знаменитых друзей, и принимает дань удивления и похвалы. Поблизости к его заветному другу, Барону Шнапсу фонъ Габенихсу. Он получил сегодня за прелесть жалованье: такъ верно у него происходитъ жертвоприношение прелесть божествамъ въчюныхъ поэтовъ: Вакху, Лэви и Свободе. Баронъ Шнапсъ фонъ Габенихсъ живётъ за Копной, въ домъ Запивоцкина.“

— „Неужели ваши писцы идемоноклонники?“ спросилъ Сергѣй Свистушкинъ: „я боюсь за моего попомка.“

— „Не бойшесь: жертва не есть еще въра,“ возразилъ Анпикварій. —

Анпикварій съ бывшимъ Спольникомъ вышли изъ лавки, наняли крышья дрожки и побѣжали къ Барону Шнапсу фонъ Габенихсу.

Г Л А В А VIII.

Засѣданіе любимыхъ сыновъ Аполлона,
поклонниковъ Вакха, Лэпи и Свободы.

Аншикварій съ бывшимъ Сптольникомъ вошли въ воропа дома Запивошкина, чшобъ спросить дворника о жилищѣ Барона Шнапса фонъ Габенихпса. Дворникъ указаль имъ на окна прешьяго эшажа, подъ кошорыми лежала куча обломковъ бушылокъ, и повель ихъ по узкой грязной лѣспницѣ. Въ передней они увидѣли ошпшки или *барельефы* пиршешва; обороченные жешьяные судки, соленые огурцы на промокной бумагѣ, кошорою надѣляющъ покупашеней въ мелочныхъ лавочкахъ, соль, разсыпанную на споль, квась въ умывальникѣ и пг. п. — Вошедъ въ первую и послѣдную комнапу Барона Шнапса фонъ Габенихпса, они увидѣли собраніе ... (лишпы рукописи заперяны, а когда найдущя, шо будущъ нанешашаны въ новомъ изданіи, въ 1930 году.)

Бывшій Спольшикъ Царя Алексѣи Михайловича, шакъ испугался своего пошомка, что воспользовавшись замѣшательствомъ Ваххической бесѣды, бросился за двери, и сбѣжавъ съ лѣспницы, пуспился во всю прышь по улицѣ.

— Аншикварій догналь его и удержаль за руку. „Что съ вами сдѣлалось, Сергѣй Сергѣевичъ? Неужели вы испугались деревяннаго книжала, въ рукахъ вашего пошомка?“ Бывшій Спольшикъ молчалъ и шолько пыхпѣль. Аншикварій продолжалъ: „Напрасно вы испугались, Сергѣй Сергѣевичъ! Вашъ пошомокъ и его шоварищи, право, въ сущесивѣ, добрые ребята, и вовсе не опасны. Винные пары и угаръ опъ самолюбїя перевернули мозгъ въ ихъ головѣ, и шщеславїе заглушило всѣ другїя чувспвованїя. Они сами не знаютъ, чего хошпшь и что дѣлаюшъ! Воишпъ прошиву всего, въ чаду вишнаго упоенїя; помахишаютъ деревянными книжалами и грозпшь бумажными перунами негодованїя, а на дѣль лижутъ прахъ ногъ каждаго сильнаго, изъ одной надежды полу-

чипь чпо либо, и ради обѣда прославляюшъ, въ посланіяхъ, блиспапельныхъ шуповъ. Ей Богу, они полько смѣшны, доспойны сожалѣнія, по вовсе не опасны съ своими кинжалами и перунами! Я бы совѣповалъ вамъ, взянь вашего попомка къ себъ на домъ, и запрешь на нѣкошорое время, чпообъ разлучишь съ его демономъ соблазнилелемъ, съ его друзьями, а можешъ бышь, вамъ удалось бы исправишь.“

— „Да переспань!“ воскликнулъ съ досадой Сергѣй Свиснушкинъ. „Чпо ты меня морочишь! Какой эшо попомокъ мой? Эшо маленькое зубасное и когшисное живошное, не человекъ, а обезьяна! Въ эшомъ ты не переувѣришь меня, хошь божись, хошь клянись! Пускай себъ она хошь упоишець въ винѣ, . . . я знашь не хочу!“

Сергѣй Свиснушкинъ . . .

Г Л А В А IX.

Модная дама.

Проѣзжая по одной улицѣ, Аншикварій велѣлъ остано­виться передъ освѣщен­нымъ домомъ, и сказалъ Сергѣю Свиспуш­кину: „Помните, что вамъ, по рѣшенію су­да, должно непременно войти въ связь съ кѣмъ нибудь изъ вашихъ попомковъ. Вотъ здѣсь живетъ одна молодая женщина, изъ ро­да Свиспушкиныхъ, вышедшая недавно за мужъ за Камергера Бимбулинскаго. Мнѣ сказывали, что она очень добрая и хорошо воспитанная женщина, а какъ женскій полъ вообще лучше мужскаго, но я надѣюсь, что она не спанешъ васъ царапашъ и угро­жаешъ зубами, подобно вашему книжалопос­тому попомку.— Не угодно ли войти?“

Сергѣй Свиспушкинъ, не говоря ни слова, охнулъ только и слѣзъ съ дрожекъ.

По какому-то необыкновенному слу­чаю, въ передней не было лакея, и Анши-

кварій вошелъ съ своимъ спутникомъ прямо въ залу, а потомъ въ гостиную. Тамъ, вокругъ чайнаго стола сидѣло нѣсколько молодыхъ дамочекъ и разряженныхъ фрайповъ. Хозяйка вскрикнула опъ ужаса, увидѣвъ въ своей гостинной челоуька въ Рускомъ кафтанѣ и съ бородой. „Ah, mon Dieu! un Russe! une barbe! (ахъ, Боже мой, Руской! бородачь!)“ воскликнула она и хотѣла бѣжать. — „Чего вамъ угодно?“ спросилъ одинъ изъ рыцарей пуспословія, смѣло подошедъ къ Аншикварію. — „Эпопъ господишь, предокъ почтенной хозяйки дома, хочешь познакомиться съ нею?“ сказалъ Аншикварій. — „Что? мой предокъ, Рускій, бородачь!“ воскликнула дама. „Господа, избавъше меня опъ энихъ дерзкихъ!“

— „Сударыня!“ сказалъ Аншикварій: „предки наши ходили съ бородами и въ Рускихъ кафтанахъ, и сполицій предъ вами, еспъ Сполицій Двора Его Царскаго Величества, челоуькъ не нашего вѣка.“ . . . Тупъ Аншикварій принялся рассказывать Испорію Сергья Свислуцкина, по ему не

позволили продолжать, и хозяйка убѣжала, съ дамами, въ другую комнату, восклицая: „Мой предокъ съ бородой! Это ужасно! Если бы онъ имѣлъ миллионы, я не хочу имѣть предка въ Рускомъ кафтанѣ и съ бородой. Это сдѣлано къ мнѣ нибудь нарочно, чшобъ взбѣсннть меня, вѣрно изъ ревности или зависти. Предокъ съ бородой! fi donc!“

Сергѣй Свиспушкинъ долженъ былъ выйти изъ дому. Нѣкоторые щеголи хотѣли кончить пріемъ грубостями, но крѣпкія мышцы бывшаго Спощьника и гнѣвный его взглядъ усмирили ихъ. Вышедъ на улицу, Сергѣй Свиспушкинъ сказалъ: „Вошъ этого я еще не ожидалъ, чшобъ попомки спыдиансь своихъ предковъ; чшобъ спрашились, какъ чумы, Рускаго съ бородой! Ай да просвѣщеніе!“

— „Эта барыня не виновата: она воспитана Французенкою въ совершенномъ невѣжествѣ на слепъ всего опечесивеннаго, не взирая на то, что она очень добрая и милая женщина. Если бы я имѣлъ время располоващъ, объясннть ей, . . .“

— „Не безпокойся,“ возразилъ Сергѣй Свиспушкинъ: „я не признаю моими попомками пѣхъ, копорые бѣгають опъ бородачей: если бѣ она даже полагала, что я Рускій мужикъ, то по боярскому обычаю, должна была бы принять меня вѣжливо и выслушать.“

— „Если бѣ вы пришли въ нарядѣ Французскаго мужика или мапроса, то эши бабенки вѣрно бы расплакались опъ радости! Согласенъ съ вами, что эшо глупость; но упѣшьтесь, эшо пройдетъ, ибо эшо происходитъ опъ головы, а не опъ сердца.“

Г Л А В А X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Возвращаясь въ свою кварширу, Сергѣй Свнспушкинъ сѣлъ за столъ, посадилъ напрошивъ себя Анникварія и сказалъ: „Прощу шебя, опивѣчайшь на мои вопросы кратко и ясно.“

— „Извольше!“

— „Берущъ ли взяшки судьи ваши и дьяки?“

— „Охъ, берущъ!“

— „Такъ было и у насъ! А исполняютъ ли во всей почноспи законы и Царскую волю?“

— „Если бъ эпо исполнялось, шо мы были бы счаспливѣйшими людьми! Бѣольшая часшь подьячихъ исполняютъ законъ, поколику онъ ему полезенъ. . . .“

— „Точно шакъ, какъ было у насъ! Берегущъ ли и хранящъ ли у васъ, по совѣспи, казну Государеву?“

— „Казна, какъ масло, какъ прой-
дешь по рукамъ, такъ распаешь и оспа-
нешся на пальцахъ.“

— „Точнехонько, какъ было у насъ!
Чѣмъ у васъ доспигають скорѣй до желае-
маго: умомъ или хитросыю?“

— „Чаще хитросыю.“

— „Ни дашь, ни возьмешь, какъ было у
насъ! Ведется ли между вами клевета?“

— „Охъ, ведется! Чуть человекъ обра-
тишь на себя вниманіе чѣмъ нибудь, едва
выступитъ изъ толпы, тотчасъ на него
и накинутся все, какъ коршуны!“

— „Такъ бывало и у насъ! Чпо у васъ
предпочищается: умъ или деньги?“

— „Деньги!“

— „Тоже самое, чпо было у насъ! А
уважается ли у васъ честность и заслуга?“

— „Честные употребляютъ пословицею:
чпо за Богомъ молива, а за Царемъ служ-
ба не пропадетъ. Только бь Царь узналъ
о честности и заслугѣ, тогда вѣрно награ-
дишь . . . а на другихъ плохая надежда!“

— „Точнехонько, какъ было у насъ!

Даже и пословица нашего времени! Вѣрны ли ваши жены? . . . Послушны ли мужьямъ?“

— „На это трудно отвѣчать! есть всякія. Впрочемъ мы за этимъ не гонимся!“

— „Вошь это не такъ, какъ было у насъ! Первыми добродѣтелями жены почтѣлись у насъ вѣрность и послушаніе. Не мудрено, что я не могу отыскать попомка, похожаго на предковъ, и что ты мнѣ предсавилъ обезьяну, вмѣсто попомка!! А мужья?“

— „Объ этомъ и говоришь ничего. Впрочемъ у насъ супруги рѣдко даже выдаются между собою; каждый живетъ на свой счетъ, а разъѣзжаетъ другимъ пушемъ, за границей!“

— „Не такъ, какъ было у насъ! Если бъ у насъ жена вздумала разъѣзжать безъ мужа, то ее заперли бы въ монастырь, на покаянъе, и по-дѣломъ!“

— „Безъ сомнѣнія, по-дѣломъ!“

— „А дѣши ваши послушны ли, почитшительны ли?“

— „Да, когда у родителей есть день-

ти, и когда у дѣшей въ виду богатое на-
сладство.

— „Эпо опять не такъ, какъ было у
насъ! У насъ сынъ, хотя былъ бы знаише
Царскаго шесня, а богаче перваго Боярина,
то уважалъ родителей, если бъ они даже бы-
ли нищими. Но я вижу, что мнѣ не кон-
чипь съ побою до завтра. Скажи мнѣ па-
конецъ: какую же пользу принесло вамъ эпо
просвѣщеніе, которое ты столько выхва-
ляешь передо мною? Я думалъ, что оно ве-
дено для того, чтобъ вы были лучшими,
а вижу, что вы не только не опсшали опъ
нашихъ пороковъ, но еще пріобрѣли новые;
а что всего ужаснѣе, забывъ страхъ Бо-
жій, промѣняли Рускій языкъ на какое-то
лепешанье, и опдали дѣшей своихъ чуже-
земцамъ, чтобъ они испребили въ нихъ
любовь къ опечесству и возбудили привя-
занность къ чужой странѣ! Эпошь грѣхъ
не спдишь того, что вы пріобрѣли про-
свѣщеніемъ, то ешь, что одѣлись въ кур-
гузые кафшаны и выбрили подбородки! Царь
Петръ Алексѣевичъ не того хошѣлъ

опъ васъ, когда вводилъ иноспранное про-
свѣщеніе. Онъ безъ сомнѣнія желалъ, чшобъ
вы отбросили старыя пороки, и пріобрѣли
новыя добродѣтели. Для васъ пишушъ хо-
рошіе законы, заводяшъ школы, спрояшъ
великолѣпные города, объ васъ Цари пе-
кушя какъ о дѣтяхъ, а изъ всего эшо-
го, какъ я вижу, мало шолку, и швое хва-
леное просвѣщеніе не искоренило ни взя-
шокъ, ни клеветы, ни гордостни въ боярахъ,
ни глупаго шщеславія въ юношесшвѣ, а изъ
боярскихъ дѣшокъ, боярченковъ и болры-
шенъ надѣлало какихъ-шо полу-Нѣмецкихъ
куколъ. Сердце болишъ, когда подумаю объ
эшомъ! Спасибо за просвѣщеніе, если опъ
него вся польза — кургузый кафшанъ и бри-
шый подбородокъ!“

— „Все, чшдъ вы приписываете про-
свѣщенію, ешъ дѣйшвіе невѣжесшва,“ оп-
вѣчалъ Аншикварій: „которое шолько при-
крышо лакомъ образованности. Просвѣще-
ніе ешъ древо, которое скоро произра-
сшаетъ, скоро разцвѣшасшъ, но поздно при-
носшшъ зрѣлыя плоды. Прійдешъ время, и

мы вкусимъ плоды, копорые теперь еще не созрѣли! Главное препятствіе къ искорененію пороковъ естъ: *ложно понимаемая любовь къ отечеству*. Наши современники не любящъ, чшобъ имъ говорили правду, чшобъ указывали на ихъ слабости и предразсудки; но хощящъ, чшобъ ихъ хвалили, превозносили. Въ эшомъ похожи они на устарѣлую красавицу, копорая, парумливъ и набѣливъ лице, думаетъ, чшо никто эшого не видиць, пошому чшо никто не говориць ей эшого въ глаза. Но если мы образумимся и нападѣмъ общими силами на зло, шо оно непременно исчезнетъ, пошому чшо посѣянныя сѣмена добра уже взощли, и обѣщаютъ богашую жашву. Не опчаявайпесь, Сергѣй Сергѣевичъ! прійдетъ время, чшо пошомки запмящъ даже предковъ!“

— „Дай Богъ, чшобъ шакъ было,“ сказалъ Сергѣй Свиспушкинъ: „но пока эшо паспунищъ, я не могу признащъ моими пошомками Рускихъ, копорые говорятъ между собою не по - Руски, предпочишающъ иностраицевъ своимъ соошечественни-

камъ.... и выродилось до того, что даже мой попомокъ похожъ на обезьяну, а книжникъ называлъ еще его славнымъ человѣкомъ за то только, что онъ пишеть сказки о ворахъ и негодяхъ! Нѣтъ, если нельзя перемѣнить рѣшенія суда, то я лучше возвращусь въ домъ сумасшедшихъ, чѣмъ жить съ вашими умниками! — Прощай!“

ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ

КОРПУСОМЪ

ГРАФА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАМЕНСКАГО

въ 1808 году (*).

(Посвящено Его Сіятельству Графу А. А. Закревскому, бывшему Адъютантомъ при Графѣ Н. М. Каменскомъ.)

Авангардное дѣло при Карстунѣ. Трехъ-дневное сраженіе и побѣда при Куртланѣ. Побѣда при Оровайсѣ. Последствія побѣдъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Финляндская кампанія открыла дарованія многихъ нашихъ Генераловъ, образовала хорошихъ офицеровъ, и доказала, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозмож-

(*). Сіе краткое начертаніе войны составлено мною изъ официальныхъ бумагъ, кошорыя понынѣ

наго. Финляндская война была въ одно время ученою, народною, наступательною, оборонительною и во всѣхъ случаяхъ чрезвычайно упорною съ обѣихъ сторонъ: она была лучшею школою для военныхъ людей, самымъ блистательнымъ поприщемъ для оплечія. Военныя системы Фридриха Великаго, Суворова и Наполеона иногда употребляемы были вмѣстѣ въ эту кампанію, а иногда смѣнялись одна другою. Успѣхъ столько же зависѣлъ отъ тонкихъ соображеній военныхъ дѣйствій, отъ маневровъ, въ странѣ, почти непроходимой для наступающаго войска, по причинѣ тѣсинъ, болотъ, горъ, рѣкъ, озеръ и мрачныхъ лѣсовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, какъ и отъ бы-

не были начата, и изъ собственныхъ моихъ замѣчаній во время сей кампаніи, въ которой я имѣлъ счастье участвовать. При семъ я имѣлъ въ виду и сочиненіе Графа П. П. Сухтелена: Précis des evenements militaire de campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, etc. Подробностей, описанныхъ у меня, не находилось въ семъ сочиненіи; но оно послужило мнѣ руководствомъ при общемъ взглядѣ на происшествія.

спраго написка и рѣшительности. Отчаянное сопротивление Шведскаго войска и жипелей Финляндіи; возможность, представляемая озерами непріятелю перемѣнять свою позицію, и переноситься за позицію наступающихъ; трудность сообщеній; недостатокъ крѣпостей для учрежденія операціоннаго центра внутри земли; малое народонаселеніе, разсѣянное на большомъ пространстве, и вообще страна безплодная, безъ большихъ городовъ и селеній, не представляющая возможности продовольствовать войско мѣшными средствами, — все это вмѣстѣ прошивопоставляло чрезвычайныя трудности къ скорому и успѣшному окончанію войны. На каждомъ почти переходѣ надлежало брать присупомъ крѣпкія позиціи, наподобіе природныхъ крѣпостей, не надѣясь другихъ послѣдствій, какъ возможности подвинуться далѣе въ пустыню, и удаляясь отъ своихъ запасовъ, терпѣть большую нужду. При побѣжденіи всѣхъ сихъ препятствій, прославился болѣе всѣхъ Графъ Н. М. Каменскій. Онъ былъ Ахиллесомъ

эпoй войны. Въ рѣшипельную эпоху онъ дѣйствовалъ впереди, будучи съ своимъ корпусомъ, такъ сказать, представителемъ всего Русскаго воинства; онъ вытѣснилъ Шведское войско изъ самыхъ неприсступныхъ мѣстъ, изъ сердца Финляндіи, и принудилъ его отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній къ обращенію завоеванію сей страны.

Удивительно, что тогда, какъ Финляндія была свидѣтельницею самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, въ Россіи мало обращали вниманія на сію войну, а Европа равнодушно взирала на борьбу двухъ Сѣверныхъ народовъ, на рубежъ обитаемаго міра. Газеты и журналы, споль охотно пользующіеся новостями, весьма слабо отзывались о Финляндской войнѣ. Европа, привыкшая видѣть, со временъ первой революціонной войны, цѣлые народы въ движеніи, гибель огромныхъ массъ, нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ одномъ сраженіи, — Европа считала Финляндскую войну военною игрушкой, слыша о гибели поль-

ко нѣсколькихъ сотъ и рѣдко нѣсколькихъ тысячъ человекъ, въ одномъ сраженіи. Европа, по несчастію, привыкла опредѣлять степень торжества числомъ жертвъ! Въ то время Наполеонъ молвою о себѣ затлушилъ все слухи, и блескомъ своихъ военныхъ подвиговъ помрачилъ на время славу всехъ своихъ соперниковъ и совмѣстниковъ. На него только смотрѣли, ему только удивлялись; о другихъ молчали.

Но я смѣло утверждаю, что подвиги Русскихъ въ Финляндіи можно посчитать на ряду съ самыми блистательными военными дѣлами всехъ временъ и всехъ народовъ. Вся разница въ числѣ войскъ. Чишатели мои уже знаютъ о чудесномъ переходѣ Русскихъ, по льду, чрезъ Кваркенъ; теперь я расскажу имъ о кровопролитнѣйшихъ сраженіяхъ въ сію войну, имѣвшихъ послѣдствіемъ покореніе Финляндіи Рускому скипетру. Взглянемъ прежде на положеніе дѣлъ до сихъ сраженій.

Мы уже сказали о главныхъ причи-

нахъ, замедлявшихъ успѣхи нашихъ войскъ. Къ симъ причинамъ принадлежишь также чрезвычайно обширный театръ войны, ослаблявшій наше войско, раздѣленіемъ на малые отряды. Лѣтомъ 1808 года, мы занимали только меньшую половину населенной Финляндіи, отъ Руской границы. Наконецъ, по прибытіи подкрѣпленія, въ Августъ мѣсяць, рѣшено было начать снова наступательныя дѣйствія. Наша линія отъ Бошническаго берега до Карелии простиралась въ слѣдующемъ порядкѣ: Князь Багратионъ находился въ окрестностяхъ Або; Графъ Вишгенштейнъ, съ новоприбывшимъ корпусомъ въ 9000 человекъ, занималъ полуденный берегъ Финскаго залива. На нашемъ правомъ крылѣ былъ Генералъ Тучковъ 1, близъ Куопио, а Генералъ-Адъютантъ Князь Долгорукій дѣйствовалъ правѣ, въ Карелии. Въ серединѣ, близости Вазы, находился корпусъ Генерала Раевского. Съ симъ-же корпусомъ Генералъ Графъ Каменскій долженъ былъ начать главныя дѣйствія на Вазу и Гамле - Карлеби Гене-

ралъ - Адьюпаншъ Князь Голицынъ съ 8000 войска подвигался, также по сему направлению, въ средину Финляндіи. (*)

Шведскихъ регулярныхъ войскъ въ это время было на шведской землѣ Финляндіи около 18,000 человекъ и при нихъ 40 орудій. Изъ сего числа 4000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Сандельса, находились въ Тайволѣ, противу Генерала Тучкова 1; 4,000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Дебельна, расположены были въ Хриспіаншпашѣ, противу Або. 10,000 лучшихъ войскъ, подъ начальствомъ Фельдмаршала Клигепора и помощника его, Генерала Адлеркрейца, расположены были въ окрестностяхъ Лапокирки, ш. е. на дорогѣ въ Вазу, изъ средины Финляндіи, опѣ Куопіи и Таваспуза. Всего съ вооруженными поселянами, изъ

(*) Число Русскихъ войскъ, расположенныхъ на семь обширномъ пространствѣ дугою опѣ Карелии до Або, было 47,547 человекъ пѣхоты, 8000 кавалеріи и при нихъ 186 орудій. Изъ сего числа 3000 находилось на гребномъ флотѣ, въ Финскихъ шхерахъ.

коихъ Саволакскіе и Карельскіе спрѣлки почипались лучше регулярныхъ солдатъ, было 36,000 человекъ.

Превосходство въ числѣ не давало намъ существеннаго преимущества надъ непріателемъ, попому что бѣльшая часть нашихъ войскъ должна была спорожить берега отъ высадокъ въ пылъ операціонной линіи, и занимать провинціи, волповавшіяся при каждомъ нашемъ опешупленіи. Дѣйствующія силы были равныя. Графу Каменскому поручено было, шолько съ 10,000 человекъ пѣхоты, 1200 кавалеріи и 46 орудіями, дѣйствовать прошиву Фельдмаршала Клингспора, опрокинуть его до самой Лапландіи и очистишь Финляндію. Клингспоръ имѣлъ на своей споронѣ всѣ преимущества Генерала, защищающаго свое опечество. Всѣ жишели держали его спорону, укрѣпляли въ пылъ его позицію, доставляли подводы и продовольствіе, и спарались по возможности вредить намъ. Рускому Генералу, дѣйствующему наступательно, не на что было падѣяться, какъ шолько на мужество сво-

ихъ войскъ и на свой собственнѣйшій геній. Шведы и Финны, при семъ послѣднемъ усиленіи, дрались какъ герои, въ неприспущныхъ своихъ мѣстоположеніяхъ. Графъ Каменскій съ равными силами побѣдилъ героевъ, и преодолѣлъ самую природу!

Превышающія силы непріятельскія, совершенный недостатокъ въ продовольствіи и смѣлыя дѣйствія Шведскаго партизана Роопа, въ штыкъ корпуса Генерала Раевского, принудили его къ отступленію отъ Вазы къ Лапо-киркѣ. Славное, но неудачное сраженіе при сей киркѣ, пресѣченіе сообщеній и недостатокъ во всемъ, довели корпусъ сей до отчаяннаго положенія. Генералъ Раевскій долженъ былъ отступить до кирки Алаво, куда и прибылъ 7 Іюля. Удержавшись въ семъ мѣстѣ, онъ собралъ военный совѣтъ (11 Іюля), чтобы принять рѣшительныя мѣры, съ общаго согласія. Въ Совѣтъ присушествовали Генералы: Н. И. Демидовъ, Янковичъ и Козачковскій; Пол-

ковники: Эриксонъ, Фроловъ, Спегманъ, Турчаниновъ и Кульневъ. Генераль Раевскій изобразилъ настоящее положеніе дѣлъ, причины своего опсупленія, и предложилъ мнѣніе, чтобы опсупнить къ Таваспузу, къ подкрѣпленіямъ и магазинамъ. Мнѣніе сіе было принято единодушно. Въ корпусъ Генерала Раевского едва было въ это время 3000 человекъ подъ ружьемъ.

Между тѣмъ, когда сіе происходило съ корпусомъ Генерала Раевского, въ общей диспозиціи сдѣланы были перемѣны, и Графу Каменскому, командовавшему опрядомъ на берегу Финскаго залива, опданъ подъ начальство корпусъ Генерала Раевского, вошедшій въ составъ опряда, съ копорымъ Графъ Каменскій долженъ былъ дѣйствовать противу Фельдмаршала Клигспора. Юля 12 прибылъ Графъ Каменскій къ новому своему опряду, съ трудомъ избѣгнувъ опасности бытъ взятымъ въ плѣнъ Шведскимъ партизаномъ Роопомъ. Сей Роопъ былъ уншеръ-офицеромъ Шведскихъ войскъ. Онъ началъ партизанское свое поприще съ

40 человекъ самыхъ опчальныхъ солдатъ, и возмущая поселянъ и солдатъ, оппущенныхъ въ дома послѣ сдачи Свеаборга, составилъ себѣ сильную паршію, скрываясь на уединенныхъ островахъ многочисленныхъ озеръ. Роошъ испреблялъ въ шылъ корпуса Раевского транспорты съ амуницией и съѣсными припасами, сожигалъ мосты, разрывалъ плошины, перекапывалъ и заваливалъ дороги и губилъ малые опряды. Онъ нанесъ величайшій вредъ корпусу Генерала Раевского. Испребишь опрядъ Рооша было невозможно въ это время, пошому что онъ разсыпался и укрывался въ недоступныхъ мѣстахъ. Всѣ жишелы были съ нимъ въ заговоръ.

Графъ Каменскій одобрилъ послановленіе совѣща, и слѣдуя оному, рѣшился опспунишь къ Таваспузу, чтообы сосредоточить свои подкрѣпленія и приблизиться къ центру продовольствія. Корпусъ опспунилъ двумя колоннами, и достигнулъ до Кумялакса и Кумонса, не бывъ преслѣдуемъ непріятелемъ. Графъ Каменскій, чтоо-

бы скрышь опъ; непришеля настолиця свои намѣренія и свое положеніе, и выиграшь время для собранія своихъ подкрѣпленій, опдѣлилъ опъ себя два небольшіе опряда для наступательныхъ движеній на двухъ своихъ флангахъ. Полковникъ Власшовъ дѣйствовалъ по дорогѣ къ Саріярви на правой сторонѣ главнаго Шведскаго корпуса, Полковникъ Сабавѣевъ на лѣвой, близъ Оривеси, а Эриксопъ, около Эпсери. 2 Августа Графъ Каменскій уже былъ въ состояніи двинуться впередъ съ главнымъ опрядомъ, и 5 числа, опъ занялъ позицію при Ивескигъ. Опсюда начинающія наступательныя дѣйствія корпуса Графа Каменскаго. Тогда опрядъ Полковника Власшова составлялъ авангардъ сего корпуса. Сей опрядъ, состоявшій изъ 7 баталіоновъ пѣхоты, 2 эскадроновъ кавалеріи, паршіи казаковъ и 7 орудій, (*) подвигаясь впередъ

(*) 2 бат. 24 Егерск. полка, одинъ гренадер. и одинъ мушкетер. батал. Сьвскаго мушкетер. Одинъ гренад. и одинъ мушкет. Бьлозер. мушкет., одинъ мушкет. б. Низовскаго, одинъ эскадр.

и прошедъ Саріярви, былъ встрѣченъ опрѣдомъ Шведскихъ войскъ изъ 2000 пѣхоты съ 8 орудіями, подѣ начальствомъ Полковника Фіанпа, въ крѣпкой позиціи при Карсшуль. Сіе авангардное дѣло заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ подробнѣе: оно имѣло большое вліяніе на тогдашнія военныя обстоятельство. Мѣстоположеніе, занимаемое Шведами, было слѣдующее:

Озеро *Пее*, или *Пее-ярви*, образуешь нѣсколько заливовъ. Между главнымъ разливомъ водъ и однимъ изъ сихъ заливовъ находилась узкій перешеекъ. Здѣсь лежало селеніе Калмари, чрезъ которое идетъ большая Линдулакская дорога, мимо кирки Карсшула. На проливѣ, соединяющемъ заливъ съ главнымъ озеромъ, находилась мостъ. Шведскій опрѣдъ расположенъ былъ за симъ мостомъ, поперегъ пролива, примыкая флангами къ заливу и большому озеру. На обоихъ флангахъ непріятельскихъ были возвышенія, на которыхъ устроены были баша-

Гроднен. гусарск. и одинъ эскадр. Финлянд. драгун. полковъ.

рен. Кромѣ того, цѣлая линія и лѣвый флангъ у залива, сверхъ башарей, прикрышы были шанцами. Сія позиція уподоблялась крѣпости.

Пикетъ непріятельскій вспрѣшилъ Рускій авангардъ у самаго входа въ перешекъ, гдѣ подѣланы были засѣки. 24 Егерскій полкъ, подѣ начальствомъ Подполковника Сомова, вышѣснилъ Шведовъ до деревни Кальмари, гдѣ они, засѣвъ въ домахъ и за заборами, мужеспвенно защищались, получивъ подкрѣпленіе ошъ главнаго своего опрѣда. Между тѣмъ, какъ въ семь мѣсцѣ продолжалось сраженіе, Полковникъ Влашповъ, осмопрѣвъ позицію непріятеля, сдѣлалъ свои распоряженія, приносяція большую честь его глазомѣру и военнымъ соображеніямъ. Онъ опрѣдилъ изъ перваго пункта вспунленія въ перешекъ, (деревни Сюспямяки) Маіора Римана (Сѣвскаго мушкет. полка) съ 6 рошами сего полка и 2 рошами Низовскаго, въ обходъ главной непріятельской позиціи, малою дорогою по шу сторону залива, мимо лѣваго непріятельска-

го фланга. Командира Сѣвскаго полка, Подполковника Лукова, послалъ съ двумя баталіонами Бѣлозерскаго полка (соспоявшимися подъ начальствомъ Маіора Алексѣева и Капитана Макарова) и двумя орудіями, противу лѣваго непріятельскаго фланга, гдѣ завѣсть споль была узокъ, что чрезъ него можно было переспрѣливать. Самъ Полковникъ Власовъ съ оспальнымъ опрядомъ двинулся прямо на главную позицію, выпѣсшилъ Шведовъ изъ деревни Кальмари, и преслѣдуя, опрокинулъ замость, кошорый пошчасъ былъ зажженъ непріятелемъ. Очистивъ поле по сію сторону главной Шведской позиціи, Полковникъ Власовъ съ большимъ искусствомъ воспользовался выгоднымъ своимъ мѣсположеніемъ, и устроилъ пошчасъ батарею изъ пяти орудій, на возвышеніи, (противу праваго непріятельскаго фланга), командовавшемъ позиціей непріятельскою. Колоната и переспрѣлка продолжалась безъ умолку на всей непріятельской линіи, но успѣхъ былъ еще сомнительный. Шведы имѣли большое преимущество пе-

редь нашими, сражаясь въ шанцахъ, тогда какъ наши дѣйствовали въ опкрытомъ полѣ.

Подполковникъ Луковъ, обойдя озеро, встрѣшилъ непріятельскихъ стрѣлковъ по сию сторону залива, въ засѣкахъ. Ихъ вышѣснили ошшуда и прогнали въ ихъ шанцы, въ бродъ чрезъ проливъ. Спремленіе наше въ семь мѣствъ было удержано маскированной батареєю непріятельскою.

Между тѣмъ, какъ огонь продолжался на всей линіи и на самомъ близкомъ разстояніи, Полковникъ Фіаншъ извѣстился ошъ никеша своего, пославленнаго въ пылъ, при переправкѣ чрезъ малую рѣчку, что нашъ опрядъ (Маіора Римана), посланный изъ деревни Сюспямяки, спремился въ пылъ Шведскаго корпуса, вскорѣ займешъ Линдулакскую дорогу и такимъ образомъ опрѣжешъ ретираду. Приведенный въ смущеніе сею вѣстью и не будучи въ состояніи опразить жестокаго нападенія нашихъ съ фронта и съ лѣваго фланга, Полковникъ Фіаншъ вознамѣрился ошшупишь въ порядкѣ къ другой позиціи.

Лишь только съ нашей стороны примѣнили первыя пригошовленія Шведовъ къ опшсупленію, вдругъ на всей нашей линіи раздался радоспный вопль: ура! впередъ! — Каршечи и пули посыпались изъ Шведскихъ шанцевъ и бапарей; но Рускіе вонны, презирая явную смершь, бросились на горящій моспъ и въ бродъ, достигнули бѣгомъ до непріательскихъ шанцевъ, усспремилсь на нихъ со шпыками, и принудили Шведовъ къ бѣгспву. Подполковникъ Сомовъ и Капипаны Гаевъ и Никифоровъ, 24 Егер. Капипанъ Шидловскій и Шпабсъ - Капипанъ Коленъ, Сѣвскаго пѣх. полка были впереди, и подавали собою примѣръ мужеспва и рѣшительности. Бѣлозерскій полкъ, находившійся на лѣвомъ непріательскомъ флангѣ, не хоспѣлъ оспавашься равнодушнымъ зрительемъ споль блестящаго нападенія своихъ поварищей. Капипанъ Макаровъ бросился въ то же время со спрѣлками въ бродъ чрезъ заливъ, взбѣжалъ на шанцы—и шпыками выгналъ опшуда Шведовъ. Маіоръ Алексѣевъ поспѣшилъ къ нему на помощь

и овладѣлъ башарейми. Шведская позиція, заранѣе укрѣпленная и почишаемая непреодолимою, была взята въ одно мгновеніе, присшупомъ. Храбрые Шведы должны были успунить почпи невѣрояшному мужеспву Рускихъ. Маіоръ Ридигеръ съ эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ, и Подполковникъ Припвиць съ Финляндскимъ драгунскимъ, бросились въ бродъ чрезъ проливъ, и довершили пораженіе изумленнаго непріятеля.

Опчаяніе воспламенило Шведовъ; они собрались за небольшою рѣчкою, пересѣкающею дорогу, и имѣя непроходимыя болота на флангахъ, вознамѣрились въ семь мѣспъ удержашъ быспрый напискъ Рускихъ, и заспавили ихъ кончили сраженіе. Наши спрѣлки и кавалерія опромешью бросились на непріятеля, и не давъ ему опомнишься, выпѣснили изъ сего выгоднаго мѣспоположенія. Шведы снова опспунили, будучи преспѣдуемы нашими спрѣлками и кавалеріею.

Между деревнею Мешепень и мызою

Олькаръ, паходишся озеро Уйшонское, или лучше сказаць большой разливъ рѣки, выходящей изъ Пее-ярви. На рѣкѣ, при самомъ разливѣ, лежишь длинный мостъ, называемый Уйшонскимъ. Здѣсь также заранѣе приготоповлены были шанцы и бапарей для Шведовъ, по шу сторону рѣки. Наши встрѣчены были карпечными и ружейными выстрѣлами: Шведы приготоповились къ сильной оборонѣ. Тотъ же самый 24 Егерскій полкъ и шъ же двѣ роты Сѣвскаго, копорые взяли присшупомъ первую позицію, бросающя спремглавъ съ примкнушыми шшыками на Уйшонскій мостъ, лепяпъ прямо на шанцы, и рукопашнымъ боемъ оканчивающъ сраженіе. Мужество Шведовъ поколебалось: они обрашили въ бѣгство и разсыпались. Ночь и успалось нашихъ войскъ спасли ихъ отъ совершеннаго испребленія. Полковникъ Власовъ приказалъ авангарду нашему останошипся на мызѣ Олькаръ, а самъ съ главнымъ опрядомъ расположился въ деревнѣ Мешенень. Войско пребовало опдохновенія. Рускіе сража-

лись непрерывно въ продолженіе 16 часовъ; они должны были браться съ боя каждый шагъ, на разстояніи 18 верстъ, и вытѣсняли непріятеля изъ 5 укрѣпленныхъ позицій, въ коихъ онъ оспаривался, защищаясь съ необыкновеннымъ упорствомъ. Блестящая побѣда увѣнчала неимоверныя сія шруды и усилія. Безпорядокъ водворился въ Шведскомъ опрядѣ: солдаты разбрелись по лѣсамъ, и Полковникъ Фіянсъ, опустивъ къ Линдулаксу, едва могъ собраться прешью часъ своего опряда (*).

Сраженіе при Карскулѣ названо было *офицерскимъ дѣломъ*. Необыкновенное соревнованіе одушевляло всѣхъ офицеровъ опряда Полковника Власова. Они непрерывно другъ передъ другомъ бросались въ величайшія опасности, и собою подавали примѣръ подчиненнымъ. Императоръ Але-

(*) Въ сей достопамятный день, непріятель потерялъ убитыми и ранеными 700 человекъ. Съ нашей стороны убиты два офицера и 46 солдатъ. Ранено офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 182.

Александръ щедро наградишь офицеровъ сего опряда.

На лѣвомъ флангѣ Графа Каменскаго дѣла приняли весьма неблагопріятный оборотъ. Полковникъ Эриксонъ, выпѣснивъ Шведскій авангардъ изъ Алаво, и соединившись съ Полковникомъ Сабанѣевымъ, вознамѣрился держаться въ семь мѣсць, до дальнѣйшихъ послѣдствій. Но Шведы воспользовались опдаленіемъ Эриксона опъ главнаго корпуса и слабосью его опряда, и Генералъ Адмеркрейць ударилъ на него съ превыщающими силами, 5 Августа, въ часъ пополудни. Сраженіе было кровопролитное и упорное. Рускіе не уступали ни превыщающему числу, ни сильному и непрерывному написку Шведовъ. Оба начальника соединенныхъ опрядовъ, Полковники Эриксонъ и Сабанѣевъ, были ранены, но для поддержанія мужества въ своихъ подчиненныхъ, не оспавляли поля сраженія, и находились во весь день въ рядахъ, подъ выспрѣлами. Всѣ усилія Шведовъ, чшобы привесць въ безпорядокъ и обрашишь въ бѣгешво Рускихъ,

не имѣли успѣха: ни каршечные выстрѣлы, ни нападенія на всю линію съ примкнувшими штыками не могли распространить Руской дисциплины. Наши ряды были неподвижны, какъ желѣзная стѣна. Сраженіе продолжалось съ утра до 7 часовъ вечера. Полковникъ Эриксонъ, опасаясь бытъ окруженнымъ и опрѣзаннымъ цѣлымъ корпусомъ Фельд-маршала Клингепора, рѣшился опспушить къ Графу Каменскому. Но Генераль Адмеркрейць уже опрѣзаль ему дорогу вправо на Тейсъ, обойдя лѣсомъ нашъ флангъ. Полковникъ Эриксонъ обратился на дорогу къ Тамерфорсу, и перейдя черезъ рукавъ озера Руовеси, сжегъ мостъ и деревню Херанень, для удержанія спремленія непріятели. Эриксонъ не могъ воспользоваться прикрытіемъ озеръ. Шведы, имѣя въ своемъ распоряженіи лодки жипелей, переправили опрядъ черезъ озеро Туліоки, и припудили Эриксона продолжая свое опспушеніе. (*)

(*) Въ сраженіи при Алаво урокъ съ нашей стороны бытъ слѣдующій: убишо два офицера; ниж-

Не взирая на разбише опряда Полковника Фіянпа при Карсшуль, Шведскія дѣла находились шеперь въ самомъ выгодномъ состояніи. Передъ Фельдмаршаломъ Клингспоромъ опкрышь былъ нупшь не только до Тамерфорса, но даже до Тавастуза. Правое крыло Клингспора прикрыпо было опрядами Генераловъ Дебельна, Вегесака, и Полковника Гиленбегеля. Двиувшись впередъ, онъ могъ заспавишь Графа Каменскаго опспуишь, единспвенно изъ опасенія

нихъ чиновъ 75. Ранено два Шшабъ-офицера, 9 Оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ 226. Изъ сего числа 1 офицеръ и 67 человекъ шжело, раненыхъ оспались на мѣспъ сраженія. Опличились все офицеры и солданы сего опряда, а особенно 28 и 3 Егерскіе полки. Шефомъ сего послѣдняго полка былъ Генераль Барклай - де - Толли (въ послѣдспвіи Фельдмаршаль), командоваль онимъ Полковникъ Сабанѣвъ, (скопчавшійся въ чинѣ Генерала опъ Инфантеріи). Шведы, по собспвенному сознанию, пошеряли около 600 человекъ убишыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ находился Генераль Графъ Кронспедшь.

быть отрезаннымъ отъ всѣхъ своихъ сообщеній, а отступленіе Графа Каменскаго, предавая во власть непріятеля обширное пространство хлѣбородной провинціи, въ самое время жажды, доставило бы средство Клингспору запасшись продовольствіемъ для своего войска, лишить Русскихъ всѣхъ средствъ, и даже испребыть наши запасы въ Тамерфорсъ и Тавасгузъ. Между тѣмъ Шведскій Король, Густавъ, угрожалъ высадкою въ окрестностяхъ Або и Христианшпадь; что лишало возможности наши береговья войска притупить къ какимъ либо движеніямъ внутри земли. Вооруженіе поселянъ въ Карелии сдѣлалось бы тогда весьма важнымъ, и Генераль Сапельсъ, (споявшій въ Тайволъ противу Генерала Тучкова, находившагося въ Куопи,) при наступательномъ дѣйствіи Клингспора, получилъ бы большія выгоды въ своей неприступной позиціи. Преимущество, одержанное Генераломъ Вегезакомъ на правомъ флангѣ Клингспора, при Лапфирдъ, надъ отрядомъ Полковниковъ Бибикова и Ансель-

ма-де-Жибори, обезпечивало Клигспора съ самой опасной для него спороны. Казалось, что все ему благопріятствовало, и если бы онъ немедленно воспользовался своимъ положеніемъ и удержалъ Рускихъ до осени за чершою, идущею опъ Або, чрезъ Тавасгузь до Варкауза, то замятіе Финляндіи Рускими не воспослѣдовало бы въ семь году. Неизвѣстно, какой оборопъ взяла бы Европейская полишика чрезъ годъ, и учаспъ Финляндіи могла бы рѣшишься иначе. Все зависѣло опъ дѣйсвій Графа Каменскаго: онъ своею рѣшительностію разсѣкъ сей Гордіевъ узель, и распроилъ все ученыя соображенія искусныхъ Шведскихъ Генераловъ.

Когда Клигспоръ съ неперпнѣемъ ожидалъ извѣспія объ опспупленіи Графа Каменскаго изъ Ивескиля, вдругъ пришла къ нему вѣспъ, что Графъ Каменскій поспѣшно двинулся впередъ. Оспавивъ Полковника Власпова преслѣдовапъ Філиппа, Графъ Каменскій, при первомъ извѣспіи объ опспупленіи Эриксона опъ Алаво, почув-

спововалъ крипическое свое положеніе, и вознамѣрился уничтожить въ самомъ началѣ выгоды, полученныя непріятелемъ. Надѣясь на мужество Рускихъ, онъ рѣшился немедленно напасть на Шведовъ открытою силою, и швердосшью, пастойчивостью переманивъ военное счастье на свою сторону.

Быстро успремился Графъ Каменскій къ Алаво, и 8 Августа встрѣчилъ Шведскій авангардъ при Эисари (*). Рускіе съ неперпнїемъ ожидали встрѣчи съ непріятелемъ; послѣ жаркаго дѣла, Шведскій авангардъ былъ разбитъ и опрокинутъ.

Здѣсь случилось происшествіе, которое стоило того, чтобы упомянуть объ немъ, потому что оно произвело сильное впечатлѣніе на Шведовъ.

(*) Графъ Каменскій выступилъ изъ Ивескиля съ Пепровскимъ и Калужскимъ полками, 1 бат. Азовскаго, 1 бат. Великолуцкаго мушкет. полка, 2 эскадрон. Гроднен. гусар., 1 эскад. Уланскаго Его Высочества и нѣсколькими орудіями. 3 баталіона пѣхоты пришли опъ опряда Власнова, и соединились съ нимъ въ пуши.

Маіоръ Гласковъ съ 2 ротами 25 Егерскаго полка, опспуая на Ивескиль послѣ занятія Алаво Шведами, былъ оспановленъ непріятелемъ, имѣвшимъ при себѣ два орудія, при Эпсарі. Не будучи въ состояніи прошивишься превышающей силѣ, онъ однако жъ продолжалъ опспуашь. На пуши присоединилась къ нему паршія рекрушъ; весь опрядъ его состоялъ изъ 269 человекъ. Для опдохновенія упружденныхъ походомъ солдатъ, Маіоръ Гласковъ оспановился въ одномъ выгодномъ для зацщпы мѣспоположеніи. Вдругъ непріятельская пѣхоша въ 300 человекъ появилась въ шылѣ на большой дорогѣ, а другая, споль же сильная, колонна обходила его мѣсомъ. Шведы кричали, чшобъ Рускіе положили оружіе, и просили пощады. Маіоръ Гласковъ, раздѣливъ свой опрядъ на двѣ часпи, вмѣсто опвѣта на приглашеніе къ сдачѣ, бросился въ шпыки на непріятеля, пробился рукопашнымъ боемъ чрезъ его ряды, и пробѣжавъ спю сажентъ, оспановился, собралъ людей, поспроился во фронтъ и началъ опспу-

папъ въ порядкѣ, опспрѣливаясь. Толпа вооруженныхъ поселянъ пакже заспунила ему дорогу; онъ разогналъ ихъ, и преодолѣвъ всѣ усилія непріятеля, хотѣвшаго взять его въ плѣнъ, соединился съ Графомъ Каменскимъ. Сами непріятели опдали справедливостъ сей чудесной храброспи горспи Рускихъ. На каждаго нашего солдата приходилось по 4 человекъ Шведовъ, и не взирая на сіе, они, даже окруживъ нашихъ, не могли взять ихъ въ плѣнъ!

Графъ Каменскій быспрымъ своимъ движеніемъ изумилъ Шведовъ, и принудилъ Клингспора сосредоточить разсѣянныя свои силы. Фельдмаршалъ Клингспоръ избралъ крѣпкую, или лучше сказать, неприспунную позицію при Куршанъ, изъ коей онъ могъ имѣть свободное сообщеніе съ правымъ своимъ флангомъ и съ опрядомъ Полковника Фіянпа. Лишь только Графъ Каменскій двинулся впередъ, по и всѣ Рускіе опряды, разсѣянныя на большомъ проспранствѣ, пришли въ движеніе, сосредоточиваясь по направленію къ Алаво. Генераль-Маіоръ

Ушаковъ, съ опрядомъ (*) своимъ находясь на лѣвомъ флангѣ, слѣдовалъ впередъ на Кухаіюки; Власповъ находился въ Линдулакѣ. Опрядъ Полковника Эриксона шелъ къ Алаво, куда Графъ Каменскій вступилъ 14 Августа, перешедъ въ 7 дней 290 верстъ! Шведы едва вѣрили появленію Каменскаго.

Фельдмаршалъ Графъ Клигспоръ долженъ былъ почувствовать свою ошибку въ томъ, что онъ упустилъ случай употребить малочисленный корпусъ Генерала Раевского, и послѣ того опрядъ Эриксона, при Алаво. Мужественное сопротивленіе нашихъ войскъ и искусное отступление въ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, лишило Шведовъ ихъ выгодъ, которыми, кажется, представляла имъ сама судьба. Теперь наступала рѣшительная минута: отъ успѣха дѣйствій Каменскаго зависѣла участь цѣлой кампаніи. Фельдмаршалъ Клигспоръ надѣ-

(*) Опрядъ сей состоялъ изъ Липовскаго и Могилевскаго мушкет. полковъ, 25 Егерскаго и эскадрона Улапъ.

ялся, что онъ съ равными силами, если не разобьетъ Каменскаго, то по крайней мѣрѣ, при выгодахъ своего мѣстоположенія, успеетъ опразить его нападеніе, и ослабивъ его поперями, неразлучными съ апакою укрѣпленныхъ посшовъ, принудитъ къ опспуленію. Не только Шведское войско, но и жители Финляндіи раздѣляли надежду Клинтспора. Они предсказывали, что Графъ Каменскій поспѣшаетъ на погибель. (*)

Въ Алаво Графъ Каменскій остано-вился, чтобы собрать все опдѣльные опряды и подкрѣпленія, заготовивъ продовольствіе на нѣсколько дней впередъ, и дасть своимъ солдатамъ опдохнуть и пригото-

(*) Одинъ уланскій офицеръ, посланный въ разѣздъ около Эпсари, заѣзжалъ въ дома Пастора и одного помѣщика. Возвращившись, офицеръ былъ позванъ къ Графу Каменскому. „Что говорятъ Шведы?“ спросилъ Графъ. — „Они говорятъ, что мы идемъ на свои похороны,“ опвѣчалъ офицеръ. — „А ты, что думаешь?“ сказалъ Графъ. — „Я думаю, что мы побьемъ Шведовъ.“ — „Въ добрый часъ!“ примолвилъ Графъ, улыбаясь: „предсказаніе свое сбудется!“

выпѣся къ новымъ прудамъ. 17 Августа онъ возобновилъ наступательныя дѣйствія. (*)

Авангардомъ, состоявшимъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, (**) съ достаточнымъ числомъ кавалеріи, командовалъ Гродненскаго гусарскаго полка Полковникъ Кульневъ. За нимъ слѣдовалъ опрядъ Эриксона, (***) а

(*) Весь корпусъ Графа Каменскаго въ сіе время состоялъ: изъ 3, 25 и 26 Егерскихъ полковъ, Пепровскаго, Бѣлозерскаго и Азовскаго мушкетер., 1 батал. Калужскаго и 1 батал. Великолуцкаго. Двухъ эскадронъ Уланскаго Его Высочества, Командирскаго, подъ начальствомъ Ропмиспра Керцели, и эскадрона Маіора Князя Манвелова. 3 эскадроновъ Гроднен. гусар. полка, нѣсколькихъ сотъ казаковъ и достаточнаго числа артиллеріи. 20 числа пришелъ Пермскій мушкетер. полкъ.

(**) Въ авангардъ были: 3 Егерск. полкъ, 3 роты Пепровскаго мушкетер. полка, 2 эскадрона Гродненск. гусарск. и часть казаковъ.

(***) Опрядъ Генерала Эриксона состоялъ: изъ 25 и 26 Егерск. полковъ, 3 ротъ Азовскаго мушкетер., 1 эскадрона Гродненскаго гусарскаго, 1 эскадрона Уланскаго Его Высочества, Князя Манвелова и части казаковъ.

послѣ того шествовалъ, подѣ начальствомъ Генералъ-Маіора Демидова, главный опрядъ, при копоромъ находился и самъ Графъ Каменскій. Дорога отъ Сарвика къ Курпанѣ идетъ по правой сторонѣ рѣки. Генералъ-Маіоръ Козачковскій опряженъ былъ съ 1 баталіон. Калужскаго мушкетерскаго полка и эскадрономъ Уланскаго Его Высочества полка на лѣвый берегъ рѣки. Голова колонны его шла наравнѣ съ авангардомъ, и онъ долженъ былъ угрожать флангъ и шылъ неприятели.

Шведы удержали нашъ авангардъ при переправѣ чрезъ рѣку у Сарвика. Мостъ былъ сожженъ. Переспрылка продолжалась цѣлый день, и наконецъ неприятели были сбиты и опрокинуты. Переправа осталась въ нашихъ рукахъ.

19 Августа авангардъ нашъ достигъ до Каухаламби, гдѣ неприятели снова остановились въ укрѣпленныя позиціи, и двумя орудіями очищали большую дорогу. Егеря наши бросились со штыками впередъ, а Гродненскаго гусарскаго полка Ропмиспръ

Грошгусъ и Лейбъ-Гвардія Копваго полка Шшабсъ - Ропмиспръ Князь Кудашевъ, успремились съ кавалерією на шанцы, овладѣли оными и обрапили въ бѣгство непріятеля. Непріятель жегъ всѣ мосты по дорогѣ, но наша пѣхота съ такою скороścią почиивала ихъ, что артиллерія не оспавала опъ пѣхоты, которая почти опъ Кауголамбы до Куршани преслѣдовала бѣгомъ непріятеля, оспанавливаясь только при починкѣ мостовъ и при переспрѣлкѣ. Непріятель щещно покушался удержати спремленіе нашего авангарда при деревнѣ Мяснея, гдѣ за небольшою рѣчкою заблаговременно пригошовлены были шанцы, за сожженнымъ мостомъ. Здѣсь держались Шведы довольно долго; наконецъ наша кавалерія и пѣхота бросились въ бродъ чрезъ рѣку, и угрожая непріятелю напасшъ на него съ шыа, принудили его оспавитъ свою позицію. Авангардъ нашъ преслѣдовалъ непріятеля шыками, и безпрешанно переспрѣливался, до самой Куршанской позиціи. Здѣсь опяшъ завязалось жестокое сра-

женіе. Непрiяпель снова былъ опрокинутъ, и наша пѣхота, гося передъ собою спрѣлковъ непрiяпельскихъ, вбѣжала съ ними вмѣстѣ на мостъ, длиною въ сто сажень, защищаемый бапареями. Сильная кононада и наспутившая ночь удержали быстрый нашъ напискъ и принудили авангардъ остановиться. Шведы пошчасъ зажгли мостъ. Успѣхами сего дня обязаны Полковнику Кульневу. — Здѣсь кспани почипаю сказать нѣсколько словъ о семъ героѣ, прославившемся въ Финляндіи и падшемъ со славою въ опечесшвенную войну 1812 года.

Кульневъ былъ правою рукою и глазомъ Графа Каменскаго въ Финляндскую войну. Кульневъ совершенно понималъ виды своего начальника, и исполнялъ его предначертанiя съ Суворовекою быстротой. Въ преслѣдованiи непрiяпеля Кульневъ былъ неушомимъ: онъ безпреспанно былъ на конѣ, впереди, съ пѣхотными спрѣлками, первый въ кавалерійскихъ апакахъ. Онъ первый поднималъ свой опрядъ, и послѣдній предавался опдохновенію. Кульневъ припо-

миналъ собою суровыхъ воиновъ древней Спарши и время Свяпославовыхъ. Онъ не любилъ кварширъ: ненастные дни и бурныя ночи проводилъ всегда на бивакахъ, возлѣ огня, окруженный солдатами. Бурка соспавляла все его прикрытіе отъ непогодъ. Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ и нѣсколько согнутъ. Имѣлъ черныя волосы, лице блѣдное и смуглое. Большіе черныя глаза и орлиный носъ соспавляли опличительныя черты его физіономіи. Длинные усы и бакенбарды висѣли на опушкѣ чернаго его доломана съ черными шнурами. Голова его покрыва была почти всегда, а особенно въ сраженіи, краснымъ шерстянымъ колпакомъ, по обычаю Финскихъ поселянъ. Онъ не носилъ фуражки и рѣдко надѣвалъ гусарскій киверъ. Исполнее плащъ его было широкое казацкое. Въ рукахъ у него всегда была казацкая нагайка, служившая ему вмѣсто оружія. Кульневъ былъ обожаемъ солдатами, не взирая на спрогось, съ которою онъ наказывалъ опспупленіе отъ военной дисциплины. Онъ жилъ съ солдатами

ми, пишался одною съ ними пищею и раздѣлялъ съ ними всѣ шруды и опасности. Нѣсколько разъ въ ночь онъ садился на коня, и объѣзжалъ всѣ поспы, приближаясь всегда къ часовымъ непріятельскимъ; оплошный не оспавался безъ наказанія и немедленно былъ схваченъ, часпо самимъ Кульневымъ. Цѣлая Шведская армія знала его: онъ первый извѣщалъ ее о начашіи военныхъ дѣйствій, и появленіе его на Шведскихъ передовыхъ поспахъ было сигналомъ къ бшпвѣ.

Но обратимся къ военнымъ дѣйствіямъ.

Большая дорога изъ Тамерфорса въ Вазу идешь по правому берегу озера Куршане, мимо кирки сего имени. Въ прехъ верспахъ за киркою, прошекаепъ рѣка, выходящая изъ озера Нисаламби, лежащемъ въ верспѣ онъ озера Куршане. По обѣимъ шпоронамъ рѣки и вокругъ озера Нисаламби просшираюшся болоша, идущія за Нисаламби на двѣ съ половиною вершшы. Въ средишъ болоша прошекаепъ небольшая рѣ-

ка, впадающая въ Нисаламби. Кругомъ болоша большой лѣсъ, примыкающій съ обѣихъ споронъ къ озеру Куршане. Подъ лѣсомъ, за рѣкою, возлѣ селенія Руона, проспираются поля и возвышенія. На рѣкѣ, копорою озеро Нисаламби вливается въ озеро Куршане, построены мостъ, длиною въ сто сажень, называемый Руонскимъ. Вопшъ мѣстоположеніе, на копоромъ подвизались два храбрый воишсва.

Шведы расположены были между озеромъ Куршане и Линдулакскою дорогою, между селеніями Руона и Такала, вдоль болоша, проспирающагося за рѣками и за озеромъ Нисаламби. Позиція ихъ соспавляла шупой уголь, коего оконечность была въ селеніи Переля, прошивъ озера Нисаламби, и раздѣлялась шакимъ образомъ на двѣ части. Первая часть позиціи (или правый флангъ) была неприступна, примыкая вправо къ озеру Куршане, и находясь за широкимъ болошомъ, рѣкою и озеромъ Нисаламби. На возвышеніяхъ за рѣкою усшроены были при сильныя Шведскія башарен: од-

на передъ селеніемъ Руоше, другая подъ лѣсомъ, а прешья прошиву самага мосна Руонскаго. Впорая частъ позиціи, (или фроншъ съ лѣвымъ флангомъ) шянулаь вдоль болоша за рѣчкою, опъ озера Нисаламби до селенія Такала, и прикрыпа была на всемъ прошяженіи своемъ шанцами и засѣками, между коими успроены были башарен на возвышеніяхъ, одна впереди селенія Переля, другая между симъ селеніемъ и Такала, прешья впереди сего послѣдняго селенія, чешворная правѣе за оными, прошиву большой Линдулакской дороги. Всѣ дорожки и малѣйшія пропинки завалены были засѣками и оберегаемы спрѣлками. Кромѣ того, лѣсъ, самъ по себѣ, былъ почти непроходимъ, наполненъ камнями и густыми кушарниками. Шведы находились какъ въ крѣпости. (*) Въ военной Исторіи трудно най-

(*) Корпусъ Фельдмаршала Клингспора состояли: Абовскій пѣхотный полкъ въ 1800 человекъ, Ниландскій въ 1400 чел., Осперботенскій 1000, Осперботенскихъ егерей 300, башалионъ Упландскаго полка 500 человекъ, башалионъ Саволакского 500

ши, чшобъ войско занимало позицію споль
выгодную и неприспупную, какъ Куршанская.

Распоряженія Графа Каменскаго при
Куршане доказываюшъ военный геній сего
Полководца, и должны сохранишья въ И-
спорін, какъ примѣръ для военныхъ людей.
Зная, чшо Линдулакская дорога идетъ лѣса-
ми, мимо неприспупной позиціи при мостѣ
Руона, и проходишь за лѣвымъ флангомъ не-
пріяшеля, близъ деревни Такала, Графъ Ка-
менскій послалъ (изъ опрѣда Полковника
Власова) Подполковника Лукова съ Сѣв-
скимъ мушкетерскимъ полкомъ, полуэскад-
рономъ Гродненскаго гусарскаго полка и
паршіей казаковъ, чшобы онъ, обойдя лѣ-
вый флангъ, успремился въ шымъ непрія-

челов., бат. Емскапскаго полка 500 челов. Кавале-
рін, а въ шомъ числѣ 5 эскадр. копшой гвардіи,
всего 600 человекъ. Артиллеріи 50 орудій. Всего
регулярныхъ войскъ 7000 человекъ. Вооруженныхъ
крешьянъ, усшроенныхъ полками и раздѣленныхъ
на 5 бригады, всего 6000 человекъ. Съ 1 Августа
1808 года крешьяне поступили на жалованье Ко-
роля.

пельскій, къ деревнѣ Сальми. Генералъ-Маіоръ Козачковскій съ Калужскимъ мушкетерскимъ полкомъ и Командирскимъ эскадрономъ Уланскаго Его Высочества полка, слѣдовалъ по лѣвому берегу озера Куршане, мимо праваго непріятельскаго фланга, также по дорогѣ къ деревнѣ Сальми, въ тылъ непріятеля. Въ ночи съ 19 на 20 Августа, Графъ Каменскій велѣлъ успроить двѣ башарей изъ осьми орудій, прошиву непріятельскаго фронта; пушки иначе нельзя было провозить на башарей, какъ подъ картечными выстрѣлами, и пошому для сбереженія людей выбрали почную пору, для работы. Башарейми командовалъ Маіоръ Бреклингъ. Прошиву самой оконечности праваго непріятельскаго фланга, на мысу, успроена была также башарей изъ двухъ 12-фунтовыхъ орудій. Авангардъ Полковника Кульнева, состоявшій изъ 3 Егерскаго и 3 ротъ Пепровскаго мушкетерскаго полка, посланъ былъ за башарейми, прошиву фронта непріятельскаго. Всѣ наши усилія успремлены были на лѣвый непріятельскій флангъ.

Опрядъ Генерала Эриксона, состоящій изъ 23 и 26 Егерскихъ полковъ и трехъ ротъ Азовскаго мушкетерскаго, и опрядъ Генерала Яковича, состоявшій изъ Бѣлозерскаго, одного баталіона Азовскаго и одного баталіона Великолуцкаго мушкетер. полковъ, отданы были подъ начальство Генерала Раевского, кошорому Генераль Графъ Каменскій приказаль обходить непріятельскую позицію и шьснить лѣвый его флангъ. По невозможности провозить орудія лѣсомъ, шропинками и болошами, разобраны были два орудія, кошорыя несли на рукахъ наши егери: при нихъ былъ Архимеріи Поручикъ Бендерскій. Резервъ нашъ состоялъ изъ Пермскаго мушкетер. полка и одного баталіона Пепровскаго мушкетерскаго полка. Онъ былъ подъ начальствомъ Генерала Демидова, и стоялъ на большой дорогѣ, за авангардомъ Кульнева.

Генераль Раевскій опсправился въ 10 часовъ утра (20 Августа) въ обходъ, какъ скоро извѣспились, что Подполковникъ Луковъ приблизился къ деревнѣ Сикила, въ недалѣ-

немъ разсполнии опть Такала. Ничто не можешъ сравнишься съ шрудносѣями, копорья надлежало преодолѣшь Генералу Раевскому, на семь пупи. Камни, спремнины, болоша, попи и непроходимый лѣсъ замедляли шесствіе его опряда. Для перехода няпи вершшъ, надлежало упошребить чешыре часа времени! Наконецъ, когда Ген. Раевскій вышелъ на шо мѣспо, съ кошорато надлежало произвешъ нападеніе, Графъ Каменскій велѣлъ опкрышь, со всѣхъ нашихъ бапарей, сильную канонаду, во вшоромъ часу пополудни, и на правомъ нашемъ флангъ пошчасъ заязалось сраженіе.

Генераль Раевскій, вышедъ на дорогу, съ кошорой должно было вести атаку на лѣвый непріятельскій флангъ, нашелъ ее заваленною засѣками, и пошому пошелъ впередъ болошами, съ опрядомъ Генерала Эриксона, присовокунивъ къ нему часшъ опряда Генерала Янковича (*), кошорому велѣлъ

(*) Генераль Яковичъ ошался съ однимъ Бѣлозерскимъ полкомъ и двумя орудіями, при Поручикѣ Бендерскомъ.

оспавашься въ деревнѣ Сипола, по сю спору озера Нисаламби. Открытое болопо опдѣляло опрядь Генерала Раевского опъ неприяшеля, и лишь только Рускіе показались изъ опушки лѣса, пули и каршечи посыпались градомъ, и принудили нашихъ оспановишья въ лѣсу. Шведы, пользуясь первымъ изумленіемъ нашихъ войскъ, поспроились за шанцами въ двѣ колонны, и быспро успремилсь на опрядь Генерала Эриксона, перемѣняя такимъ образомъ оборонительное положеніе въ наступательное. Превосходство силъ неприяшеля и сжапое, невыгодное мѣсто, на которомъ наши не могли развернуть колоннъ, спсавляли опрядь Генерала Эриксона въ затруднительное положеніе. Одна опчаянная храбрость могла спасти Рускихъ. Нападеніе Шведовъ было опражено шшыками, и наши, опрокинувъ ихъ, преслѣдовали до самыхъ укрьпленій, гдѣ сильный каршечный огонь удержалъ наступающихъ. Генераль Эриксонъ снова опспушилъ въ лѣсъ, и расположился по опушкѣ.

Шведы, будучи безопасны опъ всяка-

го покушенія на своемъ правомъ флангѣ, перевели, лѣсами, всѣ почти силы свои на лѣвый флангъ, пропиву Генерала Раевского, и спали дѣйствовать насупапельно. Подкрѣпивъ двѣ прежнія колонны свои прешью, они снова усшремились на опрядъ Генерала Эриксона, выславъ чешвершую колонну для занятія селенія Хероя, лежащаго передъ деревней Сипола (на лѣвомъ флангѣ Генерала Эриксона), защищаемаго опрядомъ 26 Егерскаго полка. Сіе движеніе могло имѣть рѣшительныя послѣдствія, ибо если бѣ Шведы заняли деревню Хероя и пошѣспили Генерала Эриксона, то онъ былъ бы опрѣзанъ опшъ нашего лѣваго фланга, и опрядъ его былъ бы испребленъ превосходнымъ числомъ непріяшеля. Положеніе Генерала Раевского было опчаянное: онъ приказалъ Генералу Янковичу опрядишь одинъ баталіонъ Бѣлозерскаго полка къ защищенію деревни Хероя, для обезпеченія симъ лѣваго фланга Генерала Эриксона, который долженъ былъ выдерживашъ до самой крайности напискъ Шведовъ. Между шѣмъ

Генераль Раевскій послалъ къ Генералу Графу Каменскому просить помощи.

Шведы сражались съ ожесточеніемъ, и желая воспользовашься своимъ превосходствомъ силъ, повели атаку съ невѣроятною быспрохою, чшобъ разспроить нашъ правый флангъ, до прибытія подкрѣпленія. Опъ защиты деревни Хероя зависѣло весьма много и, по счастью, баталіонъ Бѣлозерскаго полка и опрядъ 26 Егерскаго не только успѣли удержашь спремленіе непріятеля, но бросившись въ шпыки во флангъ колонны, смяли ее и опрокинули. Сіе удачное дѣйствіе поддержало равновѣсіе сраженія.

Между тѣмъ Генераль Графъ Каменскій, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ наши батареи продолжали дѣйствовать безъ умолку, примѣшя, что съ непріятельскихъ батарей свозяшъ нѣсколько орудій, и что движеніе войскъ производшя по направленію на лѣвый непріятельскій флангъ, выслалъ въ подкрѣпленіе Генерала Раевскаго два эскадрона кавалеріи: эскадронъ Князя Манве-

лова Уланскаго Его Высочества Цесаревича полка и эскадронъ Гродненскаго гусарскаго полка, Маіора Силина. Нашей кавалеріи нельзя было иначе достигнуть своего назначенія, какъ проскакавъ подъ самыми башарейми непріятельскими. Съ нашихъ башарей дано при залпа, и кавалерія по сему сигналу пустилась во всю конскую прышь. Шведы, думая, что наша конница намѣрена броситься на шанцы, чрезъ болопо, послали цѣлыя толпы стрѣлковъ. Шведскія башарей въ то же время усилили свое дѣйствіе, но наша кавалерія подъ пулями и ядрами пролетѣла чрезъ опасное мѣсто, и къ удивленію всѣхъ, безъ урона; убила одна только уланская лошадь.

Въ слѣдъ за симъ пришло извѣстіе ошъ Генерала Раевскаго объ его затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій опредѣлилъ изъ авангарда часть 3-го Егерскаго полка и 5 ротъ Коспромскаго, приказавъ по надобности подвигаться вправо и прочимъ полкамъ, пополняя авангардъ резервомъ, такъ что наконецъ у Генерала Демидова, въ ре-

зервъ, оспался только одинъ баталіонъ Пермскаго полка. Пока подкрѣпленіе подоспѣло, положеніе опряда Генерала Раевского поспешенно спановилось опаснѣе. Опрядъ Генерала Эриксона, упорно защищаясь, принужденъ былъ опспуститься къ деревнѣ Хероя, а Генераль Яковичъ, оспавшійся съ однимъ баталіономъ Бѣлозерскаго полка въ деревнѣ Сипала, былъ апакованъ Шведами съ такою быспрошою, что одна только опчальная рѣшишельность, погибнушь на мѣспѣ, спасла его! Удачное дѣйсствіе двухъ нашихъ орудій, (перенесенныхъ на рукахъ) подъ начальспвомъ Поручика Бендерскаго, удержало первый напискъ Шведовъ. Спрѣлки наши, пользуясь симъ случаемъ, заняли непріятеля переспрѣлкою, пока не подоспѣло подкрѣпленіе, кошорое пошчасъ перемѣнило видъ сраженія.

Съ восклицаніемъ *ура! впередъ!* бросились наши на Шведовъ. Генералы Яковичъ и Эриксонъ двинулись съ своими опрядами прямо на непріятельскія колонны. Спрѣлки наши успремались впередъ, бѣгомъ, передъ

кареями, слѣдовавшими скорымъ шагомъ съ примкнушими шшыками и съ барабаннымъ боемъ, и вдругъ цѣлая равнина покрылась опсшупающими Шведами, копорые скрылись въ своихъ шанцахъ и за бапареями, оставивъ поле сраженія, усяпное тѣлами своихъ убишыхъ и раненыхъ. Наспупившая ночь и усшалость обѣихъ споронъ прекрапили сраженіе.

Генераль-Маіоръ Козачковскій, опрраженный на другой берегъ озера Куршани, также драся цѣлый день. Шведы сильно сопрошивлялись, но Генераль Козачковскій успѣлъ выгнашь ихъ, опкрышою силою, изъ прехъ деревень. Эскадронъ Уланскаго Его Высочества Цесаревича полка преслѣдовалъ стрѣлковъ, лишь шолько ихъ вышѣсняли изъ домовъ. Хотя Шведы были гораздо сильнѣе опррада Козачковскаго, но опкрышое мѣсно, позволивъ дѣйспвовашъ нашимъ уланамъ, послужило въ нашу пользу, ибо Шведы вовсе не имѣли кавалеріи въ семь мѣспѣ. Шведскій опррадъ былъ загнанъ въ дремучій и болошисный лѣсъ, гдѣ

онъ и оспановилъся, а Генераль Козачковскій, занявъ позицію въ послѣдней изъ деревень, Койпяла, послалъ разъѣзды до самой Сальми, на оконечность озера Курпани, въ пылъ непріятельской позиціи. Такимъ образомъ правое непріятельское крыло было обойдено.

Подполковникъ Луковъ, слѣдуя по Линдулакской дорогѣ съ небольшимъ своимъ опрядомъ, вышпунилъ 20 числа изъ Сикала. Непріятельскій опрядъ, бывшій прошиву него, опешупал, пользовался каждымъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, чшобы задерживашь опрядъ Лукова переспрълкою, жегъ моспы и всячески замедлялъ его шешивіе. Подполковникъ Луковъ едва къ ночи успѣлъ дойти до лѣса, занимаемаго Шведскою арміею, и оспановилъся, не достигнувъ до непріятельской позиціи. Однако жъ симъ движеніемъ его, лѣвый флангъ непріятели угрожаемъ былъ обходомъ.

Рускіе сражались весь день, 19 числа, и кромѣ шого сдѣлали большой переходъ. 20 числа они шакже весь день были въ дви-

женіи, и выдержали самое кровопролитное сраженіе. Не было времени подумать ни о пищѣ, ни объ отдыхѣ. Оба Полководца были въ затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій, по упорному сопротивленію Шведовъ думалъ, что они спанутъ защищая свою позицію до послѣдней крайности. Усталость войскъ и отдаленіе отряда Козачковскаго, кошораго почти невозможно было подкрѣпить, возбуждали въ немъ опасенія. Превосходство Шведовъ на всѣхъ пунктахъ было ощущительно; но Графъ Клигспоръ, удостоверившись, что ни шанцы, ни бапарен, ни засѣки, ни болоша не могутъ удержатъ Рускихъ, и обративъ ихъ отъ наступательныхъ дѣйствій, и опасаясь также быть обойденнымъ отрядами Генерала Козачковскаго и Подполковника Лукова, вознамѣрился бросить укрѣпленную свою позицію при Руоно и Такала, и спустить къ другому, укрѣпленному заранѣе, мѣстоположенію при Сальми. Такимъ образомъ распоряженія Графа Каменскаго, сколько же, какъ и храбрость нашихъ войскъ,

содѣйствовали къ опшупленію Фельдмаршала Клингспора. Въ ночи, когда наши обозы уже выпягивались на большую дорогу къ Алаво, чшобъ бышь гошовыми къ опшупленію, въ случаѣ необходимости, и когда Графъ Каменскій, получая извѣстія опъ разныхъ опрядовъ, дѣлалъ свои соображенія къ слѣдующему дню, Полковникъ Кульневъ принесъ радосшную вѣспь, чшо огни на Шведскихъ бивакахъ рѣдьютъ и шухнутъ одинъ за другимъ. Графъ Каменскій сдѣлалъ немедленно распоряженіе, чшобы на другой день возобновишь нападеніе и начашъ преслѣдованіе непріятеля.

21 числа, на самомъ разсвѣтѣ, неупомимый Кульневъ переправилъ въ бродъ чрезъ озеро Куршане казаковъ и егерей, занялъ оставленныя Шведами укрѣпленія, и началъ спроишь мостъ, кошорый искусшвомъ Инженернаго Поручика Теша, скоро былъ конченъ. Авангардъ пошчасъ переправился, и разѣздъ нашъ опкрылъ непріятеля въ одной верстѣ, на большой дорогѣ къ Сальми. 6 ротъ 3-го Егерскаго полка, подъ началь-

спвомъ Маіора Худинскаго, успремилсь на непріяшеля, и шошчасъ начали переспрѣлку; а Рошмистръ Конной Гвардіи Князь Кудашевъ (бывшій волонперомъ при корпусѣ), съ двумя рошами сего же полка, пошелъ лѣсомъ въ право, чшобъ выйши на большую Линдулакскую дорогу, и ошкрышь ошрядъ Подполковника Лукова. Въ шрехъ верспахъ ошъ Руонскаго моспа, Линдулакская дорога выходилъ на большую Тамерфорскую. Въ углу соединенія находилсь возвышеніе. Шведы, ошспуая медленно, ошпановились здѣсь, распянули цѣпи спрѣлковъ по обѣимъ споронамъ дороги и посшавили пушки на возвышеніяхъ.

Къ Маіору Худинскому посланъ былъ на подкрѣпленіе башаліонъ Пермскаго полка и двѣ рошы Пешровскаго. Прочія войска авангарда ошпавались, между шѣмъ, въ брошенныхъ непріяшелемъ укрѣпленіяхъ. Послѣ упорнаго, хошя непродолжилельнаго боя, непріяшель былъ выпѣсненъ изъ сей позиціи, и ошспуилъ къ Сальми. Ошрядъ Подполковника Лукова въ шо же вре-

мя соединился съ авангардомъ (*), копорый быспро преслѣдовалъ непріятеля.

Шведы держались крѣпко въ Сальми. Сраженіе продолжалось три часа, и сперва успѣхъ былъ сомнишеленъ. Наконецъ, Полковникъ Кульневъ рѣшился на опчаянное предпріятіе. Онъ послалъ 6 ротъ 3-го Егерскаго полка, 2 роты Сѣвскаго и 2 роты Пермскаго, подъ начальствомъ Маіора Худинскаго, въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, а двѣ роты 3-го Егерскаго и 2 роты Пепровскаго съ Маіоромъ Кузминскимъ, опрядилъ для защиты нашего лѣваго фланга. Самъ Кульневъ, успроивъ оспальныя войска въ боевой порядокъ, опшановилъ пропнву центра непріятельской позиціи. Лишь только Маіоръ Худинскій достигнулъ до своего назначенія, и показался на лѣвомъ флангѣ непріятеля, Кульневъ далъ знакъ къ

(*) Авангардъ сосшолъ: изъ Сѣвскаго и 3 Егерскаго полковъ, баталіона Пермскаго, 2 роты Пепровскаго полковъ, 2 эскадроновъ Гродненскаго гусарскаго и казаковъ. Начальспвовалъ авангардомъ Кульневъ.

общей атакѣ. Въ то же время показался опрядъ Генерала Козачковскаго, по ту сторону озера, въ пыль у непріателя. Шведы производили жестокій ружейный и каршечный огонь, но авангардъ нашъ, вышедъ изъ опушки лѣса, съ крикомъ *ура!* бросился въ шпыки на шанцы и башарен. Шведы едва успѣли увезши свои орудія; защитники шанцевъ, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были исколопы на мѣстѣ, крѣпкая позиція взята—и наши гусары преслѣдовали непріателя на 10 верстѣ. Авангардъ остановился въ Сальми.

Симъ кончилось прехдневное упорное сраженіе, въ которомъ два храбрыя воинства, почти въ равномъ числѣ, оспаривали другъ у друга побѣду и славу. Шведы имѣли большое преимущество, защищаясь въ неприсшупной позиціи. Они едва вѣрили себѣ событію! Сраженіе при Куршане, дѣлающее сполько чести побѣжденнымъ, какъ и побѣдителямъ, доспопамятно въ Военной Исторіи Швеціи.

Поперя съ обѣихъ сторонъ быма зна-

чисельная, судя по малочисленности войскъ. Съ нашей стороны убитъ одинъ Шпабъ-офицеръ, ранено 15 Оберъ-офицеровъ (*), нижнихъ чиновъ убито 128, ранено 648, безъ вѣсти пропало 51 человекъ. Непрiятель потерялъ убитыми 1500 человекъ, въ плѣнъ взято до полусотни рядовыхъ и нѣсколь-ко офицеровъ.

Разбитый непрiятель бросился къ морскому берегу, для соединенiя съ находившимся въ разныхъ мѣстахъ отрядами и для спасенiя своихъ запасныхъ магазиновъ. Фельдмаршалъ Графъ Клингспоръ пошелъ на Лилквю къ Вазѣ, а часть его корпуса, подъ начальствомъ Генерала Грипенберга, взяла направленiе чрезъ Нидергерми къ Никарлеби. Генералъ Графъ Каменскiй пошелъ самъ въ слѣдъ за корпусомъ Графа Клингспора, а Генерала Козачковскаго, съ Калужскимъ мушкет., 26 Егерскимъ полками, ба-

(*) Въ томъ числѣ нынѣшнiй Генералъ-Лейпенацъ И. Н. Скобелевъ, бывшiй въ то время Поручикомъ и бригаднымъ Адъютантомъ при храбромъ Генералѣ Эриксопъ.

паліономъ Азовскаго и Командирскимъ эскадрономъ Уланскаго Его Высочества полка, и нѣсколькими орудіями послалъ на Нидергерми, приказавъ ему занявъ въ семь мѣснѣхъ переправу чрезъ рѣку. Полковнику Власову велѣлъ слѣдовать опѣ Линдулакса къ Гамлекарлеби, и спарашься бышь въ сообщеніи съ Генераломъ Козачковскимъ. Графъ Каменскій надѣялся, что дѣйствуя въ шымѣ непріятеля обходными отрядами Козачковскаго и Власова, принудитъ его къ опспуленію безъ боя опѣ Никарлеби.

Преслѣдуя непріятеля, Графъ Каменскій имѣлъ жаркое авангардное дѣло при Илсшаро, 29 Августа. На другой день присоединился къ Графу Каменскому отрядъ Генерала Ушакова, бывшій въ Кухаіюкахъ. Непріятель не опспанавливался, въ укрѣпленной, заранѣе, позиціи при Лилквро, гдѣ соединились съ нимъ разные разстѣянные отряды. Башарей и шанцы были брошены, безъ боя. Здѣсь, Графъ Каменскій узналъ, что часть непріятеля пошла къ Вазѣ, для спасенія своихъ госпиталей и магазиновъ;

а главный корпусъ взявъ направленіе къ северу, вдоль морскаго берега, по дорогѣ къ Никарлеби. Графъ Каменскій послалъ немедленно Генераловъ Раевского и Янковича къ Вазѣ, для завладѣнія симъ городомъ, а самъ успремился за непріятелемъ, и 1 Сентября расположился въ виду его позиціи, при Оровайсь. — Между тѣмъ, Генераль Козачковскій, достигнувъ 29 Августа къ Нидергерми, встрѣшилъ сильное сопротивленіе со стороны непріятеля, превышающаго его числомъ. Нѣсколько дней сряду возобновлялось сраженіе. Наши доходили два раза до Никарлеби, и принуждены были отступать къ Нидергерми. Шведы, пользуясь выгоднымъ мѣстоположеніемъ и превосходствомъ въ силахъ, упорно защищали переправу при Никарлеби, ибо если бъ Генераль Козачковскій успѣлъ овладѣть симъ городомъ, прежде прибытія въ оный Фельдмаршала Клигспора, то отрѣзалъ бы решимую цѣлой Шведской арміи. Генераль Козачковскій не могъ исполнить этого порученія. Но и самая диверсія съ нашей сто-

роны, занимая Генерала Грипенберга, была полезна въ общемъ дѣлѣ, ибо лишала Клингспора значительной помощи, и заставляла его опасаться на счесть сообщеній въ штылу его корпуса.

Предположенія Графа Каменскаго не сбылись. Однако жъ онъ не хопѣлъ предпринять обратнаго похода на Каугава, чшобъ опшуда успремиться къ Никарлеби, и пошому рѣшился напасть немедленно на непріятеля, и опкрытымъ боемъ заставишь его очистишь приморскія провинціи. Крайность заставляла Шведовъ держаться при Оровайсѣ до послѣдней капли крови, ибо Полковникъ Філиппъ, уходя нередъ опрядомъ Власпова, сжегъ мостъ при Химанго, и шѣмъ лишилъ Фельдмаршала Клингспора средствъ къ безопасному опспуленію на Гамлекарлеби.

1 Сентября, авангардъ (*) нашъ, подъ начальствомъ Полковника Кульнева, ноче-

(*) Въ авангардѣ были: Сѣвскій мушкетер. и 3 Егерскій полки, два эскадрона Гроднен. гусаръ и казаки.

валъ въ виду непріятельскихъ посповъ, въ 5 версахъ опъ Оровайса. Подкрѣпле-
ніе (*), подъ начальствомъ Генерала Деми-
дова, находилось въ чешырехъ версахъ опъ
авангарда, а Графъ Каменскій съ опря-
домъ (**) Генерала Ушакова оспановился въ
Веро. Въ цѣломъ корпусъ Графа Каменска-
го не было 5000 человекъ подъ ружьемъ.
Шведскій Фельдмаршалъ Клингспоръ имѣлъ
болѣе 7000 опборныхъ воиновъ. Шведскими
полками командовалъ Генераль Фегезакъ, а
Финскими Адлеркрейцъ (***).

Я уже сказалъ выше, что не числомъ

(*) Пермскій и Петровскій мушкетерскіе полки.

(**) Полки Липовскій и Могилевскій, баталіонъ
25 Егерскаго, полуэскадронъ Гродненскихъ гусаръ
и казаки.

(***) Шведскіе полки: Упландскій, Гельзингскій,
Вестманландскій и Веспербошенскій; Финскіе:
Оспробошенскій, Саволакскій, Біорнаборгекій и
частъ Карельскихъ егерей. Два эскадрона конной
гвардіи и частъ Упландскихъ драгунъ. Кромъ пля-
жельныхъ батареинныхъ орудій и бывшихъ на флоти-
ли, Шведы имѣли 21 пушку въ дѣль.

войскъ должно опредѣлять важность сраженій, но мужествомъ и слѣдствіемъ побѣдъ. Въ такомъ отношеніи, сраженіе при Оровайсѣ должно быть причтено къ значимѣйшимъ подвигамъ Рускаго оружія въ XIX столѣтіи. Чипапелъ увидишь опчальную храбрость обѣихъ сторонъ и послѣдствія сего кровопролитнаго сраженія.

Между селеніемъ Оровайсомъ и Карвапъ, Бошническій заливъ образуешь небольшую губу, довольно протяженную внутрь земли оспрымъ своимъ концемъ. Вдоль морскаго берега пролегаешь большая дорога изъ Вазы въ Никарлеби, и поворачиваешь въ лѣво, въ концѣ губы. На семь-сто поворотъ была укрѣпленная Шведская позиція. Въ море впадаетъ, въ эпомъ мѣсцѣ, небольшая рѣчка, протекающая чрезъ болоша. Вдоль болошь ошь моря, далѣе внутрь земли, по лѣсамъ тянулся возвышенія и каменные ушесы, передъ которыми расшесть на болошахъ мелкій кустарникъ. Кирка Оровайси лежишь за позиціею, шакже на возвышеніи. Шведы примыкали своимъ пра-

вымъ крыломъ къ ушесисскому берегу моря, гдѣ имѣли нѣсколько канонерскихъ лодокъ. На горѣ, въ центрѣ позиціи, на самой большой дорогѣ, устроены были ихъ бапарен. Отсюда шланулись шанцы по полямъ и лугамъ до возвышеній и ушесовъ, прикрывающихъ лѣвый флангъ, оканчивающійся въ непроходимомъ лѣсу, заваленномъ засѣками. Первая черпа позиціи была вышеупомянутая рѣчка и болото; а кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ были засѣки, оберегаемыя снрѣлками. Нельзя было приближаться къ позиціи иначе, какъ подъ карпечными выспрѣлами, въ разныхъ направленіяхъ очищавшими ровное и незакрытое мѣсто, чрезъ кошорое надлежало проходитьъ. Передъ сею главною позиціею была другая, также укрѣпленная, возлѣ небольшого озера, изъ кошораго протекаетъ другая рѣчка, и также впадаетъ въ море. За мостомъ находилась мельница, за кошорою устроена была бапареня, а вдоль рѣки подѣланы засѣки. Въ этомъ мѣстѣ завязалось сраженіе, въ двухъ версхахъ отъ кирки Оровайси.

Шведскіе поспы были сначала сбиты, и опсупили къ мосшу. Спрѣлки наши распяулись правымъ флангомъ за озеро; а лѣвымъ примкнули къ морю, и намѣревались обойти озеро. Но въ самое это время, бапаліонъ 3-Егерскаго полка, бывшій на лѣвомъ флангѣ (къ морю), былъ атакованъ превосходнымъ числомъ непріятели и принужденъ податься назадъ. Кульневъ подкрѣпилъ его бапаліономъ Сѣвскаго полка, подъ начальствомъ храбраго Маіора Римана, копорый, послѣ жестокаго боя, едва успѣлъ оспановишь сильный напискъ непріятели. Подполковникъ Луковъ подоспѣлъ на помощь съ оспальнымъ бапаліономъ Сѣвскаго полка, и въ то же время Кульневъ выдвинулъ на дорогу 12-фуншное орудіе, при Поручикѣ Бендерскомъ. Нѣсколько часовъ сряду храбрый Поручикъ Бендерскій (*) дѣйствоваль изъ своего орудія съ величайшимъ успѣхомъ, подъ ружейными непріятельскими

(*) О семъ храбромъ офицерѣ упоминается здѣсь часпо. Онъ поперялъ ногу въ опечесшвенную войну и былъ послѣ того Коменданшомъ въ Вильиѣ.

выспрѣлами, и шѣмъ удерживалъ нашскъ Шведовъ. Наконецъ, почти всѣ его артиллерійскыя были перебиты, и не осталось ни одной лошади. Онъ былъ смѣненъ другимъ офицеромъ, и орудіемъ того же калибра. Шведовъ пошѣснили за мостъ. Но въ это время на нашемъ лѣвомъ флангѣ сдѣлана высадка изъ канонерскихъ лодокъ; помощь, пришедшая изъ главной Шведской позиціи, дала перевѣсъ непріятелямъ на цѣлой боевой линіи, и они съ ужаснымъ крикомъ бросились въ штыки и спали обходяще нашъ правый флангъ. Авангардъ нашъ принужденъ былъ къ отступленію, но прибытіе отряда Генерала Демидова снова удержало его, а Пешровскій и Пермскій полки подкрѣпили наши фланги. Непріятель остановился и спалъ отступая. Тогда Артиллерія Штабсъ-Капитанъ Башмаковъ, выдвинувъ 4 орудія на дорогу, производилъ убійственный огонь, заставившій непріятеля отступить на нашемъ центрѣ. Но въ то же время Шведы, оставя лучшія войска для наблюденія въ центрѣ, успремались съ новыми силами на

наши флаги, и когда они подались, ударили въ шпыки на ослабѣвшій нашъ центръ, и принудили къ опешупленію. Графъ Каменскій долженъ былъ ввести всѣ войска свои въ дѣло. Сраженіе на цѣлой линіи продолжалось непрерывно съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ споронъ, которыя по опешупали, по подавались впередъ, по переспрѣливаясь, по дѣйствуя шпыками. Артиллерія не умолкала, и кровопролитіе было ужасное. Къ вечеру наши войска, будучи принуждены, сообразно мѣстоположенію, сражались въ разсыпную, успали до невѣроятности, не спало даже папроновъ, переспрѣлка съ нашей спороны сдѣлалась слабѣе, и мы съ трудомъ удерживали нападенія непріятеля. Тогда Шведскіе Генералы: Адлеркрейцъ и Фегезакъ, наблюдавшіе центръ съ опборными и свѣжими войсками, спремисельно сошли съ возвышеній на большую дорогу, и спройными колоннами бросились въ шпыки на Рускихъ. Наши флаги, разсѣянные въ спрѣлкахъ, на обширномъ распояннѣ, должны были поспѣшно опешуп-

пашь, чшобъ не бышь опсрѣзанными опъ ценшра, подавшася назадъ. Вся наша боевая линія обрашлася въ пылъ, и Шведы съ радосшными восклицаніями шли впередъ, провозглашая побѣду, кошорая казалась несомнѣнною. Геній Графа Каменскаго и личное его мужество спасли честь Рускаго оружія, и испоргнули побѣду изъ рукъ непріателя!

Въ началъ сраженія Графъ Каменскій послалъ приказаніе чешыремъ башаліонамъ Могилевскаго и Лишовскаго полковъ (всего около 1500 человекъ) послѣвшихъ изъ Вазы къ Оровайси. Подкрѣпленіе сіе прибыло въ шу самую минушу, когда Шведы шли съ крикомъ впередъ, а наши опспупали, слабо опспрѣливаясь и едва успѣвая собирашся въ колонны. Ужасная каршина! Уже спановилось шемно; шуманъ ложился на землю; мелькающій блескъ опъ выспрѣловъ показывалъ направленіе опспупающихъ и нападающихъ. Вопли вшорили выспрѣламъ. Шведы кричали *ура!* а наши скликались по полкамъ и башаліонамъ. Графъ Каменскій находился въ это время на большой дорогѣ, подъ вы-

спрѣлами. Онъ былъ, по обыкновенію, въ сершукѣ Архангелогородскаго полка, въ фуражкѣ, съ нагайкою въ рукахъ. На лицѣ его видны было гнѣвъ, негодованіе. Почти всѣ Адьюпаншы и офицеры, бывшіе при немъ на ординарцахъ, были разосланы. Адьюпаншъ его, Штабсъ-Капитанъ Закревскій (*), пролетѣвъ сквозь градъ пуль, возвратился къ нему съ праваго фланга, съ печальнымъ извѣстіемъ о повсемѣсномъ опешупленіи. Только баталіонъ 25 Егерскаго полка и двѣ роты Липовскаго спояли пвердою спѣною у моспа, и удерживали сильный напикъ непріятеля на цешпръ, кошорый онъ хотѣлъ прорвать и воспрепятствовать соединенію спрѣлковъ. За симъ баталіономъ собрались Сѣвскій и Пешровскій полки.

Никто не догадывался о намѣреніи Графа Каменскаго, и всѣ предполагали, что уже бой конченъ. Въ сіе время появляющіяся на дорогѣ чешыре резервные баталіона Липовскаго и Могилевскаго полковъ. Не-

(*) Нынѣ Генералъ опѣ Инфантеріи, Генералъ-Адьюпаншъ и Графъ Великаго Княжества Финляндскаго.

перпѣливо ожидалъ Графъ Каменскій ихъ прибытія, и лишь завидѣлъ, поспѣшнѣе поспѣшилъ къ нимъ, остановилъ, сошелъ съ лошади, и обратясь къ солдатамъ, сказалъ: „Ребята, за мной! Наши товарищи устали, пойдемъ, выручимъ ихъ, и покажемъ Шведамъ, каковы Рускіе! Вы знаете меня! Я не выйду отсюда живъ, если мы не разобьемъ Шведовъ въ пухъ. Не выдайте, ребята!“— „Ради спарашься, Ваше Сіятельство! Ради умереть!“— „Ружья на перевѣсть!“— скомандовалъ Графъ. „За мной! съ нами Богъ! Впередъ, ура!“— „Ура!“— раздалось въ рядахъ: ударили въ барабаны, и чепыре башматона бросились бѣгомъ на непріятеля.

Ничто не можетъ сравниться съ удивленіемъ Шведовъ при семъ неожиданномъ нападеніи; они воображали, что дѣло уже кончено и побѣда одержана. Графъ Каменскій самъ велъ колонну въ атаку, и наши солдаты, какъ опьяненные, бросились, съ примкнувшими штыками, на опряды Адлеркрейца и Фегезака, уже овладѣвшіе полемъ сраженія. Настала рѣзня, а не битва!

Дрались въ рукопашную, на шпыкахъ. Голосъ Графа Каменскаго возбуждалъ въ нашихъ новый жаръ къ битвѣ. „Ребята, не выдайте! впередъ, коли!“ кричалъ Графъ Каменскій — и наши солдаты бросались въ ряды и вырывали ружья у Шведовъ. Между шѣмъ на всей линіи нашей ударили въ барабаны походъ: раздалось *ура! впередъ!* и всѣ полки снова обратились на непріятеля. Въ пылу сраженія Графъ Каменскій сдѣлалъ диспозицію: онъ перемѣнилъ всѣхъ начальниковъ. Правый флангъ поручилъ Полковнику Князю Сибирскому, лѣвый Полковнику Биспрому, центръ Кульневу. На бѣгу успѣли раздашь солдатамъ папироны, въ копорыхъ былъ совершенный недоспапокъ. Снова завязалась сильная переспрѣлка, и въ то же время Графъ Каменскій съ своими чешырьмя баталіонами успѣлъ сломить Шведовъ, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Фланги непріятельскіе также обратились вспяшь. Шведы поспѣшили къ главной своей позиціи, и наши преслѣдовали ихъ въ свою очередь съ воплями, выспрѣлами и барабанами.

нымъ боемъ, часто успремляясь бѣгомъ, въ шпыки. Снова всѣ наши полки вошли въ дѣло, и правый флангъ поступилъ подъ начальство Генерала Демидова, лѣвый подъ начальство Генерала Ушакова, въ центрѣ былъ самъ Графъ Каменскій. Лишь только Шведы вошли въ свою позицію, пошчасъ загремѣли всѣ ихъ башарей, а изъ шанцевъ началась жестокая ружейная стрѣльба. Карпечи, ядра, пули сыпались градомъ: кровопролитіе возобновилось съ новою силой. Графъ Каменскій не хотѣлъ довольствоваться нерѣшеною побѣдою. Онъ послалъ немедленно нашъ правый флангъ въ обходъ лѣваго непріятельскаго. Чрезъ засѣки, камни и непроходимый лѣсъ, наши добрались до мѣста назначенія, въ 10 часовъ вечера, а между тѣмъ на всей линіи дрались непрерывно во мракъ, ибо ошъ гущаго шумана только по выстрѣламъ знали, гдѣ непріятель. Лишь только Графъ Каменскій получилъ извѣстіе, что нашъ обходъ уже на мѣстѣ, пошчасъ далъ сигналъ къ повсемѣстной атакѣ, и наши съ крикомъ ура!

бросились въ шпыки на непріятельскіе шанцы и бапарен—и пошчасъ овладѣли ими. Храбрые, но изумленные симъ неожиданнымъ и опчаяннымъ нападеніемъ Рускихъ, Шведы обрапились въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали шпыками двѣ вершы, за кирку Оровайси, гдѣ Графъ Каменскій долженъ былъ оспановишься, ибо опъ успалоспи солдашы наши едва двигалась. Не взирая на сіе, Кульневъ съ авангардомъ пошелъ въ слѣдъ за непріятелемъ, кошорый оспановился за сожженнымъ мостомъ, въ пяши верспахъ опъ Оровайси.

Сіе сраженіе было самое кровопролитное въ продолженіе всей Шведекой войны, или лучше сказашь, эшо была рѣзня, а не сраженіе. Шведы потеряли всѣхъ лучшихъ своихъ офицеровъ въ сей битвѣ и болѣе 2000 человекъ на мѣспѣ. По сознаію всѣхъ безприсраспныхъ военныхъ Писапелей, сраженіе при Оровайси былъ послѣдній ударъ Шведской арміи (*coup de grace.*) Но Шведы дрались съ величайшимъ мужесшвомъ и

едва одно сраженіе въ Европѣ, въ теченіе нынѣшняго вѣка, Бородинское, можетъ предсавить примѣръ такого ожесточенія и посшоянства въ оспариванія побѣды, какъ сраженіе при Оровайси. Дрались непрерывно съ 7 часовъ утра, до 12 вечера, въ штыкахъ, колоннами, въ шанцахъ, на штыкахъ и въ ручную схватку. Съ обѣихъ споронъ всѣ были въ дѣлѣ, отъ Генерала до солдата. Съ нашей спороны убитъ одинъ офицеръ, ранено 25, безъ вѣсти пропалъ одинъ. Нижнихъ чиновъ убито 120, ранено 640, безъ вѣсти пропало 108 человекъ.

Въ присущствіи одного Шведскаго Генерала, сравнивали сраженіе при Оровайси съ сраженіемъ при Маренго, въ которомъ Наполеонъ точно такъ же, какъ Графъ Каменскій, личнымъ мужествомъ возстановилъ сраженіе съ баталіономъ Копсульской гвардіи, и испоргнулъ побѣду у Австрійцевъ. Храбрый Шведскій Генералъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Уважаю Наполеона, и сраженіе при Маренго считаю великимъ подвигомъ; но.... прошивъ него были не Шведы!“

Наши войска провели ночь возлѣ кирки Оровайси. Солдашы такъ были измучены, что не хопѣли даже варить пици. Графъ Каменскій обошелъ кругомъ биваки, благодарилъ офицеровъ и солдашь, и посѣялъ въ нихъ новый жаръ къ биввамъ. Съ солнечнымъ восходомъ войска уже были готовы къ походу. Съ радостью смотрѣли наши на Шведскія бапарен, шанцы и засыки, оставшіеся въ пылу, и вспоминали о преодолѣнныхъ трудностяхъ, какъ о веселой пирушкѣ. Всѣ благодарили Графа Каменскаго за побѣду, и радостныя восклицанія раздавались при его появленіи. Таковъ Рускій солдашь! Онъ любитъ, какъ отца, начальника, который ведетъ его въ опасности, если видишь, что начальникъ раздѣляетъ съ нимъ всѣ трудности и стоитъ крѣпко за честь Россіи. Графъ Каменскій зналъ духъ Рускаго солдата: любилъ его, и заставлялъ переносить то, что другіе почитали невозможнымъ, а это-то именно и нравилось солдатамъ и офицерамъ. „Господа и вы, ребята, я на васъ надѣюсь!“ гово-

риль Графъ Каменскій предъ труднымъ дѣломъ.— „Не ошиблись, Ваше Сіяшество!“ — отвѣчали офицеры. „Ради спарашься!“ повпоряли солдаты — и трудности исчезали: побѣда была постоянною спутницей корпуса Графа Каменскаго!

Въ то время, какъ происходило кровопролитное сраженіе при Оровайси, и когда Генераль Козачковскій сражался при Нидергерми, желая завладѣть переправою при Никарлеби, Полковникъ Власовъ преслѣдовалъ опъ Индесальми Шведскій опрядъ Полковника Фіанша, по дорогъ къ Гамлекарлеби, далѣе къ сѣверу за Никарлеби. Фіаншъ, не зная положенія дѣлъ главнаго корпуса, опасался бытъ опрѣзаннымъ, если замедлишь въ маневрированіи, а между тѣмъ сильный напискъ Власова и нѣскольکو удачныхъ спычекъ заставили его опешупашь. Такимъ образомъ Власовъ занялъ безъ бою Гамлекарлеби, и оспановился въ пылу непріятельской арміи, на большой дорогъ. Но когда корпусъ Фельдмаршала Клигспора и опрядъ Генерала Гринпенбер-

га приблизились къ Гамлекарлеби, Власповъ опшсунилъ къ Кроноби, ш. е. въ спорону, и далъ Шведамъ пройши, ибо съ опрядомъ въ тысячу человекъ Власповъ не могъ опрѣзать репирады въ шестеро спльнѣйшему непріятелю, и только напрасно пожертвовалъ бы людьми. Но движеніе Власпова на Гамлекарлеби шакъ же, какъ и подшупленіе Генерала Козачковскаго къ Никарлеби, ш. е. въ тыль Шведской арміи, много принесло пользы шѣмъ, что заспавило Шведскіе опряды сосредоточилъсь по одному направленію, и угрожало пресѣченіемъ репирады Фельдмаршалу Клингспору, въ случаѣ совершеннаго разбишія опдѣленныхъ опъ него опрядовъ. Послѣ сраженія при Оровайси Фельдмаршалъ Клингспоръ поснѣшно репировался за Никарлеби, сжегъ моспъ (3 Сентября) и оспановился на позиціи при Сундби, чтобъ успѣшь вывеспи изъ Якобштана свои запасы и госпишали. Кульневъ перешелъ въ бродъ рѣку Карлеби - Эльфъ, овладѣлъ Никарлеби, гдѣ найдены огромные военные запасы, и принудилъ

Клингспора поспѣшно опешупишь къ Гамлекарлеби. 7 Сеншября заняшь Рускими Якобшпашъ.

Графъ Каменскій, между пѣмъ, поспѣшно переправлялъ свой корпусъ чрезъ множесво рѣкъ и прошоковъ, перерѣзывающихъ просшранство, чрезъ которое надлежало проходить, преслѣдуя непріятеля. Въ Пурмо успроенъ былъ наскоро мостъ; рѣку Эссеро перешли въ бродъ, гдѣ Шведы имѣли дѣло съ нашимъ авангардомъ. Переправясь чрезъ семь рѣкъ и ежедневно сражаясь съ непріятелемъ, Графъ Каменскій достигнулъ до Гамлекарлеби, 10 Сеншября; и въ тошъ же день нашъ авангардъ, въ 6 часовъ вечера, перешелъ чрезъ сей городъ и ошановилея въ пяши версшахъ за онымъ, у сожженнаго моста. — На другой день, авангардъ нашъ исправилъ сей мостъ, и пошелъ на непріятеля; но пройдя при версшы, снова долженъ былъ ошановишься, у другаго сожженнаго большаго моста, за которымъ находилея непріятельскія башарей. 12 Сеншября, прибылъ къ корпусу Графа

Каменскаго Главнокомандующій Финляндскою арміею Графъ Буксгевденъ, и главная квартира перенесена изъ Або въ Гамлекарлеби.

Графъ Каменскій приказалъ спрощь поншоны, для переправы своего корпуса, подъ сильнымъ башарейнымъ непріятельскимъ огнемъ, а между тѣмъ Генералъ Козачковскій, Ушаковъ и Власовъ должны были дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ непріятельскомъ. При семъ положеніи дѣль начались переговоры сперва о размѣнѣ пленныхъ, и въ слѣдъ за симъ о перемиріи. Малочисленность опрѣда Генерала Тучкова въ окрестностяхъ Куопіо, и опрѣда Генерала Князя Долгорукова въ Карелин; успѣхи, одержанные въ восточной Финляндіи надъ сими опрѣдами Шведскимъ Генераломъ Сандельсомъ; недостатокъ продовольствія и позднее время года,—заставили Графа Буксгевдена склониться на перемиріе, которое и заключено 17 Сентября. Корпусу Графа Каменскаго обезпеченъ переходъ чрезъ широкую рѣку Гамлекарлеби, и демаркаціон-

ная линія назначена въ нѣсколькихъ миляхъ за оною. Шведы должны были оспаиваться въ своей укрѣпленной позиціи, при Химанго. Въ восточной Финляндіи, Генераль Сапельсъ долженъ былъ опсунуть опъ неприступныхъ дефилей Палонсъ, и сосредоточиться въ Индесальми. Перемиріе послано на утвержденіе въ Пешербургъ. Императоръ Александръ былъ тогда въ Германіи, и Комисіонъ составленный изъ Гг. Миниспровъ, управлявшій дѣлами Государства въ Его опсущствіе, не утвердилъ перемирія, а посему снова начались военныя дѣйствія, въ первой половинѣ Октябрия. Корпусъ Графа Каменскаго, усиленный резервами, состоялъ тогда изъ 9362 человекъ пѣхоты и конницы, съ 21 орудіемъ.

Позиція при Химанго, между озеромъ и моремъ, за рѣкою и болотами, считалась неприступною. Здѣсь устроены были не бапарен, но сооружена настоящая крѣпость, защищавшая приступъ къ позиціи. Кроме того, непріятель имѣлъ здѣсь канонирскія лодки, кошорыми могъ бы дѣлать диверсію

и безпоконшь нашъ лѣвый флангъ. Уже другой Генералъ прошивупоспавленъ былъ Графу Каменскому. Фельдмаршалъ Клингспоръ оставилъ армию во время перемирія, и уѣхавъ въ Спокгольмъ, поручилъ начальство Генералу Клеркеру, челоѣку храброму, искусному, но уже обремененному лѣшами. Графъ Каменскій, не зная намѣреній непріятеля, пригосовилъ къ новому сраженію, подобному Курпанскому и Оровайскому, или лучше сказашь, къ шпурму позиціи. 21 Октябрю посланы были опъ авангарда нашего разѣзды для опкрышія непріятеля. Къ удивленію всѣхъ, разѣзды сообщили извѣстіе, что Шведы оставили свою укрѣпленную позицію при Химанго, и сжегши пять мостовъ, остановились за рѣкою Калаіоки. Корпусъ Графа Каменскаго двинулся впередъ.

Оспавивъ главныя силы свои передъ непріятелемъ, Графъ Каменскій съ опрядами Генераловъ: Козачковскаго, Тучкова и Ушакова, пошелъ вправо, въ обходъ непріятельской позиціи, пробираясь непрохо-

димыми болошами, лѣсами и ушесами. Продолжая упомянутый походъ полшоры суши, Графъ Каменскій, 27 числа къ полудню, прибылъ на предположенное мѣсто, преодолевъ величайшія трудности. Тогда успроилъ двѣ переправы чрезъ рѣку, при Пипкайсѣ и Рако, а между тѣмъ Кульневъ приготавливалъ матеріалы для моста на большой дорогѣ. Сіе смѣлое движеніе принудило непріятеля къ опустуленію, и 28 числа, въ 5 часовъ вечера, уже наши были въ Калаіюкахъ, позиціи, неуступающей Химангской.

Непріятель опустушалъ, сожигая мосты, дѣлая засѣки и сражаясь на каждомъ переходѣ. Наши слѣдовали за нимъ по пятамъ, вытѣсняя изъ позицій обходами и быстрымъ напикомъ. Позднее время года, непроходимыя дороги, недоспапокъ въ продовольствіи — изнуряли войско, которое однако жъ весело переносило трудности и недоспапокъ. Графъ Каменскій успѣлъ въ каждомъ перелипѣ свой пламень и свою неутомимость.

Быспрая рѣка Пигаіюки, одна изъ значительнѣйшихъ въ сѣверной Финляндіи, представляла Шведамъ защиту отъ стремительнаго написка Графа Каменскаго. Но и здѣсь они ошиблись въ расчетѣ. 2 Ноября рѣка покрылась легкою ледяною корою, и Графъ Каменскій велѣлъ насплать соломы по льду, положишь доски и поливать водою. Наши солдаты бросились бѣгомъ по одиначкѣ по сему живому мосту: ледъ хрустѣлъ и попрыскался подъ ногами, но солдаты шли смѣло и весело. Кавалерія прорубила ледъ и перегнала вплавь лошадей, перевезя сѣдла на нѣсколькихъ лодкахъ. Вскорѣ отряды Козачковскаго и Ушакова появились въ тылу непріятельскаго фланга, и начали перестрѣлку. Шведы, удивленные смѣломъ неожиданнымъ появленіемъ Русскихъ, принуждены были отступивъ отъ сей критической позиціи. Быспроша движеній, неутомимостью въ преслѣдованіи и настоятельностью Графа Каменскаго, изнуривъ Шведовъ, привели ихъ въ уныніе. Насупили морозы. Шведы не могли получатьъ запасовъ моремъ,

а во нпупренности земли, испощенной войною, и при быспромъ опспупленіи не возможно было собрать достаточное количество продовольствія. Замерзаніе рѣкъ, озеръ и болотъ облегчило движеніе Рускихъ, и Шведскія укрѣпленныя позиціи поперяли свою силу. Къ довершенію несчастій, болѣзни опскрылись въ Шведской арміи, непривыкшей къ военнымъ шрудамъ и къ такимъ быспрымъ движеніямъ. Въ семъ опчаянномъ положеніи Шведскій Генераль Клеркеръ, оставивъ городъ Брагешпанъ во власъ Рускимъ, опспунилъ опъ Пигаіоки къ Сигаіокамъ, и послалъ повелѣніе къ Генералу Сандельсу соединиться съ нимъ при Улеборгъ. Такимъ образомъ побѣды Графа Каменскаго, искусныя движенія и быспрый напискъ въ береговой часпи Финляндіи были причиною очищенія и поій спраны, гдѣ Шведы имѣли преимущесство надъ нашими войсками. 4 Ноября, Генераль Клеркеръ заключилъ перемиріе на два дни, для размѣна плѣнныхъ и для опдохновенія войскъ, въ чемъ нуждались и Рускіе. Шведскій аван-

гардъ опшступилъ въ Олькіюки.

Въ это время вдругъ сдѣлалась опшпель, ввергшая Шведовъ въ бѣольшую еще опасность, нежели морозы. Все, казалось, клонилось къ ихъ бѣдствію! Внезапно ледъ попрескался на быспрой рѣкѣ Сигаіюки, и снесъ мостъ, по которому Шведамъ надлежало опшступать. Если бы Графъ Каменскій напалъ въ это время на Шведовъ, то вея ихъ армія или была бы испреблена, или принуждена сдатьсья. Но вѣрный чести и данному слову, Графъ Каменскій не нарушилъ перемирія, и позволилъ Шведамъ исправить мостъ. Наконецъ Генераль Клеркеръ, видя, что войско его, упомянутое быспрымъ преслѣдованіемъ Графа Каменскаго, не въ состояніи болѣе пропшвиться пылкой храбрости Рускихъ, собралъ военный Совѣщъ, на которомъ положено было войши въ переговоры съ Графомъ Каменскимъ. 23 Ноября заключено условіе въ Олькіюкахъ, по которому Шведы обязались очшспить всю Финляндію, и заняшь зимшія кварширы по берегамъ рѣки Торисо. Швед-

ская главная квартира учреждена въ городъ сего имени, а Руская въ Улеборгъ. Можно смѣло сказать, что побѣды Каменскаго довели Рускихъ до предѣловъ обитаемаго міра, ибо за Торнео простирается дикая Лапландія, примыкающая къ Сѣверному Океану.

Такимъ образомъ кончилась кампанія 1808 года, кою всѣ слава и всѣ успѣхи принадлежатъ, безспорно, Графу Каменскому. До принятія имъ подѣ начальство двѣнадцати корпуса, дѣла наши, какъ было изложено въ началѣ сего обзрѣнія, находились въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Съ равными, а часто съ меньшими силами, безъ всякаго вспоможенія въ продолженіи, Графъ Каменскій одержалъ, подѣ личнымъ своимъ предводительствомъ, двѣ знаменитыя побѣды, взявъ штурмомъ укрѣпленныя непріятельскія позиціи, и сражаясь почти ежедневно, преслѣдовалъ Шведовъ, съ неимоверною быстротою, по мѣстамъ непроходимымъ, чрезъ рѣки, болота, утесы, лѣса, часто оспаривая каждый шагъ

шпыками. Всѣ распоряженія принадлежали Графу Каменскому, который составлялъ свои планы почти всегда на мѣспѣ биввы, соображался съ положеніемъ непріятеля. Въ сраженіяхъ Графъ Каменскій всегда успрямлялся въ опасѣйшія мѣста, ибо появленіе его одушевляло солдатъ и офицеровъ; въ шрудныхъ переходахъ онъ былъ предъ колонною, и подавалъ собою примѣръ. Онъ шерпѣлъ нужду наравнѣ съ солдатами, и тогда шолько былъ доволенъ, когда могъ доставить войску какія шибудь жизненные удобства. Онъ былъ строгъ въ соблюденіи военной дисциплины, но во всякое время ласковъ и привѣпливъ со всѣми. Солдаты и офицеры обожали его, и полагали такую надежду на его военные дарованія, что съ нимъ все казалось имъ возможнымъ! Исключая малаго времени, во время перваго перемирія, корпусъ Графа Каменскаго провелъ все время на бивакахъ, въ палящій зной лѣта, въ несчастную осень и въ жестокую зиму, и не взирая на недостатокъ въ продовольствіи, солдаты были

бодры и здоровы. Какой-то веселый духъ, молодечество, поддерживали войско и заспавляли его все переносить охотно съ добрымъ начальникомъ. Всѣ плакали, когда Графъ Каменскій, по разспроенному здоровью, отказался отъ начальства, и отправился въ Пешербургъ изъ Улеборга. Казалось, что, разспаваясь съ нимъ, подчиненные его осиротѣли. Офицеръ и солдатъ, принадлежащій къ корпусу Графа Каменскаго, гордился этимъ, ибо вся армія съ удивленіемъ внимала извѣстіямъ о подвигахъ чудесной храбрости, опасностяхъ и трудахъ прославившихъ сей корпусъ. „Господа!“ сказалъ Графъ Каменскій офицерамъ, прощавшимся съ нимъ: „мы завоевали Финляндію; сохраните ее. Сожалю, что не могу съ вами оспаваться“ Слезы навернулись на глазахъ героя при сихъ словахъ. Суровые воины плакали какъ дѣти!

Главнокомандующій Финляндскою арміею, Графъ Буксгевденъ, исполненный уваженія къ Графу Каменскому и чувствую всю важность его заслугъ, написалъ къ не-

му, при его отъездѣ, слѣдующее письмо:
„Поспавляю себѣ обязанностію засвидѣтельствовать Вашему Сіятельству усерднѣйшую мою благодарность за всѣ труды, мужество и благоразумныя распоряженія по части вамъ ввѣренной, съ коими вы для пользы опечесыва и къ славѣ оружія Его Императорскаго Величества содѣйствовали мнѣ, при завоеваніи Великаго Герцогства Финляндскаго, до послѣднихъ рубежей онаго. Вмѣняя себѣ въ пріятнѣйшій долгъ цѣнить заслуги, я не упустилъ, и нынѣ не упущу случая свидѣтельствовать объ нихъ Государю Императору, дабы шѣмъ доказать вамъ мою признательность и уваженіе, съ коими я всегда пребуду. При семъ препровождаю также Вашему Сіятельству вѣдомость, изъясняющую 10-ти мѣсячныя наши потери и пріобрѣшенія, въ шой надеждѣ, что выгоды, полученныя нами въ сію войну, останутся всегдашнимъ памяшникомъ для шѣхъ вонновъ, кои въ оной участвовали.“

Такъ говорилъ Главнокомандующій, а

что чувствовали, что говорили его подчиненные, того нельзя передать словами. Уже героя ищутъ въ живыхъ: лесъ не нужна!

Бывъ участникомъ подвиговъ корпуса Графа Каменскаго и свидѣтелемъ славы сего полководца, я старался сохранять въ семь крашкомъ повѣствованіи память о дѣлахъ, приносящихъ честь Рускому воинству. После того я былъ въ кампаніяхъ болѣе извѣстныхъ Свѣшу, нежели война въ Финляндіи, былъ въ сраженіяхъ, гдѣ гибли десятки тысячъ воиновъ, испыталъ зной и холодъ, голодъ и жажду, былъ свидѣтелемъ блистательныхъ дѣлъ,—но подвиги корпуса Графа Каменскаго въ суровой, каменистой Финляндіи, защищаемой храбрыми Шведами, всегда буду почитать однимъ изъ знаменитѣйшихъ событій въ Военной Исторіи Европейскихъ народовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПЕЗАВВЕННОМЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГЪЕВИЧЪ ГРИБОЋДОВЪ.

Послѣ плачевнаго событія, лишившаго Россію одного изъ избранныхъ сыновъ ея, а насъ, друзей Грибоѣдова, повергнувшаго въ вѣчную горестъ, — часно соби-рался я написать нѣсколько строкъ въ память незабвеннаго; но при каждомъ воспо-минаніи о немъ, глубокая скорбь, объявляющая душу, заглушала въ ней всѣ другія ощущенія, зашемняла разумъ, и лишала возможно-сти мыслишь я могъ только проли-вать слезы.

Наконецъ, время, не исцѣливъ ранъ сердечныхъ, освоило меня съ горестью, какъ

увѣчнаго съ его неугомъ. Я рѣшился пред-
савить очеркъ жизни, или, лучше ска-
зашь, правспвеннаго бышя Грибоѣдова, не
для ушѣшеня друзей его, (ибо памъ не воз-
можно ушѣщиться), но исполня долгъ гра-
жданина, друга и Писателя. Чувствую, что
при всей моей любви къ Грибоѣдову, при
едемъ познаніи его характера, я не могу
изобразить вѣрно его правспвенный порт-
ретъ. Горжусь и шѣмъ, что могъ дости-
гнуть возвышенную его душу, и оцѣнить
необыкновенный умъ и дарованія.

Жизнь Грибоѣдова обильна чувствво-
ваніями, мыслями, мечтами высокими, но не
богата происшествіями. Грибоѣдовъ родил-
ся около 1793-го года. Родъ его ведетъ
свое происхождение изъ Польши, отъ фа-
миліи Грибовскихъ, переселившихся въ Рос-
сію, кажеца, въ началъ царшвованія ро-
да Романовыхъ. Одинъ изъ предковъ Гри-
боѣдова подписался на Уложеніи Царя Але-
ксея Михайловича, припоминающемъ, во мно-
гихъ мѣстахъ, Спашупъ Липовскій, сочи-
ненный Липовскимъ Канцлеромъ Львомъ

Сапѣгою въ XVI вѣкѣ. Эпо заспавляешъ думашъ, что предокъ Грибоѣдовыхъ, писавшій Уложеніе, могъ бышъ нарочно вызванъ въ Россію для эпого дѣла, какъ мужъ искусный въ Правовѣдѣніи. Впрочемъ эпо одно предположеніе, о кошоромъ мы неоднократно говорили съ покойнымъ другомъ. Гербъ его и надпись на немъ объясняюшъ происхожденіе и древность его рода, кошорый опшныиъ получаешъ повый блескъ дарованіями и душевными качесвами покойнаго Александра Сергѣевича, лучшими правами на уваженіе соотечественниковъ. Воспомнаніе о знаменитыхъ предкахъ служишъ укоромъ недоспойнымъ попомкамъ, кошорые гордящя чужими заслугами. А. С. Грибоѣдовъ облагородилъ бы всякое происхожденіе.

Онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ Москвѣ, въ домѣ родительскомъ. Лучшие Профессоры Московскаго Университета и частные учители преподавали ему уроки. Послѣ онъ сталъ посѣщашъ Университетскія публичные лекціи, какъ вольно-

слушающій студентъ; учился прилежно, спраспно. Болѣе всѣхъ способствововалъ къ развитію способностей Грибоѣдова, знаменитый Московскій Професоръ Буле. У него Грибоѣдовъ бралъ частныя уроки въ Философическихъ и Политическихъ Наукахъ, на дому, и руководствовался его со-
вѣтами по всемъ отраслямъ познаній. Наступленіе опечесивенной войны прекратило учебныя занятія Грибоѣдова. Получивъ по экзамену степень Кандида Права, съ чиномъ 12 класса, А. С. Грибоѣдовъ въ 1812, Іюля 26 - го, вступилъ въ военную службу Корнетомъ, въ сформированный Графомъ Салтыковымъ Московскій гусарскій полкъ, который вскорѣ былъ распущенъ по смерти Графа, въ Казани, и Грибоѣдовъ поступилъ, въ Декабрь того же года, въ Иркутскій гусарскій полкъ.

Эскадронъ, въ который онъ былъ опредѣленъ, находился тогда въ Липскѣ, въ Резервномъ Кавалерійскомъ Корпусѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ Генерала отъ Кавалеріи Андрея Семеновича Кологри-

вова; главная корпусная квартира была въ Бресшъ-Лишовскомъ. Здѣсь для Грибоѣдова началась новая жизнь. Пламенная душа его прѣбывала дѣяшельности, умъ пищи, но — ни мѣсто, ни обстоятельсва не могли удовлетворить его желаніямъ. Надлежало чѣмъ нибудь наполнить пустошу сердца, и юность представила ему въ радужныхъ цвѣтахъ мечты наслажденій, копорыхъ испициная цѣна познается шолько съ лѣтами и опытносью. Дружба спасла Грибоѣдова отъ сѣшей, въ копорья часто попадающъ пылкіе и благородные, но неопытные юноши, въ началъ свѣшскаго поприща. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и подружился съ Степаномъ Никишичемъ Бѣгичевымъ, бывшимъ тогда Адьюпантомъ при Генералѣ Кологривовѣ, и нашелъ въ немъ испицинаго друга и мейнора. Дружба эша продолжалась до смерти Грибоѣдова и длилась за гробомъ. Въ свѣшѣ не повѣрили бы и сшали удивляться шакой дружбѣ, кака существовала между Грибоѣдовымъ, Бѣгичевымъ и еще нѣкоторыми близкими къ

сердцу покойнаго. Чувства, мысли, шруды, имущество, все было общимъ въ дружбѣ съ Грибоѣдовымъ. Нынь шѣхъ пожертвованій, на копорыя бы не рѣшился Грибоѣдовъ для дружбы: всѣмъ жертвовали друзья для Грибоѣдова. Его нельзя было любить иначе, какъ спрасшио, съ энтузіазмомъ, попому, что пламенная душа его согрѣвала и воспламеняла все вокругъ себя. Съ Грибоѣдовымъ благородный человекъ дѣлался лучше, благороднѣе. Его нѣжная привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя, чистыя мысли, высокія чувствованія переливались въ душу, и зараждали ощущенія новой, сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, пріемы имѣли какую-то необыкновенную прелестъ; звукъ его голоса проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ Не могу написать ничего связнаго о Грибоѣдовѣ: ибо когда только долженъ вспомнить о душѣ его, о его качествахъ, сердце мое разрывается на части Но я обѣщаль сказать что нибудь — исполняю!

Грибоѣдова любили многіе, но, кромѣ родныхъ, ближе всѣхъ къ нему были: С.

Н. Бѣгичевъ, Андрей Андреевичъ Жандръ, и я. Познавъ Грибоѣдова, я прильпился къ нему душою, былъ совершенно счастливъ его дружбою, жилъ новою жизнью въ другомъ лучшемъ мѣрѣ — и осиротѣлъ навѣки!...

Но первое право на дружбу Грибоѣдова имѣлъ Бѣгичевъ. Онъ узналъ его прежде другихъ, прежде посшигнулъ его, и въ юношескомъ пламени открылъ неслѣпное сокровище, душу благородную. С. Н. Бѣгичевъ разбудилъ Грибоѣдова отъ очарованнаго сна, и обратился къ дѣятельности. Грибоѣдовъ писалъ стихи, еще посѣщая Университетъ, но не собиралъ ихъ и не печаталъ. Въ Польшѣ онъ снова обратился къ Руской Слоvesности, и написалъ Комедию: *Молодые супруги*, которая была играна въ первый разъ, въ С. Пешербургѣ, Сентября 29-го 1815 года, въ пользу Актрисы Семеновой м. — Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Пешербургъ въ 1815 году. Въ Польшѣ познакомился онъ съ Княземъ А. А. Шаховскимъ, а въ Пешербургѣ съ Н. И. Хмельницкимъ и А. А. Жандромъ. Связь съ сими Литературами заставила

его снова принявшись за перо и спудившись общими силами для Театра, по примѣру Французскихъ Писателей. Грибоѣдовъ участвовалъ съ Княземъ А. А. Шаховскимъ и Н. И. Хмельницкимъ въ сочиненіи Комедіи: *Своа селмя*, представленной въ первый разъ на С. П. Б. Театрѣ Января 24-го, 1818 г.; а съ А. А. Жандромъ перевелъ съ Франц. Комедію: *Притворная невѣрность*, соч. Барта, представленную въ первый разъ на С. Пешербургскомъ Театрѣ въ Февраль, 1817 г.

Топчасъ, по пріѣздѣ въ С. Пешербургъ, Грибоѣдовъ познакомился съ Н. И. Гречемъ, издававшимъ *Сынъ Опечесива*, въ которомъ Грибоѣдовъ помѣспилъ нѣсколько пешербургскихъ спашей. Грибоѣдовъ душевно любилъ и уважалъ Греча, былъ съ нимъ некрененъ, какъ съ другомъ. Гречь имѣлъ случай оказашъ ему на дѣль свою дружбу, и если я не помѣспилъ Греча въ числѣ самыхъ ближнихъ, то эпо попому только что онъ по обстоятельствамъ рѣже бывалъ съ Грибоѣдовымъ, нежели Жандръ и я.

Въ 1816 году въ Маршѣ, Грибоѣдовъ

вышелъ въ опшпавку изъ военной службы. Проживая въ Пепербургѣ, онъ не сполько занимался Липерапурою, сколько побуждала его къ тому врожденная склонность. Онъ жилъ болѣе въ свѣпъ и для свѣпа, и сполько малые урывки времени посвящалъ Музамъ. Въ 1817 году онъ поступилъ на службу въ вѣдомспво Коллегіи Иноеспранныхъ дѣлъ, съ чиномъ Губернскаго Секретаря; въ слѣдующемъ году опредѣленъ Секретаремъ Персидской Миссіи, произведенъ въ Тишулярные Совѣшники, и опсправился въ Таврисъ. Россійскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи былъ тогда Спаш. Сов. Мазаровичъ.

Грибоѣдовъ зналъ совершенно Нѣмецкій, Французскій, Испаліанскій и Англійскій языки, и понималъ Лашинскій. Въ Персіи онъ спалъ обучашься по-Персидски, и въ скоромъ времени не сполько объясился свободно на семь языкъ, но и понималъ Персидскихъ Авпуровъ. Поведеніемъ своимъ и характеромъ онъ снискалъ себѣ уваженіе цѣлой Англійской Миссіи въ Таврисъ, и

пріобрѣлъ особенную благосклонность Наслѣдника престола, Принца Аббаса-Мирзы, копорый истинно любилъ Грибоѣдова, и находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ. Всѣ опличившіе сановники Персидскіе также уважали Грибоѣдова; онъ много способствовалъ къ поддержанію добраго согласія между Аббасъ - Мирзою и правленіемъ нашимъ въ Грузіи. Во время пребыванія своего въ Персіи, Грибоѣдовъ убѣдилъ множество Русскихъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ военную службу, возвратиться на родину безопасно. Ему поручено было проводить экспедицію въ Россійскіе предѣлы, и Грибоѣдовъ неоднократно подвергался опасности лишиться жизни въ семь походовъ, отъ озлобленныхъ Персіянъ, копорымъ непріятно было возвращеніе сихъ переселенцевъ. Однако жъ это дѣло ни мало не ослабило благосклонности Аббаса-Мирзы, копорый даже упросилъ Шаха, родителя своего, пожаловать Грибоѣдову Персидскій Орденъ Льва и Солнца 2 степени. Въ 1822 Января 3-го онъ произведенъ за

опличіе въ Коллежскіе Ассесоры, и въ шомъ же году, въ Маршъ мѣсяцъ, получилъ дозволеніе носить Персидскій орденъ. Въ Февраль 1822 Грибоѣдовъ выбылъ, по совѣщенному желанію, изъ Персидской Миссіи, и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ по дипломатической части къ Г. Главноуправляющему въ Грузіи, А. П. Ермолову.

Я до сихъ поръ не говорилъ о доспоспѣвшихъ императорскихъ опытовъ Грибоѣдова, и вовсе умолчу о прежнихъ его произведеніяхъ, потому что они меркнули предъ безмернымъ трудомъ его, Комедіей *Горе отъ ума*, извѣсною въ рукописи, въ цѣлой Россіи, всѣмъ грамотнымъ людямъ. Вотъ какимъ образомъ родилась эта Комедія. Будучи въ Персіи, въ 1821 году, Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о Театрѣ, копорый онъ любилъ спрашивать объ Архиспахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное опечесство, со всѣмъ, что осталось въ немъ милого для сердца. Ему

снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ Комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ, и въ ту же ночь начертываетъ планъ *Горе отъ ума*, и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги, и онъ кончилъ ее въ Тифлисъ, въ 1822 году. Въ Мартѣ 1823 года онъ получилъ отпускъ въ Москву и Пешербургъ на 4 мѣсяца. Приѣхавъ въ Москву, Грибоѣдовъ спалъ посѣщая обществу, и въ то же время чувствовалъ недосыпки своей Комедіи, и началъ ее передѣлывать. Каждый выѣздъ въ свѣтъ представлялъ ему новые матеріалы къ усовершенію своего шруда, и часто случалось, что онъ, возвращаясь поздно домой, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ, такъ сказать, въ одинъ присѣпъ. Такимъ образомъ составилось сіе безмерное швореніе, оппечашокъ чувствованій, впечатлѣній и характера незабвеннаго Автора. Любовь къ роднѣи и ко всему похвальному, глубокое

презрѣніе къ нравственному ничтожеству, прикрывающемуся лакомъ иноземной образованности, презрѣніе къ закоренѣлымъ предразсудкамъ и низкому идолопоклонству, — вошъ характеръ сей Комедіи, написанной такимъ разговорнымъ языкомъ, какого понынѣ не было въ нашей Литературѣ. Первый списанный экземпляръ сей Комедіи быспро распространился по Россіи, и нынѣ нѣшъ ни одного малаго города, нѣшъ дома, гдѣ любяшъ Словесность, гдѣ бѣ не было списка сей Комедіи, по несчастью, искаженнаго переписчиками. Эшопъ удивительный успѣхъ — первый примѣръ въ Россіи! Комедія *Горе отъ ума* была напечатана опривками въ Руской Галіи и нашла прошивниковъ въ Москвѣ, гдѣ съ изумительнымъ поспоянствомъ воспеаюшъ прошиву всего, что выходишъ изъ обыкновеннаго круга. Ешъ и въ Петербургѣ украшенные лаврами Литераторы, кошорые не понимаюшъ, какъ можешъ существовать Комедія, въ кошорой, по обыкновенію, никто не женился, гдѣ нѣшъ пролазовъ слугъ, шалуновъ пле-

мяшниковъ, старата опекуна, хитраго любовника и пѣжной любовницы, кою свадьба предшесствуетъ закрытію завѣсы. Наши письменные люди, дамы и мужчины, обученные мудрости по курсу Лагарпа, почто также разсуждають. Есть добрые и умные люди, кошорые увлекаются чужими сужденіями. Жестокій приговоръ Комедіи *Горе отъ ума*, произносимый зависью, невѣжествомъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ и легковѣрнымъ пресподушіемъ, есть лучшее доказательство ея высокаго достоинства. Я не хочу распространяться въ разборъ сего произведенія Грибоѣдова, попому что оно хопя и вѣсьмъ извѣстно, но — понынѣ не напечатано.

Находясь при особѣ А. П. Ермолова, Грибоѣдовъ спискаль его довѣренность и родительскую любовь. Грибоѣдовъ былъ также привязанъ и къ Алексію Пешровичу, какъ къ опцу, а не начальнику, былъ съ нимъ безошлучно, и даже сопуществовалъ ему въ военныхъ экспедиціяхъ. Въ 1824, въ Маѣ, Грибоѣдовъ получилъ позволеніе оп-

правишься за границу до излеченія болѣзни: но, прибывъ въ Петербургъ, оспался шамъ и прожилъ около года (*). Уединенная жизнь въ Персіи и Грузіи совершенно преобразила характеръ Грибоѣдова. Онъ не хотѣлъ появляться болѣе въ свѣтъ, посвяпилъ себя Наукамъ и, при необыкновенной памяти и прилежаніи, приобрѣлъ глубокія познанія, продолжая изучать то, чему положены были хорошія начала. Профессоромъ Буле. Грибоѣдовъ, сверхъ занятой Изящною Словесностью и Поэзіею, прудился безпрестанно надъ изученіемъ предметовъ важныхъ. Правовѣдніе, Философія, Исторія, Политическія и Финансовыя Науки, соспавляли его всегдашнее упражненіе. Онъ читалъ не для препровожденія времени, но

(*) Въ это время я упросилъ его, позволишь списать съ себя портретъ, собственно для меня. Это единственныи портретъ его. Зная, что доставимъ удовольствіе многимъ, я и товарищъ мой, Н. И. Гречъ, вознамѣрились издашь оный. Знаменииый нашъ Художникъ, Н. И. Уткинъ, исполнилъ наше желаніе.

для того, чтобъ научашься, и умѣлъ изъ
 всего извлекать полезное для ума и сердца.
 Изъяснясь пріятно и правильно на всѣхъ
 языкахъ, онъ отлично хорошо говорилъ по-
 Русски, достоинство весьма рѣдкое между
 образованными Русскими. Краснорѣчіе его,
 всегда пламенное, было убѣдительно, по-
 тому что основывалось на здоровомъ смы-
 слѣ и глубокой учености. Трудно было не
 согласиться съ нимъ въ мнѣніи. Онъ имѣлъ
 особенный даръ, какъ всѣ необыкновенные
 люди, убѣждать и привлекать сердца.
 Знать его, было то же, что любить. Бо-
 лѣе всего привязывало къ нему, его не-
 прищворное добродушіе, копорое, при не-
 обыкновенномъ умѣ, дѣйствовало на сер-
 це, какъ шеплона на природу. Онъ того-
 то, во время пребыванія своего въ Пешер-
 бургъ, Грибоѣдовъ, почувствовавъ ничпо-
 жность свѣтскихъ связей, подружился съ
 Литературами и любителями Наукъ и
 Словесности, снискалъ ихъ привязанность
 и уваженіе, и жилъ только въ литератур-
 номъ кругу. Грибоѣдова не умѣли цѣнить

въ свѣшѣ, не умѣли цѣнить его и нѣкошорые Липерашоры, кошорые думаютъ возвыситься шѣмъ, что выходящѣ изъ природнаго своего круга, и въ пріемныхъ и гошпанныхъ ищутъ награды за свои шруды, въ благосклонности людей, непосшигающихъ другаго достоиншва въ человекѣ, кромѣ связей, богашшва и почешей. Грибоѣдовъ былъ выше всѣхъ эшихъ мелочей: они казались ему смѣшными и жалкими, сполько же какъ и люди, забывающіе для нихъ предопредѣленіе шаланша. Онъ купилъ познаніе свѣна опышностію; шпилъ и уважалъ званіе и почеши въ людяхъ заслуженныхъ и достойныхъ, и никогда не склонялъ чела предъ временными любимцами форшуны или счастливыми пронырами. Разумѣешся, что съ эшими чувствами Грибоѣдовъ долженшвовалъ имѣть враговъ. Онъ имѣлъ ихъ, не сдѣлавъ никому ни малѣйшаго зла, но единшвенно за то, что былъ выше другихъ умомъ и душою. За эшо самое Сокрашъ испилъ цикушу.

Грибоѣдовъ написалъ въ эшо время

прекрасное стихотвореніе на балетъ Русланъ и Людмила, напечатанное въ Сынѣ Ошечества, и перевелъ прологъ къ Геше-ву Фауспу, напечатанный въ Альманахѣ: *Поллярная Звѣзда*. Онъ опказался опъ намѣренія ѣхать за границу, и рѣшился возвратиться въ Грузію, побывавъ въ южной Россіи и въ Крыму. Онъ любилъ величественную природу Грузіи. Возвращаясь туда, онъ былъ въ экспедиціи съ Генераломъ Вельяминовымъ прошивъ Горскихъ народовъ, въ 1825 году, и въ виду вершинъ Кавказа и неприятельскаго спана написалъ прелестное стихотвореніе *Хищники на Челмъ*, напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ.

Пронсшествія, опечалившія Россію въ концѣ 1825 года, попребовали присупсввія его въ Пешербургъ. Не знали Грибоѣдова, и узнали его. Благородный образъ мыслей, опкровенность и чистота всѣхъ дѣлъ его и помысловъ, снискали ему милосливное вниманіе правосуднаго и великодушнаго Монарха. Грибоѣдовъ имѣлъ счастье предспавляться Государю Императору, и

съ этой минуны душею полюбилъ Августѣйшаго Монарха, какъ Государя и какъ челоѡвка. При опсправленіи на службу, по собспвенному его желанію, обрапно въ Грузію, Грибоѡдовъ Всемилоспивѣйше награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣшника, 8 Іюня 1826 года.

Въ это время онъ жилъ со мною, на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской споронѣ, видалея толькo съ близкими людьми, проводилъ время въ чшеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкаю. Все изящное имѣло доступъ къ душѣ Грибоѡдова: онъ спраспно любилъ музыку, будучи самъ искусенъ въ игрѣ на форшепіано. Фанпазіи его и импровизаціи опспыивались глубокимъ чувспвомъ меланхоліи.

Часпо онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувспвуеетъ, какъ мало сдѣлалъ для Словесности. „Время лепинтъ, любезный другъ,“ говорилъ онъ: „въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ раждающа мьсли, а между шѣмъ, я не могу приняшья

за дѣло, ибо Науки идуть впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работаю. Но я долженъ что нибудь сдѣлать.... сдѣлаю!....“ Вошь какъ думалъ Грибоѣдовъ. Онъ не могъ безъ сожалѣнія вспоминать о томъ, что нѣкоторые наши Писатели, особенно Поэты, думаютъ, что имъ должно слѣдовать одному вдохновенію и ничему не учиться. Грибоѣдовъ указывалъ на Байрона, Гёте, Шиллера, которые опъ того именно вознеслись выше своихъ совмѣстниковъ, что гений ихъ равнялся ихъ учености. Грибоѣдовъ судилъ здраво, безпристрастно и съ особеннымъ жаромъ. У него навершывались слезы, когда онъ говорилъ о безплодной почвѣ нашей Словесности. „Жизнь народа, какъ жизнь человека, есть дѣятельность умственная и физическая,“ говорилъ Грибоѣдовъ: „Словесность — мысль народа объ Изящномъ. Греки, Римляне, Евреи — не погибли опъ того, что оспавили по себѣ Словесность, а мы... мы не пишемъ, а только *переписываемъ!* Какой результатъ нашихъ лише-

рашурныхъ трудовъ по испеченіи года, спольшія? Чшо мы сдѣлали, и чшо могли бы сдѣлать!...“ Разсуждая о сихъ предметахъ, Грибоѣдовъ спановиляся грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гуляшь въ поле или въ рощу.

Мнѣ не случалось въ жизни ни въ одномъ народѣ видѣшь человека, который бы такъ пламенно, такъ спраспно любилъ свое опечество, какъ Грибоѣдовъ любилъ Россію. Онъ въ полномъ значеніи *обожалъ* ее. Каждый благородный подвигъ, каждое высокое чувство, каждая мысль въ Рускомъ приводила его въ восторгъ. Если бъ знали враги его, раздиравшіе его липературную славу, какъ онъ радовался, находя въ нихъ хорошее! Грибоѣдовъ, зная сполько иностранннхъ языковъ, любилъ читать Рускія книги, особенно переводы (даже самыя плохіе) великихъ Писателей. Когда я изъявилъ ему мое удивленіе на эшошь счетъ, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ любопытно знать, какъ изъяснены высокія мысли и наспавленія мудрецовъ, и можешъ ли понимаешь

ихъ классъ народа, незнающій иностранныхъ языковъ? Это археологическія и эпиграфическія изысканія, любезный другъ,“ прибавилъ онъ съ улыбкою. — Грибовдовъ чрезвычайно любилъ простой Рускій народъ, и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, неспорченныхъ еще искапелствомъ и свѣшскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ Хрисціанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ шуда особеннымъ чувствомъ патріотизма. „Любезный другъ!“ говорилъ онъ мнѣ: „только въ храмахъ Божіихъ собирающія Рускіе люди; думаютъ и молятся по-Русски. Въ Руской церкви, я въ опечесствѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; что по же пѣніе прогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли пабожныя души. Мы Рускіе только въ церкви — а я хочу бытъ Рускимъ!“ . . .

Но эта любовь къ опечесству не заставляла его ненавидѣть чужеземцевъ, подобно тѣмъ грубымъ невѣждамъ, кошорые почищаютъ врагомъ каждаго, кто не родился на берегахъ Волги или Оки. Напроставивъ шого, Грибоѣдовъ радовался, когда чужеземецъ посвящалъ свои таланты на пользу Россіи, и былъ признателенъ къ каждому, оказавшему услуги его опечесству. Разумѣется само по себѣ, что Грибоѣдовъ не почищалъ чужеземцами жителей областей, присоединенныхъ къ Россіи оружіемъ или шрапшами. Такая мысль не можетъ родиться въ головѣ образованнаго человѣка. Но какъ всякій человѣкъ имѣетъ свой особый образъ мыслей, то онъ любилъ болѣе Славянскія поколѣнія, и желалъ, чтобы изъ двухъ человѣкъ одинаковаго достоинства, соплеменникъ предпочитался былъ иноплеменику. Грибоѣдовъ вообще не любилъ раздѣленія между Славянскими племенами, и почищалъ ихъ одною семьей. Ему нравилась мысль моя: что всѣ Славянскія поколѣнія родныя сестры, изъ кошорыхъ одна

за-мужемъ за единоплеменникомъ, другая за Цымцемъ, ирешья за Туркомъ, но эшо не должно препяшешвовашь родспвенной любви и согласію.

Пріѣхавъ въ Грузію при началъ войны съ Персією, Грибоѣдовъ находился при особѣ Графа Паскевича-Эриванскаго, своего родспвенника, любившаго его, какъ роднаго брата. Дѣятельность Графа и пламенное желаніе бышь полезнымъ шому краю, обрадовали Грибоѣдова и заспавили его шрудиться. Я намѣренъ сообщить здѣсь отрывки изъ нѣсколькихъ его писемъ, въ которыхъ изображаешся характеръ и душа Грибоѣдова, лучше нежели въ чужомъ описаніи. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ изъ Тифлиса, отъ 16 Апрѣля 1827 года:

„Любезный другъ, Ѡаддей Венедиктовичъ! Прежде всего просьба, чшобы не забышь, а попомъ уже благодарность за дружеское швое вниманіе къ скипальцу въ Восшочныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста спатисшическое описаніе, самое по-

дробнѣйшее, сдѣланное по лучшей, новѣйшей системѣ, какого нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Испаніи (а именно Тосканской Области, коли ешь, какъ края наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ Канцелярію Главнокомандующаго, на мое имя. Очень меня обяжешь; я бы извлекъ изъ эшого таблицы не споль многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, копорую бы разослалъ къ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, копорые имъ надлежишь наполнить. При Алексѣѣ Пешровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начищался. Авось теперь, съ Божією помощію, употреблю эшо въ пользу. — Спиховъ Жаңдра въ 1 № С. О., я нигдѣ не могъ опыскашь; ты не прислалъ мнѣ; а другіе къ *Музъ* я, еще не зная чьи они, чиналъ здѣсь въ слухъ, у Ховена, и увѣренъ былъ, что эшо произведеніе челоуѣка съ большимъ дарованіемъ. Я надѣюсь, что возвращаясь изъ похода, какъ нибудь его сюда выпишу. Не

могу довольно я опблагодарить себя за пріятное швое письмо и за присылку Журналовъ. Желалъ бы имѣть цѣлаго Годунова (*). Въ первой сценѣ Бориса мнѣ правился Пименъ, старецъ. Не ожидай опъ меня стиховъ: Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощающъ все мое вниманіе. Ненадолго, разумѣется: кончися кампанія и я опкланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда негожусь: и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черспвѣшъ, разсудокъ запимѣвается, и правспвенность гибнешъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща. 1-я глава швоей *Сиротки* (**), шакъ съ напуры списана, что (проспи душа моя) невольно подумаешь, что ты самъ когда нибудь валялся съ кудлашкой. Тѣфу пропасшь!

(*) Трагедія Борисъ Годуновъ, соч. А. С. Пушкина, находящаяся въ рукописи.

(**) Въ Романѣ *Иванъ Выжигинъ*. Тогда я сочинялъ сей Романъ, и напечаталъ 1 главу въ Сынъ Опечесшва. Соч.

Какъ эпо смѣшно, и жалко и справедливо! Многіе просятъ, чшобы ты непременно продолжалъ и окончилъ эпу Повѣспь.“

Наконецъ началась война. Грибоѣдовъ былъ безошлучно при Графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, охотно переносилъ трудности военные и не прятался отъ опасностей. Онъ прослужилъ кампанію, какъ опличный гражданскій чиновникъ и какъ храбрый воинъ (*). По предсавленію Графа, онъ на-

(*) Вошь черша, характеризующая Грибоѣдова. Въ послѣднюю Персидскую войну, онъ провзжалъ верхомъ, вмѣстѣ съ Княземъ Ишайскимъ, Графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ, внукомъ Великаго, подъ выспрѣлами непріательскихъ орудій. Ядро оконузило лошадь К. Суворова, и она въ испугъ поднялась на дыбы. Грибоѣдовъ, любя Князя и думая въ первую минушу, что онъ раненъ, пришелъ въ пѣкошорое смущеніе. Полагая, что испрахъ вкрался въ его душу, онъ рѣшился наказашъ себя. При первомъ предсавившемся случаѣ, свѣлъ на башнарею, и выдержалъ, не сходя съ мѣсна, 124 непріательскіе выспрѣла, чшобъ освоинься съ ядрами, какъ онъ говорилъ.

граждень былъ за опличіе чиномъ Коллежскаго Совѣтника, въ Декабрь 1827 года. Онъ былъ посланъ въ лагерь Аббаса-Мирзы для переговоровъ о мирѣ, и имѣлъ съ нимъ весьма занимательныя сношенія. При заключеніи Туркманчайскаго пракшапа, Грибоѣдовъ прудился непрерывно и оказалъ важныя услуги. Въ награду за сіе, онъ избранъ былъ Графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ поднести мирный пракшапъ Государю Императору.

Въ Пешербургъ получено было прежде извѣстіе, что Грибоѣдовъ опправился съ пракшапомъ въ Пешербургъ. Дурная дорога воспрепятствовала ему прибыть въ срочное время для курьерской ѣзды. Съ нетерпѣніемъ ожидали его. Не могу безъ умиленія вспомнить о той радостной минутѣ, въ копорую я вспрѣшилъ его. По какому-то инстинкту, я нѣсколько дней сряду ходилъ въ заѣздный домъ Демуща, и ожидалъ моего друга. Наконецъ, 14 Марта, около полудня, подъѣхала кибитка, и я принялъ его въ мои объятія. . . . Мы плакали, какъ

дѣши опть радости!

Государь Императоръ наградиль по-Царски Грибоѣдова: пожаловалъ ему чинъ Спашскаго Совѣшника, орденъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами, медаль за Персидскую войну и 4000 червонныхъ. Въ Апрѣль сего же 1828 года, мудрый Монархъ нашъ благоволиль назначишь его Полномочнымъ Миниспромъ при Дворѣ Персидскомъ.

Все предвѣщало счастливыи успѣхъ. — Грибоѣдовъ зналъ Персидскій языкъ, справу, нравы и обычаи, характеръ Двора и главнѣйшихъ сановниковъ. Грибоѣдовъ во все не предугадывалъ о семъ блестящемъ назначеніи, и намѣревался выйши въ опспавку, посвящишь себя совершенно Наукамъ и Словесности, и поселишься со мною, по крайней мѣрѣ на нѣкошорое время, во злѣ ученаго Дерпша, въ моемъ шихомъ убѣжищѣ. Мы упѣшались эпою мыслию, дѣлали планы, какъ будемъ провождашь время, какъ будемъ вѣдишь въ госпи въ Москву, въ Пешербургъ, въ деревню къ С. Н. Бѣгичеву, и проч. Повинуясь волѣ обожае-

мага Государя и желая служишь Ему усердно, Грибоѣдовъ оперочилъ свое намѣреніе жишь для Наукъ и Словесности, но не опказался опъ нихъ совершенно. Пламенья ревностию къ службѣ, онъ однако жъ съ мрачнымъ предчувствіемъ воспоминалъ о Персіи, и предсказывалъ, что не возвратишься опшуда, что шамъ долженъ окончишь жизнь, въ опдаленіи опъ милыхъ сердцу, и часпо повпорялъ: „шамъ моя могила! Чувствую, что не увижу болѣе Россіи!“ ...

Изъ прощальнаго письма въ деревню, къ женѣ моей, копорую онъ любилъ какъ сеспру, можно видѣшь его предчувствія и надежды.

„Прощайше, милый другъ, прощайше! Разспаюсь съ вами на при года, а можешъ бышь — навсегда! О, Боже! неужели я долженъ навсегда опшашься въ спранѣ, чуждой моимъ чувствованіямъ! Я еще не шеряю надежды укрьшься въ вашемъ Карловѣ, опъ всего, что шягошишь меня въ жизни! Но когда? Еще далеко до эшого! Въ ожи-

даніи, прощайше, и будьте счастливы. С. П. б. 5 Іюня 1828.“

Во время военныхъ и дипломатическихъ занятій, Грибоѣдовъ, въ часы досуга, уносился душею въ міръ фантазій. Въ последнее пребываніе свое въ Грузіи, онъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ, вольными стихами съ речами. Трагедію назвалъ онъ: *Грузинская ночь*; почерпнулъ предметъ оной изъ народныхъ преданій, и основалъ на характеръ и нравахъ Грузинъ. Вотъ содержаніе: Одинъ Грузинскій Князь за выкупъ любимаго коня опдалъ другому Князю опрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и пошому Князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать опрока, бывшая кормилица Князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою, и пребуетъ или возвраша сына или позволенія быть рабою одного господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, пошомъ общается выкупить сына корми-

цы, и наконецъ, по Княжескому обычаю, — забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея оппоржено опъ сердца дѣшница, и какъ Азіянка, умышляетъ жестокую мести. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ Духовъ Грузин, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляясь Рускій офицеръ въ домъ, панственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица составляетъ Дели великую любовь къ офицеру, въ питомицу своей, дочери Князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить Князя, — и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный Князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ, и познаетъ цѣну пошеридѣшница. Злобная кормилица наказана за

по, что благородное чувство осквернила
 мещью. Они гибнутъ въ опчяніи. Трагедія,
 основанная, какъ выше сказано, на на-
 родной Грузинской сказкѣ, если бѣ была
 такъ кончена, какъ начата, сослала бы
 украшеніе не только одной Руской, но
 всей Европейской Литературы. Грибоедовъ
 читалъ намъ наизусть отрывки, и самые
 холодные люди были расстроены жалобами
 матери, пребывающей въ рабствѣ сына у сво-
 его господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ
 съ Авторомъ!..... (*).

Н. И. Гречъ, услышавъ отрывки изъ
 этой Трагедіи и цѣня талантъ Грибоедо-
 ва, сказалъ въ его описаніи: „Грибое-
 довъ только попробовалъ перо на Комедіи
Горе отъ ума. Онъ займетъ такую сте-
 пень въ Литературѣ, до которой еще ни-
 кто не приближался у насъ: у него, сверхъ
 ума и генія творческаго, есть — душа, а
 безъ этого нѣтъ Поэзіи!“ —

(*) Нынѣ (въ Январѣ 1850 года), получилъ я из-
 вѣстіе, что отрывки изъ сей трагедіи и некошо-
 рья другія счиненія Грибоедова, уцѣлѣли.

Наконецъ Грибоѣдовъ поѣхалъ къ своему назначенію, но по обшояшествамъ не могъ отправишься прямо въ Персію и долженъ былъ свидѣться прежде съ Графомъ Паскевичемъ - Эриванскимъ. Опрывки изъ двухъ писемъ ко мнѣ покажутъ, какъ Грибоѣдовъ смопрѣлъ на дѣла и какими чувствами одушевлялось его Русское сердце.

„Спаврополь, 27 Іюня 1828.

„Любезнѣйшая Пчела! Вчера я сюда пріѣхалъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью! Пусшилъ бы я на свое мѣсто какого нибудь франша, охошника до почешныхъ назначеній, Dandy Пешербургскаго Bondstreet, Невскаго проспекта, чшобы заспавишь его душею полюбишь умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣспность.

„Здѣсь меня задерживаетъ пригошвление конвоя. Какъ добрый папріошъ, радуясь взяшю Анапы. Съ эшимъ извѣспіемъ былъ я вспрѣченъ шопчасъ при въздѣ. Нельзя довольно за эшо благодаришь Бога шому, кшо дорожишь безопасностію здѣшняго края. Въ послѣднее время Заку-

банцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши пошли къ нимъ на перерѣзъ, съ 1000 конными и съ 4-мя орудіями, но не успѣли. Пѣхопа спала дѣйствовать опдѣльно, распянулась длинною цѣпью тогда, какъ Донской Полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, поспѣшь напасть на неприятеля, упомяннаго быспрымъ походомъ. Горцы расположены были шаборомъ въ виду, но замѣшивъ несовокупность нашихъ движеній, поспѣшь бросились въ шанки, не дали ни разу выпрѣлнить орудію, бывшему при пѣхопномъ опрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, кошорые при немъ были, опрокинули его вверхъ колесами, и поспѣшили прошивъ коннаго нашего опряда. Родіоновъ удержалъ ихъ чешырѣмя орудіями; попомъ хопѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками линѣйными и Донскими, но не былъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ шолько съ горешью Донцевъ своихъ, и запла-

пилъ жизнию за великодушную смѣлоспъ. Ему шашкою опхванили ногу, попомъ пулею проспрълили шею; онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако оппоръ эпощъ заставилъ Закубанцевъ бѣжать опъ Горячихъ водъ, копорымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова: жаль его, опличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на воды. Посѣпшители сложились, чшобы сдѣлашь ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавишеля, до могилы. Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбой и грабишельсшва ушхли, и *тепловодцы*, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пипъ воду и чай. Генераль Эмануэль опсправился въ Анапу, чшобы принять присягу опъ тамошнихъ Князей. На дорогѣ съ шой стороны Кубани, шолпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ Горскіе народы съ покорноспію и поддансшвомъ. Опяшь повшоряю, чшо выгоды опъ взяшя Анапы неисчислимы Прощай. Лошади готовы. Коли къ моему пріѣзду Графъ

Эриванскій возьмешь Карсъ, шо это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже въ его улусахъ; всѣ меня привѣщиваютъ съ новымъ начальникомъ. Говорятъ, что онъ со всеми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаешь частнаго и общаго. А у насъ чиновники народъ добрый! Прощай, еще разъ, любезный другъ.“

Сообщивъ извѣстіе для Св. Пчелы о взятіи Карса, Грибоѣдовъ приписалъ слѣдующее: „Ура! любезнѣйшій другъ! мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ! Читай реляцію и проповѣдуй ее все-народно. Это сколько чести приносишь войску и Генералу, что нельзя Рускому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ.“

„Вѣрный другъ швой

„А. Г.

„Владикавказъ,

„23 Іюня 1828 г.“

Грибоѣдовъ, будучи въ послѣдній разъ въ Пешербургъ, открылся вѣрнымъ друзь-

ямъ своимъ, что онъ любитъ. Онъ былъ какъ родной въ домъ мой, которая занимала его сердце, видѣлъ ее ребенкомъ, и привыкъ обходиться съ нею, какъ съ меньшою сестрою. Въ Пестербургъ онъ не зналъ еще, что сдѣлаешь съ собою, но одна минута рѣшила судьбу его. Сообщаю любопытное письмо его ко мнѣ по сему предмету. Это самый вѣрный оппечашокъ сердца Грибова и его самобышнаго, необыкновеннаго характера. Читай его письмо — кажешся, видишь его!

„Биваки при Казань, на Турецкой границѣ, 24 Июля 1828.

„Любезный другъ! пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водить моимъ перомъ; иначе никакъ бы не принялся за эту работу, послѣ пруднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать. Покупаешь, заказываешь, опсылаешь!

„Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ шѣхъ поръ прибылъ

въ Тифлисъ. Чума, копорая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ опрядѣ, задержала меня на мѣсѣ; ошъ Графа Паскевича-Эриванскаго ни слова, и я пуспился къ нему паудачу. Въ душиной долинь, гдѣ прошекающъ Храмъ и Алгенъ, лошади монспали; далье, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ ишши въ гору. Я въ рѣкъ почсвалъ; разсердился, побросалъ экипажи, ворошился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и выючныхъ лошадей, съ шѣмъ, чшобы пошчасъ пуспилъ-ся снова въ пушь, а съ поспа казачьяго опсправилъ депешу къ Графу.... Эшо было 16-го. Въ эшотъ день я обѣдалъ у спарой моей пріятельницы А...., за споломъ сидѣлъ прошивъ Нины Чевчевадзевой, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилося; не знаю, безпокойства ли другаго рода, по службѣ, шеперь необыкновенно важной, или чшо другое, придало мнѣ рѣшишельность необычайную: выходя изъ-за спола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: *Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire!*“ Она меня

послушалась, какъ и всегда: вѣрно думала, что я ее усажу за форшеніано, — вышло не то. Домъ ея мапери возлѣ; мы спуда ухлопились, вошли въ комнапу; щеки у меня разгорѣлись, дыханье занялось; я не помню, что я началъ ей говорить, и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, потомъ къ мапушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея впорой мапери Пр. Н. А. . . . ; насъ благословили . . . ; отправили курьера къ ея опцу, въ Эривань, съ письмами опъ насъ обоихъ и опъ родныхъ. Между шѣмъ выюки мои и чемоданы изгоповились, все вновь уложено на военную ногу; во ввторую почъ я безъ памяти, опъ всего, что со мною случилось, пусшилсѣ опашь въ опрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо лешучее опъ Графа Паскевича, которымъ опъ меня увѣдомляешъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крупизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала меня всю ночь; мы промокли до коспей. Въ Гумрахъ я нашель, что уже сообщеніе съ главнымъ опрядомъ

прервано. Графъ оставилъ Карскій Пашалыкъ, и въ штыу у него образовались толпы Турецкихъ партизановъ; въ самый день моего прихода была жаркая спычка, у Басова Черноморскаго полка, въ горахъ за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я напхнулъ на опрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ 7-го Карабинернаго и 100 человекъ выздорыввшихъ; все это назначено на усиленіе главнаго Корпуса; но не знало, куда итти; я ихъ пошчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ Ташаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вошъ уже вшорой день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минушу ожидаемъ нападенія. Коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцовъ въ восхищеніи: воображаешъ себъ, что онъ воюешъ.

„Въ Гумрахъ же нагналъ меня опвѣшъ опъ Князя Чевчевадзева, опца, изъ Эривани: онъ благословляешъ меня и Нишу, и радуешся нашей любви. — Хорошо ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою В. С. и Андрея. Но не говори Р.: онъ вообразишъ себъ, что любовь заглушишъ во мнѣ чувствво другихъ

моихъ обязанностей, Вздоръ. Я буду вдвое спарашельнѣе служить, за себя и за нее.“

~~~~~  
По возвращеніи въ Тифлисъ, Грибоѣдовъ писалъ ко мнѣ :

„Спирофы XIII, XIV, XV (\*)

• • • • •

„Промежутокъ  $1\frac{1}{2}$  мѣсяца.

„Дорогой мой Ѡадей! Я по возвращеніи изъ дѣйсвующаго опряда сюда въ Тифлисъ, 6-го Августа, занемогъ жестокою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе. Нина не опходила опъ моей пошели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцемъ уже, опяшь посьпилъ меня пароксизмъ, и съ пѣхъ поръ нѣшь опдыха: я шакъ исхудалъ, пожелпѣлъ и ослабѣлъ, чшо, думаю, капли крови здоровой во мнѣ не ошпалось.“

~~~~~  
Наконецъ онъ опсправился съ супругою

(*) Эти спирофы и шочки поспавлены Грибоѣдовымъ въ шушку, въ подражаніе моднымъ Поэмамъ.

въ Тегеранъ. Врачныя предчувствія спѣс-
няли сердце его болѣе, нежели когда ни-
будь, и онъ съ каждымъ днемъ спановился
грустнѣе, какъ будто зналъ, что прибли-
жается къ гробу. Выписки изъ письма его
къ почтенной дамѣ, копорую онъ любилъ
какъ мать, къ В. С. М.—вой, дадутъ пол-
ное понятіе о томъ, что происходило въ
душѣ его.

„Эчмядзинъ, 17 Септ. 1828.

„Другъ мой, В. С.! не пеняйше на
долгое мое молчаніе, милый другъ! видише
ли, въ какую для меня необыкновенную эпо-
ху я его прерываю. Женатъ, пушеше-
сшвую съ огромнымъ караваномъ, 110 ло-
шадей и муловъ; ночуемъ подъ шапрами, на
высошъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нина моя
не жалуешся, всемъ довольна и весела: для
перемѣны бываюшъ намъ блестящія встрѣ-
чи, конница во весь опоръ несешся, пылишъ,
спѣшиваешся и поздравляешъ насъ съ счаст-
ливымъ прибышіемъ шуда, гдѣ бы вовсе
бышъ не хошълось. Нынѣ насъ принялъ весь
кляръ монаспырскій въ Эчмядзинъ, съ кре-

спами, иконами и хоругвями, пѣніемъ и проч., и здѣсь, подъ сводами эпои древней обитали, первое мое помышленіе объ васъ и Андрѣ. Помиришесь съ моею лѣпью.

„Какъ эпо все случилось! гдѣ я, что, и съ кѣмъ! . . . Проспашельно ли мнѣ, послѣ сполькихъ опытовъ, сполькихъ размышлений, вновь бросаюсь въ новую жизнь, предаваясь на произволь случайностей, и все далѣе опъ успокоенія души и разсудка! А независимость, — копорой я спакже былъ спрашый любитель — исчезла, можешъ бышь, навсегда, и какъ ни мило и ушѣспашельно дѣлалъ все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданиемъ, но эпо шеперь спакъ свѣшло и опрадно, а впереди спакъ шемно, неопредѣленно!! Всегда ли спакъ будешъ!! Бросьте вашето Троспера и Куперову Prairie! Мой романъ живой у васъ передъ глазами и во эпо крашъ занимательнѣе; главное въ немъ лице, другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувсвахъ, но въ быпу, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденияхъ, непохожій на себя прежняго, на прошлого-

дняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мною сбывается что нибудь, о чемъ ни думалъ, ни гадалъ.“

„Таврисъ, 3 Декабря.

„Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ эпихъ спрочекъ при мѣсяца назадъ! Вы бы не сердились на меня, а теперь вѣрно разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться. Андрей! ты помоги мнѣ умилоспивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете, и не много надобно словъ, чтобы согрѣшь въ васъ тѣ же чувства, ту же любовь, копорья опъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ печеніе сполькихъ лѣтъ — и какъ нѣжно и какъ безкорыспно! Вѣрно сами догадаешесь, неоцѣненная В. С., что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льюпся. Неужели я для шого рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодноспь (и мнимую припомъ), за невниманіе, за эгонзмъ опъ шѣхъ, за

копорыхъ бы охопно жизнь опдалъ? Александръ нашъ, что долженъ обо мнѣ думать! И это кропкое, тихое созданіе, копорое теперь опдалось мнѣ на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою участь и спрадаетъ самую мучительную беременностію: кто знаетъ, можешь бышь, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ называемымъ дѣламъ, на кропкое время, но послѣ время продлится, общеспольствва завлекушь, забудусь, не спану писашь; что проку, что чувствва мои неизмѣнны, когда видимые поступки тому прошиворѣчашь? Кто повѣришь!“.....

Сбылись предчувствія Грибоѣдова: онъ погибъ жертвою народнаго несповспва въ Тегеранѣ. Не имѣя офиціальныхъ извѣстій о семъ ужасномъ происшествіи, я не могу писашь объ этомъ. Знаю только, что вражда возникла за Армянъ, Рускихъ подданныхъ, копорые укрывались въ домъ Посланника. Не только Рускіе, но и добрые Персіане, знавшіе Грибоѣдова, сожалѣють

о немъ. Цѣлая Грузія оплакиваетъ Грибо-
вдова.

Извѣстіе о смерти Грибоѣдова при-
везено въ С. П. бургъ 14 Марша 1829, шо-
го же самаго числа, ровно чрезъ годъ, ко-
гда онъ прѣѣхалъ съ прапашомъ Турк-
манчайскимъ!

Раны сердца моего распворились.....
я не могу писашь болѣе... писалъ шолько
для друзей, для знавшихъ Грибоѣдова, въ
надеждѣ, что всѣ добрые, чувствительные
люди извиняшъ несвязность, сбивчивость
этой спашь. Я былъ самъ не свой! Могъ
ли я думашь о холодныхъ людяхъ?

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Исторія и права:

Стр.

- I. Предокъ и попомки (Саширическая повѣсь). 3.
- II. Завоеваніе Финляндіи корпусомъ Графа Николая Михайловича Каменскаго въ 1808 году. 81.
- III. Воспоминанія о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибовдовѣ. 168.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ.

ИМЕНА, ЧИНЫ, ЗВАНІЯ И МѢСТА

ЖИТЕЛЬСТВА.

А.

Экз.

- Александровичъ, Николай Яковлевичъ, Его
Благородіе, въ Прилукахъ. 1.
- Александровская Мануфактура, въ Спб. 1.
- Алексѣевъ, въ Спб. 1.
- Алмазовъ, Пешръ Пешровичъ, Шшабсъ-
Рошмиспръ, въ Клину. 1.
- Алферовъ, въ Москвѣ. 1.
- Анненковъ, Павелъ Пешровичъ, Его Вы-
сокоб., въ Дмишріевѣ на Свапѣ. 1.
- Апушкинъ, Дмишрій Николаевичъ, Капи-
шанъ, въ Ливнахъ. 1.
- Аргоновъ, Кирила Михайловичъ, въ Спб. 1.
- Арсеньевъ, Конспаншинъ Ивановичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Спб. 1.
- Архангельскій, Иванъ Яковлевичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Одессѣ. 2.

II

- Асининъ, Пётръ Андреевичъ, Его Благо-
родіе, въ Владимірѣ на Клязмѣ. 1.
- Афросимовъ, Николай Николаевичъ, Его
Благородіе, въ Мало-Архангельскѣ. 1.

Б.

- Бабиновъ 2-й, Яковъ Егоровичъ, Под-
полковникъ, Командиръ Асшрахан-
скаго Гренадерскаго полка, и Ковен-
скаго Шоссе, въ Нарвѣ. 1.
- Барановъ, Лейшенианшъ, 9-го Флошскаго
Экипажа, въ Спб. 1.
- Барклай-де-Толли, Князь, въ Ригѣ. 1.
- Барсуковъ, Алексѣй Тимофѣевичъ, Гвардіи
Поручикъ, въ Спб. 1.
- Бекманъ, Андрей Петровичъ, Его Высо-
коблагородіе, въ Спб. 1.
- Бешулинскій, въ Спб. 1.
- Библиотека Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго
полка, въ Спб. 1.
- Библиотека Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка,
въ Спб. 1.
- Бидешовъ, Фёдоръ Лукичъ, Губернскій Кон-
шролеръ, въ Казани. 1.
- Бильцовъ, Василій Ивановичъ, купецъ, въ
Кіевѣ. 1.
- Виркинъ, Николай Гавриловичъ, Пору-
чикъ, въ Спб. 1.

III

- Блохинъ, Николай Кипріяновичъ, купецъ,
въ Екашеринбургѣ. 1.
- Бобышевъ, Лука Ивановичъ, Уѣздный Ка-
значей, въ Арзамасѣ. 1.
- Борисовъ, Владиміръ Александров., Шуй-
ской куческой брашъ, въ Шкловѣ. 1.
- Бразель, Павелъ Николаевичъ, Его Высо-
коблагородіе, въ Ахшыркѣ. 1.
- Брюсшъ, въ Спб. 1.
- Булычевъ, Егоръ Ѳедоровичъ, Коммиссіо-
неръ, въ Ярославлѣ. 1.
- Бушенъ, Капишанъ, Командиръ резервной
башарейной N 5 роты 20 Аршилле-
рійской Бригады, въ Симферополѣ. 1.
- Быковъ, Василій Михайловичъ, Его Пре-
восходительство, въ Спб. 1.
- Бѣляевъ, въ Спб. 1.

В.

- Вакуровъ, Дмишрій Максимовичъ, Сара-
шовскій купецъ, въ Сарашовѣ. 1.
- Ваячаговъ, Иванъ, Спб., купецъ, въ Спб. 1.
- Василисинъ, Николай Ивановичъ, Комми-
сіон. 14-го класса, въ Роченсальмѣ. 1.
- Вахрушевъ, Александръ Анѳимовичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Вологдѣ. 1.
- Веберъ, въ Москвѣ. 1.

IV

- Веденикшовъ, Платонъ Михайловичъ, Его
Благородіе, въ Полоцкѣ. 1.
- Вербиловское Повѣшовсе Училище, въ Се-
бежѣ. 1.
- Вишьмейеръ, Спроишельнаго ошрда Под-
поручикъ, въ Тихвинѣ. 1.
- Воиновъ, Иванъ Васильевичъ, Его Благо-
родіе, въ Орлѣ. 1.
- Воропоновъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Его Бла-
городіе, въ Новомиргородѣ. 1.
- Воскресенскій, Пешръ Герасимовичъ, Кол-
лежскій Совѣшникъ, въ Москвѣ. 1.
- Выборгская Библиошека, въ Выборгѣ. 1.

Г.

- Гагаринъ, Князь Иванъ Алексѣевичъ, Дѣй-
швин. Тайн. Совѣш., въ Москвѣ. 1.
- Гаевскій, Павелъ Ивановичъ, Его Высоко-
благородіе, въ Спб. 1.
- Галдинскій, Илья Ефимовичъ, Его Благо-
родіе, въ Рязани. 1.
- Гамовъ, Александръ Яков., купецъ въ Ригѣ. 1.
- Гарій, въ Спб. 1.
- Гермесъ, Подполковникъ, въ Москвѣ. 1.
- Гершовъ, Его Благородіе, въ Спб. 1.
- Главное Дежурство 1-й Арміи, въ Кіевѣ. 1.
- Глазенапъ, Марія Яковлевна, Ея Превос-
ходительство, въ Спб. 1.

V

- Глазуновъ, Андрей Васильевичъ, Книгопродавецъ, въ Москвѣ. 47.
- Глазуновъ, Илья Ивановичъ, Книгопродавецъ, въ Спб. 50.
- Глуховъ, Михайла Ивановичъ, Титулярный Совѣшникъ, въ Спб. 1.
- Головицъ, Иванъ Даниловичъ, Его Высокоблагородіе, въ Спб. 1.
- Голохвасшовъ, въ Москвѣ. 1.
- Гончаровъ, Аѳанасій Николаевичъ, Надворный Совѣшникъ, въ Москвѣ. 1.
- Горбуновъ, Иванъ, Уншеръ-Цейхваршеръ, въ Динабургѣ. 1.
- Горяинова, Надежда Алексѣевна, Ея Богородіе, въ Москвѣ. 1.
- Грасговъ, Лудвигъ Богдановичъ, Его Высокоблаг., въ Кушвинскомъ заводѣ. 1.
- Грипенбергъ, Савасшьянъ Иван., въ Спб. 1.
- Грузинцовъ, въ Москвѣ. 1.

Д.

- Дмишрѣевъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, въ Спб. 1.
- Домашневъ, Павелъ Александровичъ, Прапорщикъ, въ Тульчинѣ. 1.

Е.

- Ершовъ, Дмишрій Степановичъ, Его Высокоблагородіе, въ Спб. 1.

VI

Ж.

Жмакинъ, Александръ Яковлевичъ, Его
Превосходительс., въ Симбирскѣ. 1.

З.

Заватовскій, Графъ, Василій Петр., въ Спб. 1.

Запкинъ, Иванъ Ивановичъ, въ Спб. 50.

Зайцевъ, въ Москвѣ. 1.

Зарецкій, Петръ Михайловичъ, Его Бла-
городіе, въ Тирасполѣ. 1.

Зассъ, Корнилій Корнильевичъ, Его Пре-
восходительство, въ Спб. 1.

Захаровъ, Филиппъ Михайловичъ, Пору-
чикъ Тобольск. полка, въ Тирасполѣ. 1.

Звѣнигородскій, Яковъ Григор., Шшабсъ-
Капишанъ, въ Александріи. 1.

Звѣревъ, Алексѣй Петровичъ, Великолуц-
кій купецъ, въ Великихъ Лукахъ. 1.

Зиминъ, Лука Павловичъ, въ Спб. 1.

Значко-Яворскій, Викторъ Аполлоновичъ,
Мичманъ, въ Свеаборгѣ. 1.

И.

Ивановъ, Александръ Васильевичъ, Его Вы-
сокоблагородіе, въ Москвѣ. 1.

Ивановъ, Александръ Степановичъ, Про-
куроръ, въ Спб. 1.

VII

Ивановъ, Лейтенантъ, въ Спб. 1.
Иллнчевскій, въ Спб. 1.

К.

Каблуковъ, Васплій Андреевичъ, Его Благородіе, въ Суздаль. 1.
Казанцовъ, Гавріиль Фоашчъ, купецъ, въ Екатеринбургъ. 1.
Кадеповъ, въ Спб. 1.
Камышит, Александра Алексѣевна, Ея Высочествоблагородіе, въ Мещовскъ. 1.
Карповъ-Ті, Иванъ Ивановичъ, Аршиллеріи Кашицацъ, въ Кизляръ. 1.
Карповъ, Федоръ Аршемьевичъ, Книгопродавецъ, въ Харьковъ. 1.
Карташовъ, Васплій Александровичъ, Поручикъ, въ Щиграхъ. 1.
Каршамышевъ, Вонифатій Псанов., Одесскій купецъ, въ Одессъ. 1.
Каръевъ, Михайло Владиміровичъ, Его Благородіе, въ Москвѣ. 1.
Касшеринъ, Алексѣй Иван., купецъ въ Спб. 1.
Кашкинъ, Дмитрій, Книгопродавецъ, въ Воронежяі. 2.
Керль, ведоръ Федор., Кап., въ Липецкѣ. 1.
Кпседевъ, въ Москвѣ. 1.
Клепиковъ, Иванъ Николаевичъ, Тверской купецъ, въ Спб. 1.

VIII

- Климовъ 2-й, Федоръ Никифоровъ, Подполковникъ, и Командиръ резервнаго баталіона Олонецкаго пѣхотнаго полка, въ Новгородѣ. 1.
- Клочковъ, Николай Алексѣевичъ, Одесскій 1-й гильдіи купецъ, въ Одессѣ. 18.
- Кожевниковъ, Федоръ Никишичъ, Его Высочайшаго двора камергеръ, въ Харьковѣ. 1.
- Колобовъ, Валдайскій купецъ, въ Спб. 1.
- Колодько, Степанъ Афанасьевичъ, Почтъ-Экспедишоръ, въ Измаилѣ. 1.
- Колошинскій 1-й, Генералъ-Маіоръ и Командаишъ Шлиссельбургскій, въ Шлиссельбургѣ. 1.
- Колошиницъ, Афанасій Григорьевичъ, въ Москвѣ. 7.
- Кольчугинъ Иванъ Григор., въ Москвѣ. 5.
- Конспаншиновичъ, Валеріанъ Михайловичъ, въ Спб. 1.
- Кошловъ, Пешръ Захаровичъ, Его Высочайшаго двора камергеръ, въ Спб. 1.
- Кошова, Катерина Михайл., въ Тифлисѣ. 1.
- Кочуковъ, въ Спб. 1.
- Крикуновскій, въ Спб. 1.
- Крыловъ, Иванъ Захаровичъ, купеческій сынъ, въ Москвѣ. 1.
- Крюковъ, Александръ Пешръ, въ Москвѣ. 1.
- Купенковъ, Василій Ивановичъ, Коллежскій Ассессоръ, въ Спб. 1.

IX

Кушияровъ, Николай Никишичъ, купецъ,
въ Одессѣ. 1.

Л.

Лавровъ, Викшоръ Ивановичъ, въ Лугѣ. 1.

Лапицкая, Александра Васильевна, Ея Благо-
городіе, въ Кіевѣ. 1.

Лапицкая, Глафира Васильевна, Ея Благо-
родіе, въ Кіевѣ. 1.

Лапицкій, Аполлонъ Васильевичъ, Его Бла-
городіе, въ Кіевѣ. 1.

Лапицкій, Василій Гавриловичъ, Книгопро-
давецъ, въ Кіевѣ. 7.

Лапицкій, Клавдій Васильевичъ, Его Бла-
городіе, въ Кіевѣ. 1.

Лапицкій, Леонидъ Васильевичъ, Его Бла-
городіе, въ Кіевѣ. 1.

Лапицкій, Николай Васильевичъ, Его Бла-
городіе, въ Кіевѣ. 1.

Лашинъ, въ Спб. 1.

Лисецковъ, Иванъ Тимофѣевичъ, въ Спб. 4.

Лихачовъ, Иванъ Павловичъ, Спб. купецъ,
въ Спб. 1.

Логиновъ, Василій Васильевичъ, Книго-
продавецъ, въ Москвѣ. 102.

Ломоносовъ, Его Высокоблагор., въ Спб. 1.

Львовъ, А., въ Спб. 1.

Любимовъ, Иванъ Іакинѣевичъ, въ Спб. 1.

Люшовъ, Павелъ Ивановичъ, Титулярный
Совѣшникъ, въ Ригѣ. 1.

М.

Майковъ-Доброхосовъ, Карпъ Ильичъ, ку-
пецъ 1-й гильдіи, въ Москвѣ. 1.

Макшеевъ, Иванъ Пешровичъ, Поручикъ,
въ Кириловѣ. 1.

Машковъ, Ѳедоръ Ивановичъ, въ Спб. 1.

Маціевскій, Иванъ Николаевичъ, Дерпш-
скаго Конно-Егерскаго полка, По-
ручикъ, въ Чегринѣ. 1.

Машковцевъ, Александръ Ѳедоровичъ, 1-й
гильдіи купецъ, въ Вяшкѣ. 1.

Медвѣдевъ, Павелъ Кузмичъ, Его Высо-
коблагородіе, въ Москвѣ. 1.

Медвиль, Ѳедоръ Ивановичъ, въ Москвѣ. 1.

Мейсманъ, Низовскаго полка Поручикъ,
въ Лишинѣ. 1.

Мелинъ, въ Спб. 1.

Мише, Александръ Ѳедоровичъ, Коммисаръ
Рижской Госпитали, въ Ригѣ. 1.

Менжинскій, Игнашій Демьяновичъ, Аспра-
ханскаго Кирасирскаго полка Кор-
нешъ, въ Зенковѣ. 1.

Месняевъ, Владиміръ Васильевичъ, Бѣло-
городскій купеческій внукъ, въ Алек-
сандровскѣ. 1.

XI

- Мидорадовичъ, Николай Иванов., Штабсъ-
Ротышепиръ, въ Спб. 1.
Можаровъ, Поручикъ 45-го Егерскаго пол-
ка, въ Спб. 1.
Мѣдяевъ, Н. П. купеческій сынъ, въ Спб. 1.

Н.

- Назаревскій, Иванъ-Николаев., въ Москвѣ. 1.
Нарышкинъ, Дмитрій Васильевичъ, Его
Превосходител., въ Сим-херополь. 1.
Неизвѣстные, въ Спб. 2.
Немиловъ, Григорій Акинъевичъ, Ржевскій
купецъ, въ Спб. 1.
Непейцынъ, Иванъ Васильевичъ, Книго-
продавецъ, въ Спб. 4.
Нессельродъ, Его Сіяшество, въ Спб. 1.
Нечаевъ, Иванъ Иванов., Полк., въ Спб. 1.
Николскій, Пейпръ Александровичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Спб. 1.

О.

- Олонинъ, Василій Андреевичъ, Янигопро-
давецъ, въ Спб. 1.
Ояондмовъ, Николай Ивановичъ, въ Сиб. 1.

П.

- Первовъ, Андрей Никишичъ, купеческій
сынъ, въ Ригѣ. 1.

- Перцовъ, Пётръ Алексѣевичъ, Поручикъ,
въ Казани. 1.
- Пешровъ, Михайла Пешровичъ, Бѣлозер-
скаго Пѣхошнаго полка Капитуланъ,
въ Порѣчьѣ. 1.
- Писцевичъ, Николай Ивановичъ, въ Кре-
менчугѣ. 1.
- Плашовъ, Графъ Иванъ Машвѣвичъ, въ
Новочеркасскѣ. 1.
- Подобѣдъ, Феликсъ, Иеромонахъ, въ Спб. 1.
- Познякъ, Дмитрій Прокофьевичъ, Его Пре-
восходительство, въ Спб. 1.
- Полевой, Дмитрій Ивановичъ, Книгопро-
давецъ, въ Курскѣ. 5.
- Полевой, Николай Алексѣевичъ, въ Москвѣ. 6.
- Пономаревъ, Никиша Степановичъ, Кни-
гопродавецъ, въ Москвѣ. 5.
- Пословъ, Александръ Андреевичъ, Пору-
чикъ, въ Сигнахѣ. 1.
- Пошумовъ, Григорій Александровичъ, Ге-
нераль-Маіоръ, въ Спб. 1.
- Прокофьевъ, Иванъ Васильевичъ, Коммер-
ціи Совѣтникъ, въ Спб. 1.

Р.

- Рябовъ, Алексѣй Никифоровичъ, въ Спб. 1.

С.

- Савельевъ, П., въ Спб. 1.

- Савинъ, Александръ Прохоровичъ, Чиновникъ 10 класса, въ Спб. 1.
- Сакминъ, Павелъ Яковлевичъ, Его Благородіе, въ Бѣлогородкѣ. 1.
- Салаевъ, Иванъ Григорьевичъ, Книгопродавецъ, въ Москвѣ. 3.
- Самойловъ, Василій Михайловичъ, въ Спб. 1.
- Свербѣевъ, Дмишрій Николаевичъ, Его Высокоблагородіе, въ Новосилѣ. 1.
- Свѣрчковъ, Полковникъ, въ Гельзингфорсѣ. 1.
- Свѣшниковъ, Алексѣй Осиповичъ, въ Спб. 4.
- Свѣшниковъ, Григорій Леоншьевичъ, Книгопродавецъ, въ Москвѣ. 3.
- Свѣшниковъ, Леоншій Леоншьевичъ, Книгопродавецъ, въ Спб. 6.
- Свѣшниковъ, Осипъ Леоншьевичъ, Книгопродавецъ, въ Москвѣ. 15.
- Селезневъ, Андр. Иван., Его Благ. въ Спб. 1.
- Семеновъ, Михайла Андреевичъ, Спб. купецъ, въ Спб. 1.
- Сеньковскій, Осипъ Ивановичъ, Его Высокоблагородіе, въ Спб. 1.
- Сербиновичъ, Констаншинъ Степановичъ, Коллежскій Ассесоръ, въ Спб. 1.
- Синельниковъ, Васил. Вас., Его Благ., въ Спб. 1.
- Синявинъ, Левъ Григорьевичъ, въ Спб. 1.
- Сипягинъ, Василій, въ Орловѣ на Влшкѣ. 1.
- Скиѣскій, Гермацъ Іоаннъ, Наспояшель Почаевскаго Монастыря, въ Сб.д 1.

- Сленкинъ, Иванъ Васильевичъ Книгопро-
давецъ, въ Спб. 24.
- Слоновъ, Яковъ Андреевичъ, купецъ, въ
Каменецъ-Подольскъ. 1.
- Слѣпцовъ, Василій Александровичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Москвѣ. 1.
- Соколовъ, Пешръ Ивановичъ, Его Превос-
ходишельство, въ Спб. 1.
- Соловцовъ, Александръ Пешровичъ, въ Ду-
ховщинѣ. 1.
- Соронъ, Осипъ Пешровичъ, Книгопро-
давецъ, въ Одессѣ. 1.
- Сосулинъ, Сшепанъ Егоровичъ, Вышне-
волоцкій купечес. сынъ въ Томскѣ. 1.
- Сшарцовъ, Владиміръ Фодоровичъ, Пра-
порщикъ, въ Кириловѣ. 1.
- Сшепановъ, Николай Сшепановичъ, Его
Благородіе, въ Москвѣ. 1.
- Сшудинскій, Шшабсъ-Рошмис., въ Курскѣ. 1.
- Суляковъ, Николай Алексѣевичъ, Гвардіи
Поручикъ, въ Спб. 1.
- Сумароковъ, Пешръ Николаевичъ, Его Вы-
сокоблагородіе, въ Нерехшѣ. 1.
- Сускій, Иванъ Осип., Его Благ., въ Спб. 1.
- Т.
- Ташариповъ, Александръ Фодоровичъ, 9-й
Аршилерійской бригады Прапор-
щикъ, въ Балшѣ. 1.

- Тимоновичева, Елисавета Васильевна, Ея
Благородіе, въ Рогожскѣ. 1.
- Тишовъ, Степанъ Ивановичъ, Книгопро-
давецъ, въ Тулѣ. 10.
- Тихомировъ, Иванъ Максимовичъ, Его Бла-
городіе, въ Смоленскѣ. 1.
- Толмачевъ, Афанасій Емельяновичъ, Гене-
раль-Маіоръ и Кавалеръ, въ Москвѣ. 1.
- Торлецкій, Василій Логиновичъ, 1-й гиль-
діи купецъ, въ Бобруйскѣ. 1.
- Тугариновъ, Михайла Ивановичъ, Москов-
скій купецъ, въ Москвѣ. 1.
- Тулубуевъ, Николай Александровичъ, 2-го
Украинскаго полка Роммистръ, въ
Звенигородкѣ. 1.

У.

- Украинцовъ, Николай Евграфовичъ, Его
Высокоблагородіе, въ Болховѣ. 1.

Ф.

- Фогель, Михаилъ Евстафьевичъ, 6-го клас-
са, въ Смаробльскѣ. 1.

Х.

- Хашовъ, Александръ Ильичъ, Генераль-
Маіоръ, въ Спб. 1.

- Хвоцинскій, Авраамъ Пепровичъ, Камеръ-
Юнкеръ, въ Москвѣ. 1.
Хрущалевъ, Осипъ Ивановичъ, Книгопро-
давецъ, въ Москвѣ. 4.

Ц.

- Цепляевъ, Степанъ Малафѣевичъ, въ Бер-
дичевѣ. 1.

Ч.

- Черемисиневъ, Андрей Семеновичъ, Его
Благородіе, въ Сшаромъ Осколѣ. 4.
Черноглазовъ, Александръ Григорьевичъ,
Гвардіи Поручикъ, въ Спб. 1.
Черноголовкинъ, Семень Ивановичъ, Его
Благородіе, въ Вольскѣ. 1.
Чершковъ, Иванъ Васильевичъ, Генераль-
Лейшенанштъ, въ Москвѣ. 4.
Чумичовъ, въ Москвѣ. 1.

Ш.

- Шакабенштъ, Аршиллеріи Маіоръ, Крѣ-
постной Командиръ, въ Выборгѣ. 1.
Шапошникова, Анна Федоровна, купече-
ская жена, въ Ригѣ. 1.
Шапошниковъ, Александръ Григор., въ Спб. 1.
Шаховъ, Коллежскій Ассессоръ, въ Спб. 1.

- Шипцовъ, Дмитрій Павловичъ, Генераль-
 Маіоръ, и Командиръ Лейбъ-Гвардіи
 Семеновскаго полка, въ Спб. 1.
- Ширмеръ, Матѳей Хрістіановичъ, въ Спб. 1.
- Ширяевъ, Александръ Сергѣевичъ, 1-й
 гильдіи купецъ, въ Москвѣ. 80.
- Шмишь, Рашгеръ, въ Венденѣ. 1.
- Шприкъ, Василій Аншоновичъ, Коллежскій
 Совѣшникъ, въ Спб. 1.

Щ.

- Щешкинъ, Михайла Абрамовичъ, Титуляр-
 ный Совѣшникъ, въ Соминской при-
 сшани. 1.
- Щешкинъ, Михайла Васильевичъ, Его Вы-
 сокоблагородіе, въ Спб. 1.

Ю.

- Юханцовъ, Николай Ивановичъ, Его Бла-
 городіе, въ Спб. 1.

Я.

- Языковъ, въ Москвѣ. 1.
- Яковлевъ, въ Спб. 1.
- Яспребцовъ, Иванъ Ивановичъ, Его Пре-
 восходительство, въ Спб. 1.

XVIII

Яценковъ, Семень Ѳедоровичъ, 9-го класса,
въ Спб. 1.

Яценко, Харлампій Антоповичъ, Его Вы-
сокородіе, въ Спб. 1.

Яценко, Александръ Сергѣевичъ, 1-й
классъ, въ Спб. 20.

Яценко, Платонъ, въ Спб. 1.

Яценко, Павелъ Антоновичъ, Коллежскій
регистраторъ, въ Спб. 1.

III

Яценко, Николай Александровичъ, Титуляр-
ный Советникъ, въ Спб. 1.

Яценко, Павелъ, въ Спб. 1.

Яценко, Михайла Васильевичъ, Его Вы-
сокородіе, въ Спб. 1.

IV

Яценковъ, Николай Павловичъ, Его Вы-
сокородіе, въ Спб. 1.

Яценковъ, Павелъ, въ Спб. 1.

Яценковъ, Павелъ, въ Спб. 1.

Яценковъ, Павелъ, въ Спб. 1.

Яценковъ, Павелъ, въ Спб. 1.

12

NO

1851

ГПБ Русский фонд

18.227.4.12/12